

ЖОЗЕФ ДЕ МЕСТР В РОССИИ

Статья М. Степанова

Публикация и комментарии М. Степанова и F. Vermale (Гренобль).

Французская революция 1789 г. и порожденные ею глубокие социально-политические сдвиги и события вызвали напряженную работу мысли представителей старого господствующего класса. Прежним устоям всюду грозила опасность. Борьба с революцией, вначале казавшаяся очень простой и легкой, в действительности была трудна. Приходилось искать оружия сильного и меткого, действительно бьющего противника, и в то же время учиться владеть этим оружием.

Могущественным интересам общественных групп, двигавших революцию, сложным и далеко не однородным системам идей нельзя было противопоставить простую и голую защиту интересов землевладельческого дворянства. Нужно было работать над созданием целой идеологической системы, которая, вполне отвечая интересам этого общественного класса, в то же время учитывала бы всю сложность созданных революцией отношений. Эта система должна была быть последовательной и непримиримой в основе и одновременно гибкой и осторожной в методе и практическом применении.

Среди создателей такой идеологической системы первое место принадлежит знаменитому савойскому аристократу, французскому мыслителю и публицисту графу Жозефу де Местру.

Мировоззрение этого писателя отличалось глубокой непримиримостью по отношению ко всем идеям революции и буржуазного либерализма; оно было очень цельным и последовательным. В то же время Местр настолько своеобразно оценивал общественные явления, так умел подметить слабые стороны противника, что влияние его распространилось далеко за пределы реакционных общественных групп¹.

Самое движение революции Местр воспринимал очень широко. Пытаясь осмыслить всемирно-исторические события, современником которых он был, Местр умел понять силу революции, почувствовал всю ее грандиозность и—один из немногих ее противников—осознал невозможность легкой и быстрой борьбы с ней.

Революция в глазах Местра была не случайным и преходящим событием, а громадным историческим процессом, отнюдь не окончившимся после торжества контрреволюционных сил. В этом понимании силы и размаха революции и глубины порожденного ею социального расслоения и движения—может быть, главная отличительная черта идейных исканий Местра. В нем, может быть, и главный секрет того влияния, которое имели писания Местра на людей совсем иного общественного положения и миро-созерцания, чем он сам.

Четырнадцать лет своей жизни Местр провел в России. Эта страна, менее западно-европейских подвергаясь влиянию Французской революции, переживала, однако, процесс серьезного усложнения старых общественных отношений. Местр внимательно наблюдал и чутко схватывал происходившие в России социальные сдвиги и, ориентируясь во всей сложности происходившего на его глазах процесса, сигнализировал русскому дворянству об ожидавших его опасностях. Его меткие характеристики, оценка лиц, явлений и событий еще до сих пор не встретили должного внимания со стороны русских историков. А, между тем, в них содержится большой материал для истории эпохи.

Публикуемые, вслед за статьей, новые материалы о жизни и деятельности Местра заимствованы из московских и ленинградских архивохранилищ. К ним присоединено несколько документов, присланных в копиях из Парижа. Материалы эти распределяются на следующие главы: I. Из дипломатической переписки Местра, II. Местр и русское правительство, III. Переписка с С. С. Уваровым, IV. Письмо к А. Г. Белосельской-Белозерской, V. Письма к П. К. и Р. К. Сухтеленам. Кроме того, в приложении публикуются письмо Местра к неизвестному и письмо к Местру графа д'Аварэ. В кратких предисловиях к каждой группе документов дается их характеристика.

Изучая эти новые материалы в связи со всеми старыми, мы пришли к выводу, что идеолог международной реакции, живя в России, не был бесстрастным наблюдателем или хотя бы и лицеприятным судьей лиц и событий. Он был активным участником политической борьбы, а к концу своего пребывания в Петербурге—даже вождем определенной политической группировки.

I

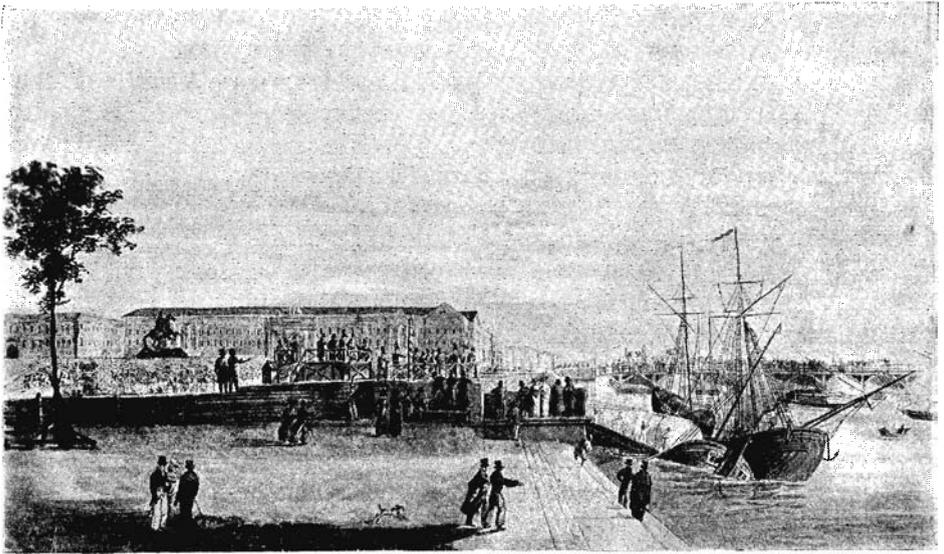
Дореволюционные годы своей жизни Жозеф де Местр (род. в 1753 г.) провел в Савойе, в г. Шамбери, где он служил в судебном ведомстве. С юных лет он интересовался, по преимуществу, философскими и религиозными вопросами. Католик по верованиям, он тогда еще был далек от ультрамонтанских принципов, активно участвовал в масонских организациях, главной целью которых считал объединение церквей. Наиболее близки ему были идеи Сен-Мартена и его «трансцендентное христианство»². По политическим взглядам кануна революции и ее первых лет Местр—сторонник аристократической оппозиции, противник бюрократического деспотизма старого режима³. Эмигрировав в 1792 г. в Швейцарию, он там связался с группой возглавляемых Малле дю Паном сторонников введения во Франции конституции наподобие английской. Такая конституция, с точки зрения Малле дю Пана, была хороша своим компромиссным характером, сочетанием идеи свободы с традициями аристократии и сильной королевской власти. Избирательное право по этой конституции предоставлялось одним землевладельцам⁴. Со своей стороны, Местр, считая, что «проект перелить Женевское озеро в бутылки был бы значительно менее безумен, чем проект восстановления дореволюционного порядка», настаивал, однако, на полном восстановлении господства дворянства⁵.

Но постепенно из взглядов Местра исчезает самая основа идеологии Малле дю Пана—и д е я к о м п р о м и с с а. Он пришел к убеждению в необходимости противопоставить революции цельное и последовательное мировоззрение, и в своих «*Considérations sur la France*» он противопоста-

вляет ей уже не «трансцендентное христианство», а исторический католицизм. Теперь его политическая программа—безоговорочное восстановление дворянской монархии старого типа.

В начале 1803 г. Местр назначается сардинским посланником в Россию. Он едет туда уже немолодым человеком, потеряв все свое состояние, разлучившись с семьей, имея широкую литературную известность, немалый служебный опыт и сравнительно скромное прошлое в области политической деятельности. Применить свои силы полностью в этой сфере ему предстояло лишь здесь, на русской почве.

Местр стал дипломатом в возрасте около 50 лет, но его убеждения в области внешней политики сложились задолго до этого. Своеобразие

ВИД НА СЕНАТСКУЮ ПЛОЩАДЬ ОТ АДМИРАЛТЕЙСТВА

Акварель К. Кольмана, 1824 г.

В день приезда в Петербург, 13/1 мая 1803 г., Местр записал в своем дневнике: «Приехал в Петербург... Тотчас же отправился смотреть статую Петра Великого. На мой взгляд, она много лучше статуи Марка Аврелия (в особенности—конь)»

Русский музей, Ленинград

этих убеждений, их, казалось бы, несоответствие тому, что обычно связывается с понятием «реакция», неоднократно заставляли исследователей пересматривать традиционное представление о Местре, как о реакционном идеологе, и искать в его воззрениях какой-то скрытый либерализм. Так, еще Альбер Блан, издавший в 1859 г. (в год франко-австрийской войны) выдержки из дипломатической переписки Местра за 1803—1810 гг. с тенденциозной целью обоснования идеи итальянского объединения под эгидой Франции и против Австрии, пытался сделать из автора «Du Rare» своеобразного защитника свободы, будто бы всегда напоминавшего о ней королям⁶. Приблизительно таков же был взгляд и Мандуля, который склонялся к мысли, что «Du Rare» было написано для защиты идеи объединения Италии и что воинствующий теоретик реакции на практике был «человеком восемнадцатого века», противником крайностей старого режима, стремившимся к преобразованию военной монархии Пьемонта в «королевство национального облика»⁷.

Современный исследователь Фр. Вермаль подходит к вопросу более осторожно: отмечая пацифизм и антимилитаризм Местра, он указывает, что эти взгляды у него были общими «со всей савойской буржуазией и большинством его соотечественников из других классов», ненавидевших военный режим. Он даже прямо сближает эти взгляды с реакционной идеологией Местра, с его антидемократизмом и антиреспубликанизмом⁸. Эти объяснения нам кажутся правильными, но недостаточными.

О «либерализме» Местра, хотя бы лишь в области внешней политики, можно говорить, только совершенно игнорируя основные элементы реакционной феодальной идеологии эпохи. Только приняв во внимание эти элементы, можно понять пацифизм и антимилитаризм Местра.

Активная завоевательная политика европейских правительств, тесно связанная с развитием промышленности и торговли, вызывала протесты и недовольство в кругах землевладельческого дворянства.

Наиболее показательна в этом отношении публицистика Ленгэ. В своих реакционных построениях этот в высшей степени своеобразный и парадоксальный публицист шел гораздо дальше защиты феодализма. Считая, что современные ему государства, «сделавшись добровольно данниками и подданными торговли, стали просто колоссами, голова которых из золота, а ноги — из глины», он противопоставил им идеал рабовладельческого общества, в котором не было нищеты, этого вечного источника революций, и восточный деспотизм⁹. И трудно найти во всей мировой реакционной публицистике более страстного и убежденного противника войны и милитаризма, чем этот защитник рабства. Называя армии «всепожирющей саранчой», «страшной опорой трона», разрушающей «самые священные семейные узы», он утверждает, что войны вызываются маклерами и торговцами, что «короли являются лишь жадными лавочниками, которые оспаривают друг у друга при помощи пушек право лучше снабжать свои лавки и драть три шкуры с покупателей»¹⁰. Войны вообще, а колониальная политика в особенности, стоят страшно дорого государствам, и Ленгэ предлагает продать колониям их независимость, а вырученные деньги обратить на погашение финансовых дефицитов и уплату долгов¹¹.

Взгляды Ленгэ на вопросы международных отношений вполне разделял и продолжал развивать дальше один из сотрудников его «Annales», Малле дю Пан. Годы Французской революции только укрепили его в этих взглядах.

Мы уже указывали, что политическое мировоззрение Местра складывалось в значительной мере под влиянием Малле дю Пана. Равным образом, взгляды его на задачи внешней политики, в основном, определялись этим же источником. Осуждая методы, применявшиеся антифранцузской коалицией, Местр заявлял, что желает ей успеха только в борьбе против якобинизма, что он видит «в разрушении Франции зародыш двухвекового побоища, санкционирование правил самого постыдного маккиавелизма, неминуемое озверение человечества и даже... нанесение смертельной раны религии»¹².

Местр с негодованием отмечает «ужасную систему расчета, при помощи которой нас возвращают к юридическим понятиям гуннов и герулов»¹³, и, подобно Малле дю Пану, противопоставляет ей идею сотрудничества монархов и господствующих классов. Но, как представитель малой державы, особенно пострадавшей во время борьбы реакционных держав против революционной Франции, он никак не мог согласиться на сотрудничество одних крупных держав. Он даже думал, что «самое худшее, что

можно сделать для всеобщего мира, это допустить соприкосновение великих держав между собой; очень важно, чтобы они были разделены более мелкими державами, способными, однако, удерживать их в состоянии мира под угрозой своего присоединения к той или другой стороне и т. д.»¹⁴. Эти принципы и в дальнейшем руководили Местром. Вот почему он подверг суровой оценке деятельность Венского конгресса: «Законные государи открыто санкционировали идею разделов, раздроблений и отторжений государств по соображениям простого расчета. Это как раз основное правило Бонапарта и вечное семя войн и ненависти до тех пор, пока у людей будет сознание»¹⁵.

В полном согласии с этими принципами Местр осуждал всякое усовершенствование в военном деле, «так как оно увеличивает страдания человечества, не увеличивая ни могущества, ни безопасности какой бы то ни было нации в отдельности», видел в военных поселениях Александра I— проявление стремления создать «государство военщины», грозящее «полным уничтожением гражданского порядка», и с сокрушением отмечал «ужасающее увеличение военного сословия во всей Европе»¹⁶.

Эти пацифистские и антимилиитаристические высказывания несколько не противоречат, а, напротив, в полной мере совпадают с общим реакционным мировоззрением Местра. Если уже до революции среди французских феодалов возник протест против завоевательных стремлений, против растущего подчинения внешней политики интересам торговой и промышленной буржуазии, то тем более должен был обостриться этот протест под влиянием революционных событий, когда победоносная буржуазия стала вести активную политику завоеваний и те же настроения бродили в лагере враждебных держав. Реакционному пацифизму завоевательная политика уже потому казалась опасной, что она вела к революциям. Отсюда—мечты о торжестве морали в политике, о замене принципа эгоизма принципом солидарности.

Эти принципы были общими для всей группы идеологов крайней дворянской и ультрамонтанской реакции. И Бональд протестовал против «ложного и опасного мнения, которое позорит политику и унижает нравственность, представляя первую из всех наук—науку управления людьми, как независимую от законов нравственности». Дворянско-помещичий характер реакционного пацифизма в произведениях Бональда раскрыт совершенно откровенно. Бональд утверждал, что народы земледельческие не имеют поводов для столкновений; борьба, конкуренция и военные столкновения создаются развитием городов, промышленности и торговли¹⁷.

Ламенэ также протестовал против господствующего в буржуазном обществе личного интереса, при котором «общество превращается в широкую арену борьбы интересов», и утверждал: «Люди не знают иного величия, иного благополучия, кроме славы, сопровождающей победы, и богатств, являющихся их плодом. Военное безумие и жажда золота волнуют, изнуряют народы... Финансы, выродившиеся в подлый ажиотаж, торговля, мануфактуры, армии составляют всю политику государства, потому что в деньгах—все счастье государства, а в пушках—вся его сила»¹⁸.

Но Местр, в отличие от своих идейных учителей—Ленгэ и Малле дю Пана, наивысшую опасность для дела мира и законности в Европе усматривал не в русской, а в австрийской политике. Еще в 1794 г. он писал: «Эта австрийская династия—великий враг человеческого рода и, в особенности, своих союзников. Признаюсь вам, что всем сердцем ненавижу ее»¹⁹.

Чтобы объяснить этот взгляд Местра и понять его дипломатическую деятельность в Петербурге, надо остановиться на положении и политике Сардинского королевства, интересы которого он защищал при русском дворе.

Еще до Французской революции Сардинское королевство, владевшее Пьемонтом, Савойей и Ниццей, выделялось среди мелких государств Италии, как государство экономически более передовое и имевшее самостоятельную внешнюю политику. В союзе с Францией, поддерживавшей Сардинию в противовес Австрии, савойская династия настойчиво стремилась к территориальному расширению. Но и союз с Австрией бывал иногда нужен Сардинии, как государству, еще недостаточно сильному, чтобы отстоять свои владения от ее посягательств.

Тесно связанная с французскими Бурбонами, савойская династия с начала революции дала убежище эмигрантам и приняла участие в контрреволюционных коалициях. Чтобы обезопасить себя с этой стороны, революционная Франция должна была последовательно оккупировать Савойю, Ниццу и Пьемонт. С 1798 г. владения савойской династии ограничивались одной Сардинией. Поэтому новая коалиция встретила с ее стороны полное сочувствие. Но в лагере коалиции не было единства мнений по итальянскому вопросу. Австрия хотела по изгнании французов из Италии захватить себе Пьемонт и закрепить свое влияние в Северной Италии. Россия, целью которой был захват острова Мальты и господство в Средиземном море, не была заинтересована в утверждении в Италии какой-либо сильной державы. Поэтому восстановление при помощи русского оружия савойской династии в ее старых владениях было в интересах России. Этому всячески противодействовали Австрия и поддерживавшая ее Англия, опасавшиеся продвижения России к Средиземному морю.

При этих условиях савойской династии, расплачивавшейся за свою поддержку контрреволюционной эмиграции и антифранцузских коалиций, не оставалось ничего, кроме упований на Россию. «Нужно взнудать Австрию при помощи России»,—писал сардинскому королю 4 марта 1800 г. его посол в Петербурге, граф Бальбо. «Союз с Россией—вот в чем спасение короля»,—писал он в министерство 15 апреля²⁰.

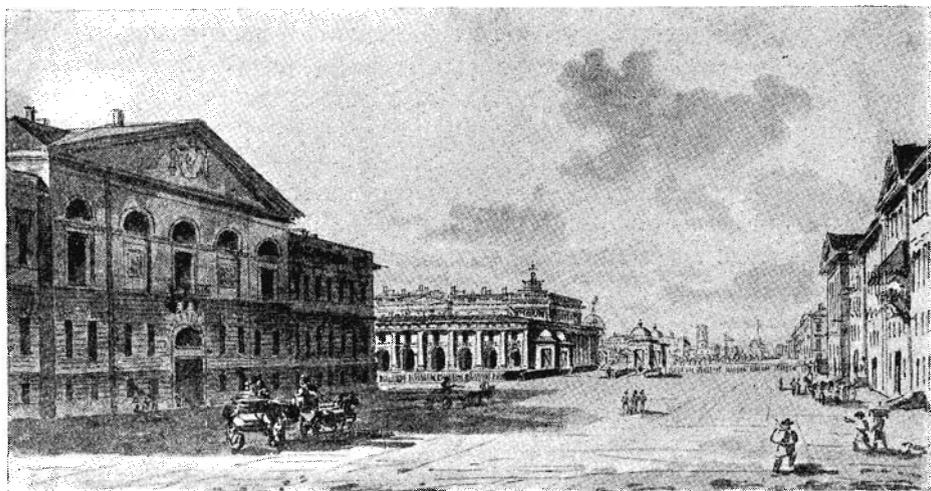
Битва при Маренго и изгнание австрийцев из Генуи, Пьемонта и Ломбардии изменили положение в пользу Франции. Император Павел, склоняясь к союзу с Францией, перестал думать о Сардинии.

Смерть Павла сначала сулила некоторые надежды. Новый император требовал возвращения Пьемонта сардинскому королю, но не настаивал на возвращении Савойи и Ниццы²¹. Однако, в заседании Негласного комитета 10 июля 1801 г. было решено избегать всяких осложнений и, поддерживая дружбу с Англией, не связывать себя договорами с ней и, стремясь положить предел честолюбию Франции, не обострять с ней отношений²².

Неудивительно поэтому, что в подписанном 8 октября 1801 г. франко-русском договоре от Сардинии попросту отмахнулись. Статья VI этого договора обещала, что русский император и первый консул Французской республики будут «полюбовно и по своей охоте иметь попечение об интересах е. в. короля Сардинии и проявят к нему внимание, совместимое с существующим положением вещей»²³.

Однако, Россия вовсе не собиралась снимать совсем с очереди вопрос о сардинском короле, и вскоре с русской стороны возбуждена была пере-

писка о вознаграждении короля за утрату Пьемонта²⁴, о возвращении которого уже не было речи, так как Наполеон прямо заявил, что не отдаст Пьемонта, «покуда у австрийцев останется хоть пядь итальянской земли», и что он советует сардинскому королю удовлетвориться тем, что он еще сохранил из своих владений²⁵. И в заключенном 27 июля 1802 г. между Англией и Францией Амьенском договоре о Сардинии не было упомянуто вовсе. Еще до этого последовало отречение сардинского короля Карла-Эммануила IV. Новый король Виктор Эммануил I начал свое царствование унижительным письмом к Наполеону, которого назвал своим «великим и добрым другом»²⁶. Наполеон ему ничего не ответил, но, под влиянием постоянных настояний со стороны России, предложил вознаградить сардинского короля за утрату Пьемонта тосканскими землями Сиеной и

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ, АНИЧКОВ ДВОРЕЦ И МОСТ

Рисунок тушью Максима Воробьева

„Я переехал на Фонтанку, рядом с дворцовыми магазинами [помещались в Аничковом дворце]“, — записал Местр в своем дневнике 6 июня (25 мая) 1809 г.

Русский музей, Ленинград

Орбителло с округами, требуя, однако, от него формального отказа от Пьемонта. С русской стороны за предложение Наполеона ухватились с радостью, но заявили, что вопрос об отказе от Пьемонта должен решить сам сардинский король²⁷.

Таково было положение вещей, когда Местр был назначен сардинским посланником в Петербург.

Все сказанное достаточно объясняет ненависть, которую он питал к Австрии, объясняет и то, почему он боялся расчленения Франции, в которой видел возможного союзника и опору савойской династии в будущем.

В 1799 г. во время итальянского похода Суворова он ездил в Падую специально для того, чтобы «видеть русских и казаков, которых император Павел I послал в Италию против французов». И нельзя сказать, чтобы эти наблюдения не внушили ему страха и какого-то жуткого чувства. Он не без ужаса говорит о «скифах и татарах, пришедших с Северного полюса, чтобы с французами перерезать друг другу горло»²⁸.

Тем не менее, Местр ехал в Россию убежденным в том, что при наличных условиях для сардинского королевства нужна возможно более тесная связь с Россией.

В Петербург он прибыл 1 мая ст. ст. 1803 г.

В ноте, врученной государственному канцлеру Воронцову 15 мая, Местр заявил об отказе короля дать требуемое Наполеоном отречение от Пьемонта.

В итоге первых впечатлений от русского двора Местр сделал вывод, что от России при данных условиях нельзя ждать энергичного заступничества за савойскую династию. Правда, взяв более угрожающий тон, Россия, по его мнению, могла бы достичь хоть некоторого подобия равновесия, но можно ли ожидать этого от «головы, сформованной (façonnée) г. Лагарпом?». «У русского императора есть только две идеи: мир и бережливость», — писал он 17/29 июля²⁹.

Все это настраивало его довольно пессимистически: он возмущался тем, что «государя, вследствие какого-то непостижимого ослепления, так мало уважают соединяющее их священное братство и могут смотреть на страдания одного, не страдая сами». С негодованием передавал Местр слух о фразе Чарторыйского: «Что нам за дело до короля сардинского», и отвечал на это: «Вам до него большое дело, так как речь идет о праве государей и о чести вашего государя, в частности. Император не умирает: Павел обещал, Александр должен сдерживать обещанное»³⁰.

Новая европейская обстановка, сложившаяся весной 1803 г. вследствие разрыва между Англией и Францией, побудила Местра начать работу в пользу новой коалиции. Он убеждал английского посла в Петербурге склонить английское правительство на путь подражания Вильгельму Оранскому, который в свое время «соединил все интересы и сумел слить их воедино» против завоевательной политики Людовика XIV³¹.

Но главной надеждой Местра все-таки является Россия. Рассчитывая на ее помощь и посредничество, Местр в принципе не отвергает и соглашения с Наполеоном. Если пока нельзя еще его победить, можно попытаться с ним договориться. Он узурпатор? Что ж такое! Людовик XIV ведь договаривался с Кромвелем. Поэтому Местр советовал своему королю согласиться на отказ от Пьемонта, если Наполеон даст ему в обмен за это не Сиену, не Орбителло, а Геную. Это был бы безусловный выигрыш, так как реставрация во Франции рано или поздно неизбежна, и тогда король «вернулся бы в Пьемонт, сохранив Геную»³².

Король, однако, соглашался получить только территорию с населением не меньше 4 миллионов. «Если, — писал он, — можно получить Лигурию с Генуей, с частью Пьемонта, Пармой и т. д., это было бы самое желательное»³³.

Такая требовательность со стороны лишеного значительной части своих владений и укрывавшегося в Риме сардинского короля была более чем несвоевременна. И Воронцов кратко ответил: «Сиена или ничего»³⁴.

Что касается Наполеона, то он, готовясь к борьбе с Англией, менее всего думал о каком-либо вознаграждении сардинского короля, а тем более Генуей.

В записке, представленной сардинскому правительству в январе 1804 г., Местр предостерегает от иллюзий первых лет революции и утверждает, что изменить внутренний строй Франции путем военной победы невозможно и не в этом задача коалиции. Нужно изгнать французов из занимаемых ими чужих земель, угрожать их границам, ударить по их торговле,

лишить их флота и островов; наконец, обратиться к ним с манифестом, который изобразит им «войну, и войну бесконечную, со всеми ее ужасами, неизбежным результатом мании одного человека, для которого пятнадцать лет тому назад офицерские эполеты были сокровищем и которому теперь недостаточно Франции». Предлагая далее России и Англии взять на себя руководство борьбой, Местр обращается к итальянским делам. Здесь он указывает на ту реальную опасность, что, если могущество французов в Италии будет сокрушено, ею может завладеть Австрия. Желательно поэтому восстановить в Италии полностью дореволюционный status quo, но, если обстоятельства этому помешают, «было бы, по крайней мере, непolitично разрешить австрийской династии увеличивать свои теперешние владения в Италии, не увеличивая соответственно владений сардинского короля»³⁵.

1804 г. существенно изменил положение в Европе. Расстрел герцога Энгиенского, протест России по этому поводу и провозглашение Наполеона императором—важнейшие события этого года.

Сам Местр в этом году стал агентом Бурбонов, но провозглашение Наполеона императором его обрадовало. Он увидел в этом событии серьезный шаг в сторону реакции. «Я предпочитаю,—писал он,—видеть Бонапарта королем, чем простым завоевателем... Предоставьте Наполеону действовать. Предоставьте ему бить французов своим железным хлыстом; предоставьте ему заключать в тюрьмы, расстреливать, ссылать всех, кто ему подозрителен; предоставьте ему создавать императорское величество и высочества, маршалов, наследственных сенаторов и в скором времени, не сомневайтесь,—кавалеров орденов... Коронование Бонапарта увеличивает шансы короля»³⁶.

Однако, Наполеон внушал своим врагам непреодолимый страх. В июне, по его требованию, сардинский король покинул Рим, где он жил из опасения оккупации Сардинии, и направился во владения неаполитанского короля. В письме к кардиналу Фешу Наполеон заявлял: «Я очень желаю, чтобы сардинский король не возвращался более в Рим; это вопрос решенный. Я не допущу более, чтобы он владел чем-нибудь в Италии. Мне неприятно видеть в Риме этого государя—русского агента, который только стесняет и, в конце концов, скомпрометирует папу»³⁷.

Россия в это время назначила субсидию сардинскому королю и продолжала поддерживать в нем надежды на ее помощь. Инструкция Новосильцову, командированному для переговоров за границу, требовала возвращения королю сардинскому всех его владений и увеличения его доли при общем переустройстве Европы. Любопытно, однако, что та же инструкция, противопоставлявшая политике Наполеона либеральные принципы, требовала от сардинского короля дарования конституции³⁸.

В составленном Чарторыйским проекте устройства Европы после победы над Наполеоном говорилось уже определенно о возвращении королю Пьемонта и передаче ему Генуи и части Ломбардии. О Савойе и Ницце здесь не упоминалось. Напротив, указывалось, что Альпы останутся границей Франции³⁹.

Поражение коалиции 1805 г. снова изменило положение. Местр, с огорчением узнавший об Аустерлице, не мог, однако, не позлорадствовать по поводу поражения Австрии. «Я испытываю некоторое удовольствие,—писал он графу Фронту,—при виде падения австрийской династии. Вы скажете, что это—удовольствие демона. Я согласен, но это так»⁴⁰.

Предвидя возможность заключения мира, Местр снова напоминает России об интересах своего короля. Захват Наполеоном Неаполитанского королевства заставил сардинского короля переехать, наконец, в свою столицу, Кальяри. Отсюда Местр получил отчаянное письмо от королевы, которой не давали покоя соседство Корсики и грозившая опасность со стороны Наполеона. Местр представляет это письмо русскому правительству, указывая при этом на своеобразие своего положения среди дипломатов. «Я берусь за перо, я говорю только для того, чтобы просить. Ничто не нарушает приятным для меня образом удручающего однообразия моих обязанностей, ничто не вносит перемены в мои горести»⁴¹.

Новая коалиция (Англия, Россия и Пруссия) возрождала надежды. Но Местр остается при старом убеждении, что задача коалиции не в военном разгроме Наполеона, а в нанесении ему таких поражений, которые изменили бы отношение к нему французского народа.

Подобные же взгляды развивает Местр в письмах и депешах к своему правительству. «Ведя войну против Франции и действуя одновременно внутри ее, можно привести страну к тому, что она свергнет узурпатора собственными руками». Он настаивает на необходимости общеевропейского признания королем Франции Людовика XVIII⁴².

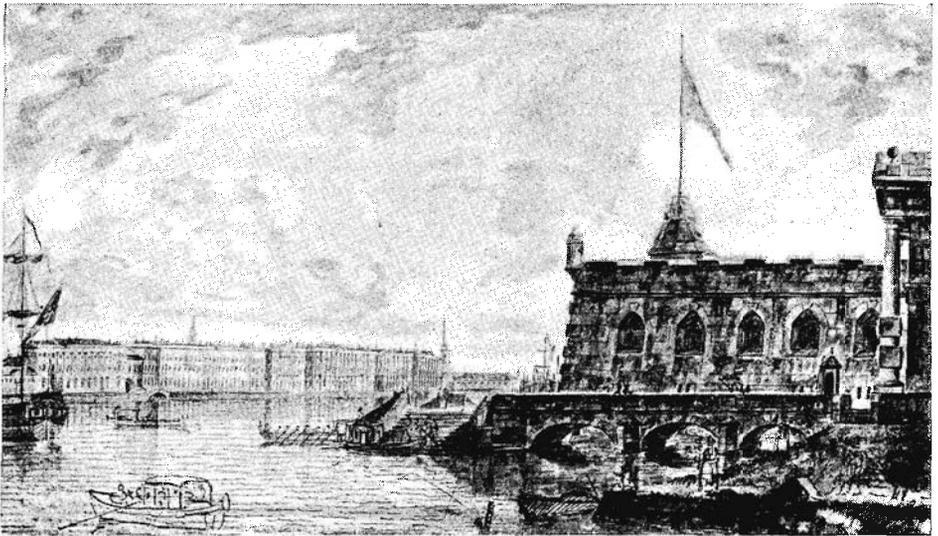
Но поражение снова подстергало коалицию. Вслед за Иеной и Фридрихландом последовало тильзитское свидание. 18/30 июня 1807 г. Местр, до которого уже дошли слухи о предстоящих мирных переговорах, обращается к русскому правительству с новым напоминанием об интересах своего короля.

Наконец, приходит известие о заключении между Россией и Францией не только мира, но и союза. Это событие, вызвавшее негодование среди русской англофильски настроенной и связанной с Англией своими экономическими интересами аристократии, Местр сумел оценить с полным хладнокровием и спокойствием. Более того: он понял тактику русского императора. Он подробно развил свой взгляд на новое положение в письме к приближенному Людовика XVIII, графу д'Аварэ. Напомнив здесь свою старую точку зрения, что Европа будет терпеть Наполеона, пока его будут терпеть французы, и повторив, что он уверен в неизбежности его падения, Местр следующим образом излагает свой взгляд на происшедшее: «Император, подписывая мир, только подчинился благоразумию, необходимости, любви к своим народам. Если есть люди, которые его порицают, то они не знают, что говорят: простым глазом нельзя даже различить в будущем время, когда, может быть, будет полезно нарушить этот мир...». Дело в том, что теперь наступает совсем новый период: под видом мира будет продолжаться война. Нужно только терпение. «Обстоятельства требуют перемены тона в музыке». Нужна, следовательно, новая политика, новые приемы борьбы⁴³.

9/21 августа 1807 г. министр иностранных дел Будберг объявил Местру, что в Тильзитском договоре совершенно не затронут вопрос о сардинском короле и его владениях⁴⁴. Местр дважды выразил свой протест русскому правительству по поводу этого обстоятельства⁴⁵. Но, действуя так, он, конечно, понимал, что это лишь выполнение дипломатического долга. Если созданная Тильзитом международная обстановка будет существовать длительный период, если нельзя пока даже предвидеть конца этого периода, то бессмысленно ожидать от России, чтобы она при этих условиях заводила речь о сардинском короле, хотя бы и в той скромной, ничего

не значащей форме, как это было в договоре 1801 г. Совершенно несомненно было, что, если под видом мира и союза между Наполеоном и Александром будет вестись дипломатическая борьба, то в интересах России—не обострять преждевременно этой борьбы такими сравнительно мелкими вопросами. Борьбу нужно было сконцентрировать на вопросах более крупного международного значения и более непосредственно связанных с интересами России, как-то: польский вопрос, Турция и т. д. Поэтому и Местру приходилось думать о новых приемах борьбы в изменившейся обстановке.

В тильзитский период дипломатическая деятельность Местра не только вступила в новую фазу,—она теперь была неразрывно связана с тем положением, которое Местр занял в русском обществе, с теми отношениями,

ВИД НА НЕВУ ОТ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Акварель Ф. Алексеева, 1790-е гг.

Русский музей, Ленинград

которые у него сложились в России, а следовательно, и с русскими политическими течениями и группировками.

II

Задолго до своего прибытия в Петербург Местр имел совершенно сложившийся идеал «европейской монархии», которую он противопоставлял азиатской монархии, или деспотии. Это противопоставление,—ведущее свое начало еще от Монтескьё, различавшего монархию, как государственный строй, созданный на твердом основании законов, и деспотию, как порядок, в котором все управление покоится на основе личного произвола,—было тем элементом в мировоззрении Местра, который он унаследовал от Малле дю Пана.

Наблюдая политическую жизнь России, Местр пришел к выводу, что существующий в стране порядок очень далек от его идеала.

В Петербурге, когда туда приехал Местр, еще очень свежо было впечатление от переворота 11 марта 1801 г. Местр не только узнал все под-

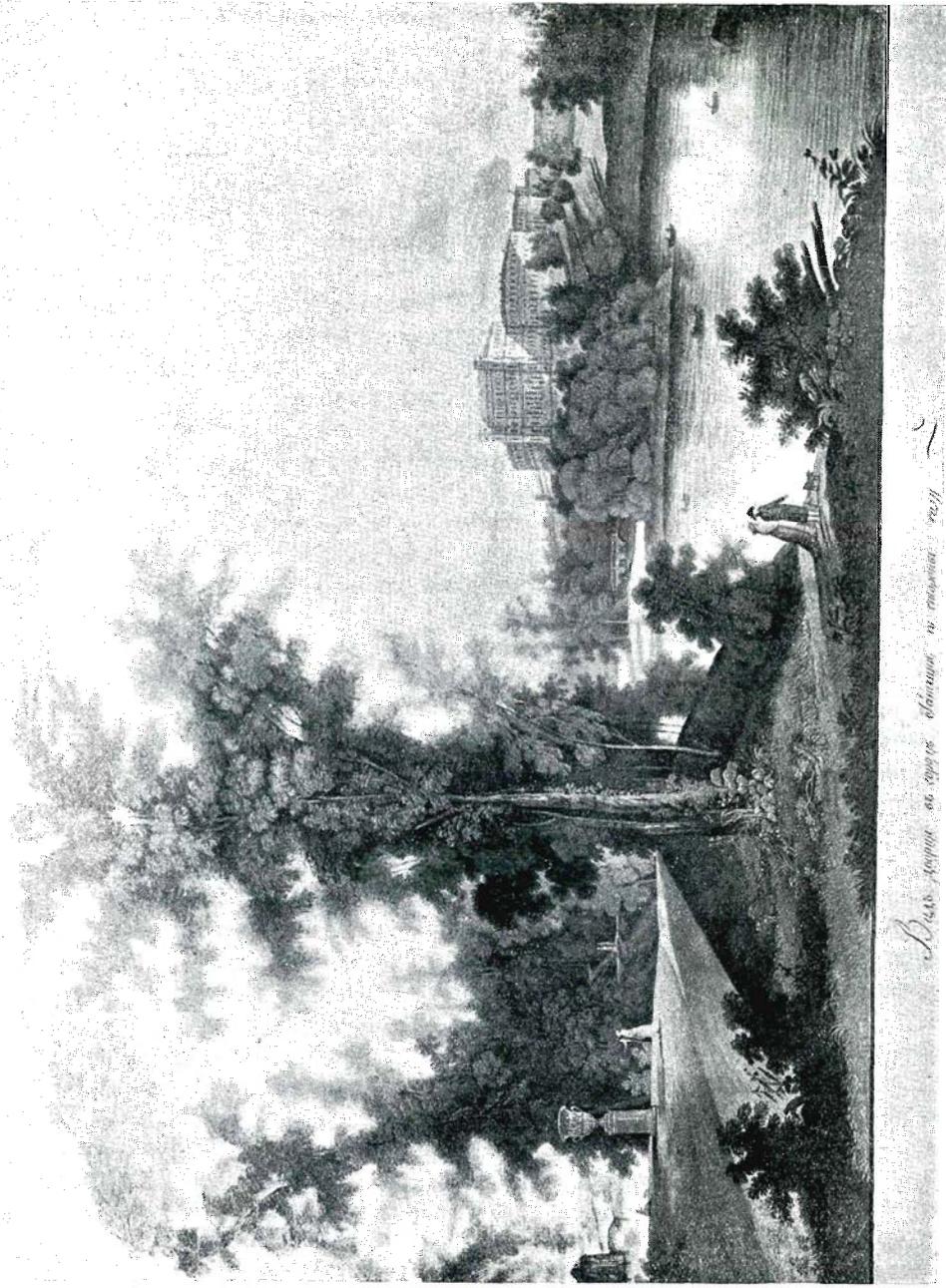
робности событий, но и лично посетил место убийства Павла⁴⁶. И во все время своего пребывания в России Местр неоднократно возвращался мыслью к «одинадцатому марта», так как, наблюдая отношения между императором и дворянством, он приходил к заключению о возможности повторения подобных событий («азиатского средства»—«remède asiatique»). В очень интересном письме к графу Фронту от 20 октября (1 ноября) 1807 г. Местр изложил свое понимание разницы между монархией европейской и азиатской. «В наших европейских монархиях, где существуют сословия, магистратуры, привилегии, одним словом—основные законы, различающиеся в зависимости от различия духа наций, король через своих представителей и через выраженную в письменном виде свою волю действует везде, даже без его ведома все делается его именем, и, таким образом, если даже предположить случай, когда, по природе, государь не обладает всеми качествами, необходимыми для столь высокого положения, машина все же может двигаться сама, и протяжения человеческой жизни, во всяком случае, недостаточно для ее полного разрушения. Но в монархиях азиатских, где государь действует непосредственно, в тех случаях, когда верховная воля слаба или порочна, неизбежно или падение государства или устранение его главы. И так как природа создает всегда правила, соответствующие образу правления, она у нас клеймила, до последнего поколения, всякое покушение на особу государя, тогда как в Азии убийца отца может оказаться на службе у сына. Отсюда следует, что в этих странах нужно ожидать всего и что ничто не может там поразить»⁴⁷.

Эти размышления были внушены Местру, конечно, не только событием 11 марта и судьбой его непосредственных участников, но всей русской социально-политической обстановкой.

В этой довольно сложной обстановке происходила, прежде всего, острая борьба течений в дворянской среде. Передовые землевладельцы, тяготившие к капиталистическому хозяйству, говорили об улучшении положения крестьян, одновременно стремясь к защите и укреплению сословных привилегий дворянства. По своим английским симпатиям эта группа носила кличку «тористов». В дворянской массе притязаниям аристократии не сочувствовали, но относились к власти все же с некоторым недоверием, требуя от нее чисто дворянской политики.

Отзывы Местра об Александре и его «молодых друзьях» лишены особой симпатии. Неодобрительно говорит он о либерализме императора, воспитанного «учителем, преподававшим ему только философию восемнадцатого века, и отцом, заставлявшим его изучать только казарму». Без всякого сочувствия отзывается он и об англофильских и новаторских симпатиях сотрудников Александра и т. д.⁴⁸

Первые знакомства Местра в Петербурге были, естественно, в среде дипломатического корпуса. Довольно близко сошелся он с английским послом, сэром Уорреном, скоро, однако, отозванным из России. Наиболее тесное знакомство, перешедшее скоро в крепкую дружбу, завязалось с неаполитанским послом, герцогом Серра-Каприола, старым жителем Петербурга, женатым на княжне Вяземской, дочери екатерининского генерал-прокурора. По свидетельству одного баварца, приехавшего в Россию в 1800 г., «его [Серра-Каприола] дом приятен и единственное, существующее в настоящее время, место собрания для иностранцев»⁴⁹. Его дом «не переставал быть центром постоянной оппо-

ГАТЧИНА

Рисунок Семена Шедрина, 1796—1800 гг.

„Я побывал в Гатчине... здесь всюду чувствуется дух Павла I, т. е. подлинно ведичественная сущность испорчена здесь чудачеством и солдафонством“ — запись Местр в дневнике от 4 октября/23 сентября 1806 г.

Русский музей, Ленинград

зиции против императора французов» и своего рода петербургским штабом роялистов.

Дружба с Серра-Каприола не только расширила и укрепила связи Местра с международными легитимистскими кругами, но и открыла ему широкий доступ в дома русской аристократии.

Мы имеем сведения от осени 1804 г., что в это время Местр чаще всего бывал в домах братьев Н. А. и П. А. Толстых, графа В. П. Кочубея, у графов Строгановых, адмирала П. В. Чичагова, тещи Серра-Каприола княгини Вяземской и князя Белосельского-Белозерского⁵⁰. Здесь мы видим и реакционные салоны (Толстых и Вяземской), и салоны «тористские», правительственные (Кочубея и Строгановых). Из этих домов одним из наиболее близких Местру сделался дом обергофмаршала графа Н. А. Толстого. По словам графа М. А. Корфа, Н. А. Толстой, человек довольно ограниченный, дерзкий и грубый, стоял в явной оппозиции к «молодым друзьям» и, тем не менее, был близок к императору⁵¹. Об этом можно судить по приводимым в донесении австрийского посла словам Толстого, сказанным императору в эпоху союза с Наполеоном: «Государь, если вы не измените ваших политических принципов, вы кончите тем, что вас задушат, как вашего отца». Возможно, впрочем, что рассказ этот—анекдот, пущенный в ход самим Толстым для поднятия своей репутации⁵².

Брат Н. А. Толстого, Петр Александрович, занимавший в 1803—1805 гг. пост петербургского генерал-губернатора, а в 1807—1808 гг. бывший очень неудачным послом при Наполеоне, по словам того же Корфа, человек чрезвычайно ленивый, «представлял лицо преимущественно отрицательное»⁵³.

Местра сблизили с обоими братьями их строго консервативные взгляды, вражда к преобразованиям и антинаполеоновская позиция. Кроме того, они оба нравились ему своей резкостью и откровенностью. В письме к России от 28 мая ст.ст. 1806 г. он говорил о своей близости с П. А. Толстым, которому отводит «одно из первых мест... среди защитников хороших принципов и русского имени». «У меня нет в этой стране большего удовольствия, чем беседовать с ним о политике. Это присущая людям слабость—любить тех, у кого находишь свои собственные взгляды».

С удовольствием подчеркивает Местр резко отрицательное отношение Толстого к парадомании императора и мужество, с которым он это высказал последнему прямо в глаза⁵⁴. Очевидно, в этом петербургском обществе близких ему по убеждениям людей Местр находил усердных ценителей и слушателей. Кроме того, Н. А. Толстой и его жена, Анна Ивановна, сблизжали его со всем кругом консервативного, легитимистски настроенного русского дворянства, кругом, в котором грубость и резкость братьев Толстых, защитников «русского имени», совмещалась с изящными манерами французских эмигрантов и католических патеров.

Через сэра Уоррена Местр познакомился, а потом и близко сошелся с морским министром, адмиралом П. В. Чичаговым. Последний очень заинтересовал его своим крайне оригинальным умом и суждениями. «Он вспыльчив и горяч, и это одно создает ему множество врагов. К тому же у него несносная странность: он не ворует и не допускает воровства в своем ведомстве, за что его ненавидят»,—писал Местр 9 августа ст.ст. 1804 г. В одном из позднейших писем (январь 1808 г.) имеется и более обстоятельная характеристика Чичагова. Это—«один из самых выдаю-

щихся умов в стране. Он воспитан в Англии, где научился презирать свою страну, его жена, страстно им любимая,—англичанка, но он по своим симпатиям француз. Его речи очень смелы... у него много ума и оригинальности»⁵⁵.

При Павле I Чичагов подвергся заключению в крепость за «якобинские правила и противные власти отзывы». По свидетельству графа Ф. П. Толстого, Чичагов—человек очень образованный и прямой, «был ненавидим почти всем придворным миром и всей пустой, высокомерной знатью»⁵⁶. В одном иностранном документе о России 1804 г. отмечаются трудолюбие Чичагова, борьба его с злоупотреблениями в своем министерстве и смелые разговоры, дающие людям основание приписывать ему крайние взгляды⁵⁷. Если судить по собственным запискам Чичагова, в которых он резко критикует «раболепство» русского дворянства и, вместе с этим, симпатизируя сословным привилегиям, отрицательно относится к проникновению в дворянскую среду «худородных», то взгляды его были близки к «торизму». Но записки—продукт позднейших размышлений.

В описываемую эпоху Чичагов выделялся в петербургском обществе симпатией к наполеоновской буржуазной Франции и атеизмом. Кроме того, то, что известно из переписки Чичагова с Александром, действительно, характеризует его, как человека очень прямого. Он не постеснялся, например, привлеченного Александром на службу корсиканца Поццо ди Борго назвать «авантюристом, появившимся неизвестно откуда»⁵⁸.

Как видно из писем Местра к Чичагову, споры между ними чаще всего касались вопросов философских и религиозных. Спорили о материи и духе, о провидении, о системе Коперника и т. д. и оказывались на диаметрально противоположных позициях. Несмотря на это, Местр любил Чичагова и во время их разлуки, когда Чичагов был в Париже, мечтал о том, как будет еще дремать в его креслах, а в промежутках спорить с ним⁵⁹.

Отъезд Чичагова за границу и его отрицательные отзывы о России вызвали между ними споры об отношении к отечеству. Местр решительно отказывался понять причины отвращения Чичагова к его родине. Он все искал здесь какого-то «секрета». Он прямо коснулся этого вопроса в письме от 27 июля (8 августа) 1810 г. Здесь он говорил, что в сердце человека имеются тайники, скрытые от глаз даже друзей. «Например, то, что вас, адмирал, отвращает от этой страны,—это не то, или, по крайней мере, не только то, о чем вы мне говорили. Я вижу главную побудительную причину в вашем сердце, как вижу солнце, и, однако, я не знаю, что это такое». Затем Местр даже написал специально для Чичагова небольшое сочинение «Рассуждение о слове р о д и н а» («Dissertation sur le mot P a t r i e»). Отстаивая идею отечества, Местр утверждал здесь, что эмиграция не может быть оправдываема недостатками правительства: каждый обязан служить своему правительству, какое оно ни есть, и защищать его. Единственный случай законности эмиграции—падение власти, которой человек присягал⁶⁰.

Кроме Чичагова, у Местра завязались в Петербурге дружески-интимные отношения с сенатором В. С. Томарой, бывшим ранее послом в Константинополе. Беседы между ними запечатлены в «Soirées de St.-Pétersbourg», где Томара выведен под именем «с е н а т о р а».

Жизнь Местра в Петербурге была не из легких. Положение посланника, бывающего при дворе, обязывало к расходам, а средств нехватало.

На скудное жалованье, отпускаясь ему из Сардинии, он должен был содержать и себя, и свою семью, оставшуюся в Турине. «От расходов у меня идет кругом голова,—писал он уже в августе 1803 г.—Один стол поглощает массу средств: вина и фрукты подаются всюду лишь заграничные... И вот результат: посреди огромных богатств все разорены, никто не платит своих долгов, и на это нет суда». Из того же жалованья ему пришлось шить себе шубу и весь гардероб, обзаводиться каретой и мебелью и еще помогать землякам-пьемонтцам, поступившим на русскую службу. Первая квартира сардинского посланника в Петербурге была ему уступлена каким-то дантистом, вторая занималась до него оперным певцом. «Вы видите,—иронически писал Местр,—что я неважный певец».

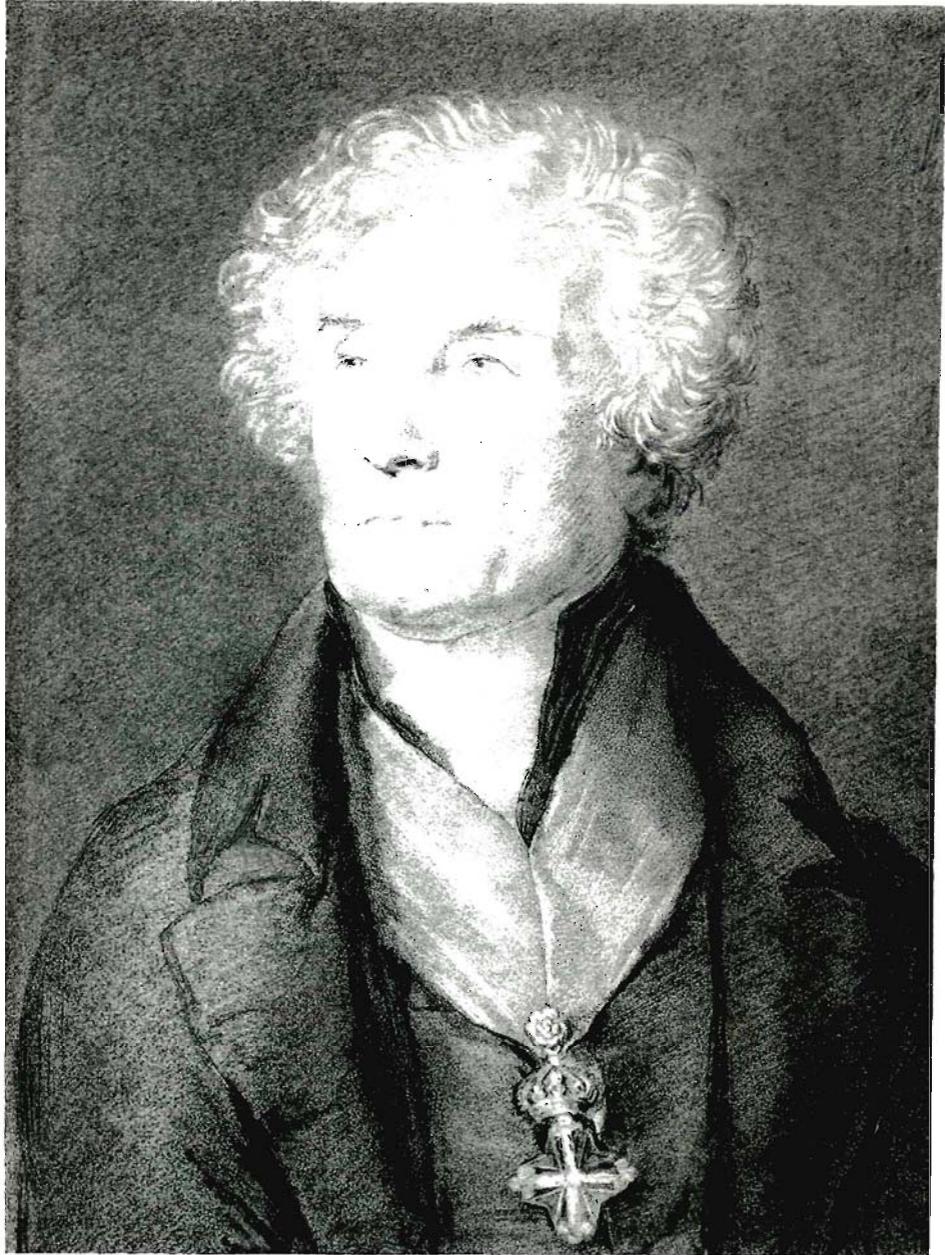
Иногда сардинский посланник вынужден был даже уклоняться от появления при дворе, так как это требовало больших расходов. Когда он приходил в отчаяние при мысли о тяжелом положении своей семьи, он бежал к Серра-Каприола и жаловался ему, но неаполитанский посол сам был разорен и мог утешать своего друга только своим «неаполитанским смехом». Иногда Местру нехватало на самое необходимое. «Его величество,—писал он о своем короле,—в своей доброте не соизволил принять во внимание, что повиновение, как бы священо оно ни было, не может простираться до унижения человека в человеке. Никогда никакой основатель ордена не требовал от своих монахов такого самоотречения и бесстрастия, какие его величеству угодно было наложить на меня». В своем «штате» Местр не имел даже секретаря, и он сам составлял и переписывал свои депеши, страдавшие, по собственному его выражению, от «преизобилия идей».

Правда, служебной работой сардинский дипломат перегружен не был. Свой петербургский образ жизни он сравнивал с движением часового маятника: тик-так. «Вчера, сегодня, завтра и постоянно... Мне очень трудно выбраться куда-нибудь из дома... я читаю, пишу, я учусь; ведь нужно же знать что-нибудь. После девяти часов я велю везти себя к какой-нибудь даме, так как всегда отдаю предпочтение женщинам». Мы увидим ниже, что эти посещения дам сопровождались пропагандой католицизма.

Но записная книжка Местра свидетельствует, что свой образ жизни он разнообразил как мог: он осматривал все достопримечательности города и пригородов (Михайловский замок, царскосельские и петергофские дворцы, Шлиссельбургскую крепость), посещал Академию наук, Кунсткамеру, Медико-хирургическую академию и другие учебные заведения; ежегодно 22 июля выезжал в Петергоф на традиционный праздник и вовсе не уклонялся от посещений «большого света»⁶¹.

Несомненно, что в первые годы пребывания в Петербурге Местру не пришлось играть сколько-нибудь видной политической роли. Его положение, как дипломата, было самым жалким. У него не было ни средств, соответствующих рангу (а часто он нуждался в самом необходимом), ни престижа имени представляемого им правительства. Ему приходилось довольно много унижаться: просить о субсидиях для короля, постоянно напоминать о его жалком положении. При этом свободный доступ он имел только к министрам и редко получал аудиенцию у императора.

Но при дворе им интересовались. Одно из его писем к графу Фронту, отправленное через министерство, подверглось перлюстрации. Узнав об этом, Местр, по его словам, благодарил формально Чарторыйского за возведение его в ранг посланника, имеющего значение. «Так как

*L'âme veut tout savoir, et s'élève même que l'esprit
à lui-même le plus, que l'esprit
qui l'esprit s'élève même que l'esprit le plus
d'homme. C'est ainsi que l'esprit
de Maître Petrus de Meester 7 avril 1812
1819*

ЖОЗЕФ ДЕ МЕСТР

Рисунок Фогель-фон-Фогельштейна с дарственной надписью Местра неизвестной от 7 (19) апреля 1812 г. Исторический музей, Москва

в своей корреспонденции,—писал он по этому поводу графу Фронту,—я мало прибегаю к шифру, они имели полное удовольствие, а я ничуть не был огорчен: ведь всякий раз, когда я не шифрую, какова бы ни была кажущаяся свобода речи, я всегда пишу, чтобы быть читанным»⁶².

С другой стороны, еще в 1805 г. Местр позаботился о том, чтобы его записка по вопросу об австро-итальянских отношениях, писанная в январе 1804 г., была неофициально, «дружеской рукой», передана императору⁶³.

Отметим любопытный случай проявления особого внимания к Местру. В 1808 г. ему послали проекты предположенного памятника Минину и Пожарскому и просили высказать свое суждение о них. Проект, одобренный Местром, был утвержден императором. Сообщая об этом своему правительству, Местр не мог отказать себе в удовольствии поиронизировать по поводу того, что именно он выбрал лучший проект памятника людям, имена которых ему до этого не были известны⁶⁴.

Тильзитский мир еще уменьшил дипломатическую роль Местра в Петербурге. Но и в окружающей его политической среде произошла перемена: все великосветское общество, как и широкие круги дворянства, перешло в оппозицию.

Правительство и, в особенности, император и новый министр иностранных дел граф Н. П. Румянцев не пользовались никакой популярностью. В письмах и донесениях Местра именно теперь все чаще встречаются упоминания об «азиатском средстве», и он допускает возможность его нового применения со стороны недовольных кругов.

Личное положение Местра стало очень сложным. И политические симпатии, и личные связи ставили его в ряды противников Тильзита. Но, как мы видели, он был одним из немногих современников, понявших, что Александр в 1807 г. не мог не пойти на мир и союз с Наполеоном и что этот мир и союз на деле будут продолжением борьбы. Поэтому он не мог чуждаться противоположной партии. Возможность сближения с нею была для него открыта. Его друг и всегдашний антагонист Чичагов занимал открыто франкофильскую позицию; французские послы Савари и Коленкур сразу оценили это. Последний стал постоянным посетителем Чичагова⁶⁵.

В доме Чичагова Местр встречался с умной и хитрой фрейлиной Роксандрой Скарлатовной Стурдзой, с которой очень сблизился. Ее кружок, кружок греческих патриотов, первоначально, повидимому, также не относился враждебно к франко-русскому сближению.

Местр не изменил своего отношения к Наполеону, но считался с необходимостью перемены тактики⁶⁶. В поисках ее он пришел к мысли о поездке в Париж для получения аудиенции у Наполеона и беседы с ним о делах и интересах савойской династии. 8 сентября ст. ст. 1807 г. он сообщил о своем намерении Румянцеву, который 29-го объявил Местру, что проект его одобрен Александром I. Граф Лаваль, один из знакомых Местра, устроил ему 1 октября в своем доме встречу с Савари, который начал разговор с заявления, что сардинский король не может питать никаких надежд, но он, Местр, может питать большие. Отклонив разговор о себе, Местр заговорил об аудиенции. Савари очень внятно повторил ему, что король должен довольствоваться оставшимися у него владениями, но согласился принять от Местра и послать Наполеону записку⁶⁷. Она была готова 8 октября и 25 ноября отправлена. Сохранилось известие, что

записка Наполеону понравилась. Верно это или нет, но ответа Местр не получил. Разговаривать Наполеону с ним было не о чем⁶⁸.

Коленкур, которого Местр встречал у Чичагова, отнес его сразу к врагам, считал его и Серра-Каприола «главными агентами Англии» и учинил за ними секретный надзор⁶⁹. В дальнейшем, однако, имя Местра в переписке Коленкура не упоминается.

Попытка Местра использовать политическую обстановку в интересах савойской династии потерпела неудачу и даже навлекла на него неприятности, так как в Сардинии были очень недовольны его поступком⁷⁰. Уже в начале 1809 г. Местр приходит к выводу, что, пока Наполеон на престоле, савойской династии ждать нечего. При этом не надо забывать, что у де Местра не могло быть того увлечения проектами раздела Турции, которое охватило Чичагова и его греческих друзей. Идея захвата Константинополя русскими вряд ли могла его особенно увлечь. Он предвидит возможность падения Турции и продвижения русских и французов через Сирию до Египта. Он беседует на эту тему с Томарой, которому высказывает свое подозрение, что поездка Чичагова в Париж преследует цель согласования действий с Наполеоном на фронте борьбы против Турции. По его мнению, борьба эта—дело трудное, а главная опасность в том, что Наполеон может использовать русский флот в своих интересах.

С 1809 г. Местр с напряженным вниманием следит за испанскими делами. Революционный характер, который приняла там борьба против Наполеона, его пугает, он уже находит, что над головой французского императора поднимается дамоклов меч, что успех испанцев не только возможен, но и вероятен, и что в Испании решается «судьба человеческого рода»⁷¹.

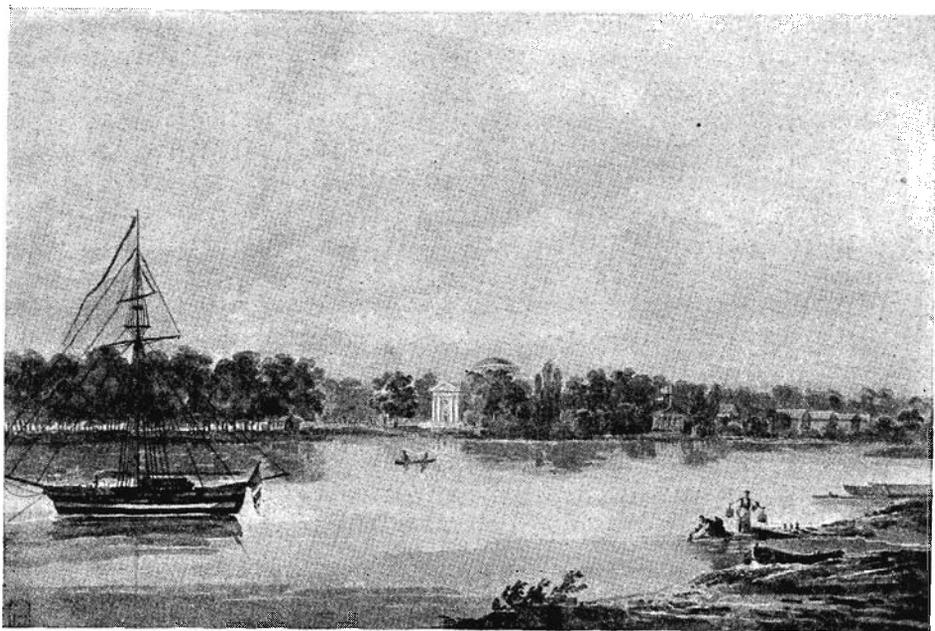
Все эти обстоятельства, в частности, глубокое убеждение в том, что революция, как показывают это и испанские события, живет и не думает умирать, побуждали Местра стремиться к активной политической деятельности, к мобилизации своих единомышленников.

Он все более внимательно вглядывался во внутреннюю обстановку русской жизни.

Появление в конце 1807 г. на посту военного министра самого яркого представителя павловских традиций, Аракчеева, обратило его внимание. Он отмечает, что это «жесткий, строгий, непоколебимый» человек, что он—гатчинец, что он сумел заставить повиноваться себе даже великого князя Константина. По своему значению он своего рода визирь, и, очевидно, его задача—поддержание порядка. Может быть, действительно в армии сейчас нужна железная рука, но, несомненно, речь идет не только об армии, а и о подавлении общественного недовольства. Очевидно, император «после длительного обсуждения» призвал этого человека, ненавидимого всем обществом и даже царской семьей. Пока что Аракчеев «все подавляет». Говорят, что это кончится его убийством, но, по мнению Местра, русские «имеют слишком хорошие принципы, чтобы убивать министров». Диктатура Аракчеева и «гатчинская» система пугают Местра, как антимилиариста и сторонника «европейской монархии». «Мы погибли, — пишет он, — если это революционное капральство пустит корни»⁷².

С особенной тщательностью отмечает Местр происходящие в России социальные сдвиги. «Нужда в деньгах крайняя, — пишет он в конце 1809 г., — однако, роскошь, несмотря на все, не уменьшается, хотя ее из-

лишества и величайшая беспечность ведут страну к неизбежной революции. Дворянство нерасчетливо тратит деньги, но эти деньги попадают в руки деловых людей, которым стоит только сбрить бороды и достать себе чины, чтобы быть хозяевами России. Город Петербург скоро будет целиком принадлежать торговле. В общем, обеднение и нравственный упадок дворянства были истинными причинами наблюдаемой нами революции. Революция повторится и здесь, но при особенных обстоятельствах». Император, повидимому, хочет «создать промежуточное третье сословие... Это заставляет трепетать тем более, что здесь нет никакого морального принципа, который мог бы послужить дополнением или коррективом к законам». Снова и снова Местр повторяет, что многие русские (конечно, дворяне) не видят иных возможностей для выхода из этого по-

ЕЛАГИН ОСТРОВ С ДВОРЦОМ
Акварель Максима Воробьева
Русский музей, Ленинград

ложения, кроме «азиатского средства». Он приводит слова «человека, заслуживающего большого уважения», что государь—человек, посланный провидением, чтобы погубить Россию⁷³.

Конечно, к Сперанскому у Местра резко отрицательное отношение. Это—попович, т. е. представитель «последнего класса свободных людей, из которого, как это и естественно, более всего выходит новаторов». Он, несомненно, «исполняет веления великой секты, отправляющей монархии на тот свет». Секта «с адскою ловкостью пользуется самими государями, чтобы их свергнуть»⁷⁴.

Соответственно этим оценкам положения перед Местром ясно вырисовывается программа желательной внутренней политики России. Это— программа «европеизации» самодержавия. Для проведения ее в жизнь нужно было обратиться к содействию европейских элементов. Ими явились для Местра иезуиты.

Иезуиты были допущены в Россию при Екатерине II, в 1773 г., после официального упразднения их ордена папской буллой. Давая убежище иезуитам в Белоруссии, Екатерина надеялась, что они из благодарности будут воспитывать католическую молодежь этой только-что присоединенной к России области в духе преданности самодержавию. При этом иезуитам было указано, что, повинаясь папе в вопросах догмы, они должны во всем остальном повиноваться императрице⁷⁵. Управление римско-католической церковью в России было поручено архиепископу Станиславу Богушу-Сестренцевичу, по происхождению литовскому дворянину, в прошлом гусарскому офицеру и протестанту. Это был убежденный противник ультрамонтанских принципов и сторонник наилучших отношений с царской властью. В последнем он был заинтересован и лично, так как его суконная фабрика поставляла сукно для русской армии.

При Павле I Сестренцевич сначала пошел в гору и добивался возможно большего ограничения власти Рима и расширения прав епископата⁷⁶. Потом Павел приблизил к себе иезуитов, допустил их в Петербург, решив им открыть здесь пансион, и удалил Сестренцевича.

С воцарением Александра положение изменилось. Иезуитские школы в Белоруссии были подчинены Виленскому университету. Вернувшийся в Петербург Сестренцевич в специальной записке императору обвинял генерала ордена Грубера в том, что он выписывает «из чужих краев под именем иезуитов всяких бродяг и беспокойных людей» и рассылает их по всей России «для произведения в действо сокровенных своих замыслов». Эти «сокровенные замыслы» сводятся к колебанию в государстве единовластия и распространению влияния Рима. Сестренцевич предупреждал, что этот орден, имеющий 14 тысяч душ и «знатный капитал», может получить силу; он резко восставал против монахов, обретающих «пользу в праздной, соблазнительной и развратной монашеской жизни», обладающих «великими имениями, туеядство, любострастие и гордость насыщающими», и настаивал на отнятии у них прав на воспитание юношества⁷⁷.

Но иезуиты продолжали укрепляться и начинали пользоваться поддержкой столичных аристократических кругов. С 1 января 1803 г. открылся их пансион в Петербурге. В пансион были приняты племянник В. П. Кочубея, кн. П. А. Вяземский, Д. П. Северин, сын Н. А. Толстого, бар. Вельо. В дальнейшем в нем обучалось шесть Голицыных, Прозоровские, Строгановы, Бярятинские, Гагарин и другие сыновья петербургских аристократов. Сенатор Томара, княгиня Щербатова и граф Штакельберг сделали иезуитам богатые подарки⁷⁸. Против Сестренцевича иезуиты боролись, выставляя его в донесениях своих в Рим сепаратистом⁷⁹.

Первоначально между Местром и петербургскими иезуитами не было близких отношений. Папский нунций Ареццо, близкий к иезуитам, характеризовал его, как человека, «преисполненного знаниями, но также и тщеславием и ложными идеями, а потому опасного при настоящих обстоятельствах»⁸⁰. В то же время Местр, посетив экзамены в иезуитском пансионе, записал, что не видел в своей жизни ничего более жалкого и не нашел здесь проявления приписываемых иезуитам воспитательских талантов⁸¹. Тем не менее, отношения постепенно установились.

В связи с домогательствами иезуитов о преобразовании своей Полоцкой коллегии в академию Местр воспользовался в 1810 г. проектом Сперан-

ского об учреждении Царскосельского лицея для того, чтобы выступить с поддержкой требований иезуитов. Он сделал это в своих «Cinq lettres sur l'éducation publique en Russie», адресованных министру народного просвещения гр. А. К. Разумовскому. Это была первая атака Местра на русскую правительственную политику.

В первом письме Местр, прежде всего, выступает против принципа восемнадцатого века о науке, как основной задаче воспитания. Наука, утверждает он, лишь часть воспитания, в котором главное место принадлежит морали. Утверждая далее, что «вся современная цивилизация

Н. А. ТОЛСТОЙ

Миниатюра неизвестного художника
Толстовский музей, Москва

вышла из Рима», а Россия оказалась оторванной от цивилизации благодаря «схизме X века» и татарскому игу, Местр провозглашает, что русские вообще не созданы для науки. Для военных достаточно некоторых специальных знаний, чиновникам вообще не нужно образования.

Второе письмо Местр начал с превознесения схоластических школ и, перейдя к критике проекта образования лицея, объявил совершенно ненужными естественную историю, химию и астрономию, а учение о происхождении мира вредным, рекомендуя в этом вопросе следовать священному писанию. Так же вредны психология и право. Нужно только знание: 1) что бог создал человека для общества, 2) что состояние общества требует правительства, 3) что каждый обязан повиноваться последнему. История должна быть сведена к минимуму.

Третье письмо было посвящено критике внутреннего порядка, наме-

чавшегося уставом лица, с противопоставлением ему идеальных порядков иезуитского пансиона.

В четвертом письме Местр уже переходит к восхвалению ордена иезуитов, доказывая его необходимость для охраны монархического строя. «Это общество—сторожевой пес... Если вы не хотите позволить ему кусать воров, это—ваше дело; по крайней мере, пусть он бродит около дома и будит вас, когда это необходимо, прежде чем ваши двери будут взломаны или к вам проникнут через окна».

Пятое письмо, начатое атакой на секту, ставящую себе задачей ниспровержение монархии при помощи самой монархии, содержит уже в себе основное пожелание преобразования Полоцкой коллегии в академию и освобождения иезуитских школ от подчинения Виленскому университету⁸².

24 августа 1810 г. иезуитский генерал Бржозовский подал, со своей стороны, записку Разумовскому. Здесь указывалось, что Виленский университет несвободен от влияния опасных идей. Где гарантия, спрашивает автор, «что университеты всегда будут преподавать только одну здоровую доктрину и что, если вся молодежь империи будет им вверена, не сможет ли случиться, что они будут распространять принципы и правила, в тысячу раз более вредные для государства, чем случайные волнения, имевшие некогда место?». Провозглашая далее необходимость воспитания «в принципах патриотизма, чувствах подчинения, уважения и преданности к особе государя», Бржозовский утверждает, что эти принципы могут быть внушены только иезуитами, которые всегда были «враждебны идеям реформы и возмущений» и которые преданы русскому правительству из благодарности за сохранение ордена⁸³.

Первоначально эти откровенные записки, провозглашавшие утилитарный характер религии, ее значение, как опоры монархии, и даже циничная откровенность Местра, назвавшего орден иезуитов «сторожевым псом», не имели успеха. Но, как мы увидим сейчас, к осени 1811 г. положение резко изменилось.

К 1810—1811 гг. Местр укрепил и расширил свои связи с петербургскими аристократическими кругами. В письме к России от 14/26 сентября 1810 г. он указывает на свою связь с близкими к иезуитам домами гр. Головиной и кн. Голицыной, гр. А. К. Разумовским и одним из виднейших представителей дворянской оппозиции, гр. Ф. В. Ростопчиным⁸⁴.

В 1811 г. организовалась в Петербурге «Беседа любителей русского слова», привлекавшая на свои собрания многих представителей дворянского общества. Здесь осуществлялась духовная мобилизация господствующего класса ввиду приближавшейся борьбы с Францией, порицалась галломания, проповедывалась «народность» в литературе. Среди посетителей «Беседы» был и Местр. Он присутствовал, в частности, на знаменитом выступлении Шишкова с речью «О любви к отечеству»⁸⁵. Не зная русского языка, отрицая всякую русскую культуру, Местр, однако, искал сближения и с этим кругом дворянской оппозиции. Он надеялся найти точки соприкосновения и с шишковистами. Ведь последние были также проникнуты непримиримой враждой к революции и либерализму и ко всяким попыткам расширения социальной базы самодержавия.

В те же годы в письмах к «тористу» Уварову Местр обрушивался на какие бы то ни было «делки с XVIII веком». В общении с Р. С. Стурдзой

он переходил к осторожной пропаганде учения Сен-Мартена, через которое он сам в свое время пришел к ультрамонтанству. В других домах, как увидим ниже, он вел уже неприкрытую пропаганду католицизма.

Осенью 1811 г. в аристократической среде созрел заговор против Сперанского. Местр принял в нем участие через посредство Серра-Каприола и Н. А. Толстого.

Серра-Каприола находился в сношениях со всеми антифранцузскими дворами и принимал ближайшее участие в обсуждении вопросов, связанных с предстоящей войной. Из донесений австрийского посла в Петербурге видно, что он был связан, в частности, с гр. Армфельдом, главным руководителем заговора против Сперанского. Роль Толстого в заговоре, по словам М. А. Корфа, подобно роли Ростопчина, «заклучалась в наговорах и переносах, к которым Толстой имел весьма часто все случаи, находясь постоянно при государе»⁸⁶.

Именно в это время Местр совместно с Бржозовским и возобновил борьбу за преобразование Полоцкой коллегии в академию.

6 октября ст.ст. 1811 г. его посетил кн. А. Н. Голицын, начальник Главного управления духовных дел иностранных вероисповеданий. Местр вручил Голицыну записку, поддерживавшую ходатайство иезуитов⁸⁷. Это была часть составленной им в это время по предложению того же Голицына работы, опубликованной впоследствии под названием «Quatre chapitres inédits sur la Russie».

16 октября Бржозовский подал императору через Голицына свою вышеупомянутую записку в переработанном виде. Интересно, что здесь из программы воспитания исчезли «принципы патриотизма» и остались только «чувства подчинения, уважения и преданности к особе государя»⁸⁸.

1 ноября записка эта была заслушана в комитете министров, который высказался за удовлетворение ходатайства⁸⁹. По сведениям, полученным Местром, единственным противником этой меры был государственный контролер, барон Кампенгаузен⁹⁰. Записка Местра была прочитана Голи-

А. И. ТОЛСТАЯ

Рисунок тушью неизвестного художника
в альбоме В. Н. Головиной

Музей города, Ленинград

цыным Александру 3 ноября, а 6-го, на балу у министра финансов Гурьева, Голицын передал Местру желание императора получить остальную часть его работы. Затем, при личной встрече, Александр сказал Местру, что его записка доставила ему большое удовольствие⁹¹.

Указ о преобразовании Полоцкой коллегии иезуитов в академию, с предоставлением ей прав университетов и с подчинением ей всех иезуитских школ, освобожденных тем самым от подчинения Виленскому университету, был подписан Александром только 1 марта 1812 г. Это было громадное завоевание иезуитов. Теперь их учебные заведения составляли как бы особый департамент в министерстве народного просвещения, подчиненный только министру и совершенно независимый от всех других властей.

Но это был лишь первый шаг к осуществлению намеченной Местром программы «европеизации» русского самодержавия. Полностью она была развернута в «*Quatre chapitres*».

Вот основные положения местровской программы.

Для человека, испорченного наследственной склонностью к греху, нужна узда. Этой уздой всюду сначала было рабство, а потом стало христианство, которое уничтожило рабство и заменило его, подчинив освобожденных своему моральному руководству. В России рабство существует до сих пор, «потому что оно в ней необходимо и потому что император не может царствовать без рабства». Здесь каждый помещик—власть, наделенная всеми полномочиями для «укрощения... беспорядочных порывов индивидуальных волей». Если уничтожить эту власть, на кого будет опираться государь?

На Западе католическая церковь—громадная консервативная и предохранительная сила. В России такой силы нет. Русское духовенство «не имеет голоса в государстве, оно не смеет говорить, и с ним говорят возможно меньше».

Освобождение русских рабов вызовет всеобщий пожар в России. Может найтись в эту минуту даже «какой-нибудь университетский Пугачев», который станет во главе этой массы. Поэтому первая задача власти—отказаться не только от мысли об освобождении крестьян, но и от какого-либо поощрения индивидуальных освобождений.

Вторая задача, естественно связанная с первой, заключается в охране и защите прав дворянства. В частности, надо жаловать дворянством только крупных землевладельцев и лиц исключительных заслуг и никогда не возводить в это звание коммерсантов, так как «скипетр государя—не аршин, а трон его—не тук товаров».

Далее, не должно быть никаких особых преимуществ для образования. «Если только люди с одним научным образованием, независимо от дворянского происхождения и земельных богатств, решительно займут административные места, революция станет неизбежной»⁹². Должности—только дворянам и богатым людям. Такие люди получают достаточную подготовку при помощи литературы и нравственных наук. Слишком много литературы даже опасно, а естественные науки для государственных людей прямо вредны.

Отсюда третья задача правительства: не требовать научной подготовки ни от военных, ни от

чиновников, кроме самых необходимых знаний, как, например, математика для военных инженеров; уничтожить совершенно общественное обучение таким наукам, как история, география, метафизика, мораль, политика, коммерция и т. д., предоставив их изучать желающим в индивидуальном порядке; не покровительствовать, а, напротив, противодействовать распространению образования в низших классах.

Переходя далее к вопросам религии, Местр прежде всего обрушивается на «беспокойный и республиканский дух протестантизма», утверждая, что стремление «к ниспровержению европейских монархий и христианства» порождено в Европе реформацией. Россия особенно угрожаема с этой стороны, так как ни в русской церкви, ни в ее пастве нет той твердости догмы и того морального духа, которые нужны для борьбы с этим явлением.

Истинной опорой может быть только католическая церковь.

Поэтому—четвертая задача власти: содействовать сближению православной церкви с католической; покровительствовать последней, не вмешиваясь в ее управление; осторожно препятствовать протестантскому преподаванию; строго наблюдать за иностранными учителями, особенно немцами и протестантами.

В последней главе своей работы Местр касается вопроса о масонстве и иллюминатстве. Вопрос этот был несколько щекотлив. Автор в прошлом был иллюминатом французской школы и сейчас в России знакомил с этим учением своих приятельниц, вроде Р. С. Стурдзы; он не мог не знать также того, что влиятельные люди русского двора (Голицын, Кошелев) и сам император интересовались этим учением. Но он знал и то, что в западной реакционной литературе масонство в целом было объявлено одним из главных виновников революции⁹³. И вот, отмежевываясь от этих утверждений, Местр доказывает полную невинность масонства, указывая, однако, на необходимость тщательного наблюдения за масонскими организациями. Об иллюминатах французского толка, последователях Сен-Мартена, мистиках и пиетистах, Местр выносит не менее интересное суждение: они вредны в католических странах, где они колеблют принципы единства и авторитета, и полезны в России, где они являются хорошим противоядием распространению неверия.

Опасным и вредным в полной мере является только немецкое иллюминатство с его республиканскими тенденциями (Вейсгаупт), предшественником которого был опять-таки протестантизм⁹⁴.

Итак, к чему же сводится, в общих чертах, программа «европеизации» русского самодержавия? Это: охрана интересов и усиление значения дворянства; полный отказ от какого-либо покровительства буржуазии; постепенное распространение католицизма, как основной опоры монархии; борьба с просвещением; охрана крепостного права и поддержание невежества в народных массах.

Дворянство и католическое духовенство— вот те европейские устои, которые должны сдерживать деспотию, т. е. попытки монархии расширить свою социальную базу, и тем предохранить страну от революции.

Эта программа должна быть сопоставлена с другой, незадолго до того представленной Александром. Мы имеем в виду «Записку о древней и новой России» Карамзина.

Социальная часть обеих программ (ориентация на дворянство, отрицательное отношение к освобождению крестьян) полностью совпадает. Аналогична была позиция в этом вопросе и признанного лидера дворянства той поры—Шишкова. Но и Шишков и Карамзин, в отличие от Местра, хотели опереться не на католицизм, а на православие. При его помощи они предполагали позаботиться о нравственном влиянии на массы.

И идеология «Беседы» не была лишена демагогического характера: «народность» и православие здесь выдвигались именно потому, что в предстоящей войне надо было подчинить народные массы своему влиянию и предварительно найти путь к «единению» с ними. «Единение» это и создавали на почве национально-религиозной. Программа Местра, как лишённая этого элемента, конечно, не могла стать общедворянской.

13 февраля 1812 г. Н. А. Толстой сделал Местру «важное предложение» («une ouverture importante») от имени императора. На следующий день он же сообщил Местру, что «все его идеи одобрены». Из письма Местра к России мы узнаем, что это было предложение редактировать все официальные документы, публикуемые от царского имени. Сам Местр при этом предложил съездить в Полоцк для установления контакта с местными иезуитами. Сообщая об этом, Местр пишет: «Меня изучали десять лет, прежде чем сделать этот шаг». 25 февраля Толстой передал Местру 20 тысяч рублей от имени императора на необходимые расходы. 5 марта канцлер Румянцев объявил Местру, что император имеет на него виды в предстоящей войне, что он хотел бы его пригласить на русскую службу и что он согласен послать фельдъегеря за семьей Местра. В тот же день вечером Местр был на квартире у Толстого и имел с ним разговор о предстоящей войне и вопросах командования. Во время разговора в квартире тайно присутствовал царь. В конце беседы он заменил Толстого и переговорил с Местром об его предстоящей редакторской работе.

По поводу всех сделанных ему предложений Местр, однако, твердо решил, что службы у сардинского короля он не покинет. Об этом он объявил 17 марта Румянцеву, не отказываясь в то же время от исполнения поручений Александра⁹⁵.

В тот же день последовала давно решенная ссылка Сперанского. 30 марта состоялась новая беседа с Александром, в которой Местр изложил свои соображения о моральной стороне войны⁹⁶.

Самая важная беседа произошла 8 апреля в кабинете императора. Разговор начался с вопроса Александра: «Что вы думаете об иезуитах?». Местр начал обстоятельно доказывать, что иезуиты сейчас не только нужны, но прямо необходимы, что они—опора против «великой секты», что нет лучшей организации «для поддержки, для преуспевания, для защиты религии, для христианского и научного воспитания молодежи». Александр прервал эти рассуждения конкретным вопросом: «Думаете ли вы, что они расположены воздействовать в хорошем смысле на польское мнение?» Местр отвечал, что не только очень расположены, но и употребят на это все свои силы, а он, со своей стороны, обещает на них воздействовать. После этого разговор перешел в плоскость перспектив предстоящей войны. Местр указал, что задачи войны—реставрация Бурбонов во Франции, что надо для этого «ласкать французов, особенно дворян». Затем он вернулся к вопросу об иезуитах и католицизме. Здесь последовали

П. В. ЧИЧАГОВ
Гравюра Д. Гейса
Музей изобразительных искусств,
Москва

исторические доказательства счастья и долголетия государей, покровительствовавших этой церкви. После вопроса Александра о Наполеоне и краткого ответа Местра, что падение этого человека несомненно и вопрос только во времени, беседа закончилась⁹⁷.

Повидимому, в тот же день после свидания Местр написал какое-то не дошедшее до нас письмо Александру, на которое тот ответил на следующий день. Это последнее письмо—оно печатается ниже—дает основание утверждать, что содержание беседы известно нам не полностью. Очевидно, Местр, из донесений которого мы заимствовали приведенные сведения, не обо всем сообщил своему правительству.

Как можно судить по письму Александра, речь шла еще о составлении какого-то важного документа, относящегося к Польше. Повидимому, намечался проект манифеста о «восстановлении» Польши под скипетром русского царя⁹⁸.

По собственному предложению, получившему одобрение, Местр выехал в Полоцк для установления контакта с местными иезуитами и здесь получил от Александра из Вильны формальное предложение составить проект манифеста. Сообщая об этом своему королю, Местр писал 27 мая, что проект им составлен, но что вряд ли момент для этого благоприятен⁹⁹. И действительно, манифест запоздал: польское дворянство стало на сторону Наполеона, и 26 июня варшавский сейм объявил восстановление Польши.

Ф. Вермаль считает, что рассмотренный нами период времени (октябрь 1811—май 1812 г.)—«месяцы наибольшего фавора де Местра при Александре I», когда он «оказал известное влияние» на решения царя в отношении ссылки Сперанского и войны. Ф. Вермаль даже называет Местра «министром

царя» и, указывая на то, что после поездки в Полоцк Местр потерял свой фавор, ищет объяснений этому факту в отношениях Местра к вопросам командования, в его личных связях и т. п.¹⁰⁰.

Мы думаем, что степень фавора и влияния Местра Ф. Вермалем преувеличена. Война с Наполеоном, как это известно, была решена Александром давно. Для устранения Сперанского, ненавидимого всем дворянством и не сумевшего сохранить расположение царя, вовсе не нужно было вмешательства сардинского посланника. В то же время роль друга Местра, Серра-Каприола, отмечается в донесениях послов. Донесение одного прусского агента в России от 1812 г. характеризует положение обоих дипломатов. Серра-Каприола «сделался здесь действительной властью». Напротив, Местр, «человек умный и знающий, тем не менее, не имеет значения»¹⁰¹. Однако, на принятие решения о Полоцкой академии и об иезуитских школах Местр оказал большое влияние. Несомненно также и то, что его в какой-то мере хотели привлечь к политической работе правительства. Весь разговор с Александром 8 апреля неопровержимо доказывает существование намерения использовать иезуитов для влияния на польское население и желания привлечь к этому делу Местра, между прочим, для воздействия на самих иезуитов. Разговор 8 апреля, дополнявший впечатление от чтения «*Quatre chapitres*», должен был дать Александру полное представление о взглядах Местра. По выполнении полоцкого поручения он не был больше нужен. В предстоявшей борьбе, где требовалось широкое воздействие на Европу, притом на все классы ее населения, нужны были люди с менее крайними взглядами, более гибкие и готовые на «делку с XVIII веком».

Что же касается редакторской работы, о которой шла речь в первых беседах, то мы думаем, что и тут не приходится преувеличивать. Какие именно документы, исходившие от царя, можно было поручить редактировать Местру? Конечно, тут не могло быть и речи о манифестах и воззваниях внутреннего назначения. Что касается документов внешнеполитических, то для работы по возбуждению населения Германии против Наполеона Александром был выписан в Россию бывший прусский реформатор барон Штейн¹⁰². В перспективе Местр мог намечаться, как автор воззваний к итальянцам, когда это потребуется. Но строго абсолютистские взгляды Местра затрудняли и эту возможность: здесь нужны были либеральные обещания. Таким образом, на ближайший период времени, очевидно, все сводилось к тому же проекту о Польше и другим документам, связанным с польскими и иезуитскими делами.

III

Депеши Местра периода войны 1812 г. заслуживают специального изучения. Отметим здесь лишь крайне интересную депешу от 2/14 июня 1813 г., не вошедшую в собрание сочинений Местра и оставшуюся неиспользованной его исследователями. В этой депеше дается общая (и очень пристрастная) оценка войны 1812 г. По мнению Местра, война была играна русскими только по вине Наполеона, избалованного успехом и потерявшего глазомер. Он должен был бить Кутузова, а не идти в Москву. А бить он мог: Кутузов—«старик свыше шестидесяти лет, больной, расслабленный и почти слепой». Его генералы—нули. Бородинское сражение—только бойня. Русские в нем потерпели поражение. Пренебрежительно отзываясь о всех русских, включая и посетителей петербургских салонов,

Местр защищает только своего друга Чичагова, сваливая вину за неудачу при Березине на Кутузова. Императора он считает цивилизованнее страны, но отмечает его немецкое происхождение и бессилие перед общим мнением. Деша в копии стала известна русскому посольству в Лондоне и была препровождена в Петербург с характеристикой автора, как лживого лжеца и врага русского народа.

Развитие военных событий сразу поставило преграду между Местром и деятелями «Беседы». Демагогия Ростопчина могла внушить Местру только отвращение. «Граф Ростопчин—один из наиболее пылких людей, какие только существуют,—писал он в депеше от 27 октября (8 ноября).—Он потратил не мало труда на то, чтобы возбудить умы в Москве и для того, чтобы этого достигнуть, устроил столько фарсов для простого народа, превосходных, когда они обеспечены успехом, и смешных в ином случае». Для Местра все это—«шутовская трагедия или жалкая комедия». Расправа с Верещагиным вызывает резкое осуждение. Это «первосортная гнусность, настолько же далекая от культурности, как прокрустово ложе или бык Фалариса»¹⁰³.

Народный характер, который приняла война, внушал беспокойство Местру. «Этот вооруженный народ, так блестяще проявивший себя, вернется ли он мирно в первоначальное состояние? Положит ли он оружие, как клал лопату и грабли? Эти крестьяне, голодные и разбросанные по лесам, превратившиеся в настоящих гверильясов и умеющие только убивать,—станут ли они снова послушными рабами?»¹⁰⁴.

Бегство Наполеона разбудило активность Местра, как дипломата. 17 декабря он составил записку об интересах савойской династии. Теперь, говорил он, надежда «на вероятную перемену, которая должна произойти во Франции», сулит, по крайней мере, возвращение Пьемонта. В то же время интересы савойской династии и всей Италии требуют, чтобы Австрия «ничем не владела в этих местах». Поэтому надо сейчас сблизиться с Россией и Англией, а после войны—и с будущим французским правительством для изоляции Австрии. В особой записке на имя Александра Местр указывает на необходимость поддержки сардинского короля, этого «друга, необходимого русскому императору, друга, при помощи которого русский император может действовать на По, как на Двине». Местр указывает на необходимость вернуть королю Пьемонт и отдать ему Геную¹⁰⁵.

Падение Наполеона и реставрация Бурбонов во Франции были торжеством политической линии, некогда защищавшейся Малле дю Паном. Это был компромисс между дворянством и буржуазией, «делка с XVIII веком». И Местр сразу очутился в правой оппозиции к новому порядку: «Французский король,—пишет он сенатору Вейдемейеру,—находится под угрозой новой конституции». После всех ужасных экспериментов «новые шарлатаны готовят новые опыты, которые король Франции должен будет санкционировать». Конституцию могут навязать и сардинскому королю. Но «мы не имеем никакой нужды в конституции»¹⁰⁶.

Но о сардинском короле первоначально совсем забыли, и в мирном договоре союзников с Францией он даже не упомянут. В письме к своему соотечественнику, генералу русской службы маркизу Паулуччи, от 16 июня 1814 г. Местр заявлял, что пока нет причин особенно радоваться освобождению Италии. «Мы более чем когда-либо рабы». Надежда на русского царя?! Но сможет ли и захочет ли он что-нибудь сделать?¹⁰⁷.

Парижское издание работы Местра «*l'Essai sur le principe générateur des constitutions politiques*», в которой он восставал против «писанных конституций», а тем самым и против французской хартии, испортило его отношения с новым французским правительством¹⁰⁸. Зато правое крыло французских ультрароялистов, возглавлявшееся Бональдом, признало Местра одним из своих вождей и теоретиков.

Если, таким образом, события 1814 г. определили положение Местра, как идеолога международной дворянской реакции, то работы Венского конгресса вызвали с его стороны порицание и осуждение с точки зрения всю жизнь разделявшей им теории реакционно-легитимистского пацифизма. Позиция Талейрана на Венском конгрессе, провозгласившего лозунг легитимизма во внешней политике, т. е. неприкосновенность суверенитета государей над их территориями и народами, как нельзя более соответствовала убеждениям Местра. Но Талейран был поддержан Англией и Австрией, которую так ненавидел Местр. Против них была Россия, требовавшая себе все герцогство Варшавское и поддерживавшая притязания Пруссии на Саксонию. Эти притязания были резко осуждены Местром. «Король, низвергнутый решением, формальным осуждением своих коллег,—писал он по поводу проекта лишить власти саксонского короля,—это идея в тысячу раз более страшная, чем все то, что когда-либо провозглашалось с трибуны якобинцев, так как якобинцы занимались своим ремеслом, но когда самые священные принципы подвергаются нападению со стороны их естественных защитников, надо облечься в траур». И Местр настаивает на необходимости изменения самых основ внешней политики государей, которая должна быть «благородной и священной». «Пусть нам не говорят больше о низложенных королях, о разделах, о выгодах и даже о великих и малых государях: суверенитет ни велик, ни мал; он то, что он есть»¹⁰⁹.

В то же время в своей политической деятельности в Петербурге Местр не оставлял усилий в отношении «европеизации» России. С особенным рвением он и его соратники-иезуиты начали осуществлять намеченные ими задачи в годы 1814—1815.

Местр не был пионером в деле распространения католицизма в среде русской аристократии. По свидетельству С. П. Свечиной, он был «великий сеятель, но не первый». Первым был, по ее словам, французский эмигрант, бывший морской офицер, кавалер Огар, эмигрировавший в 1791 г.¹¹⁰. «Этот кавалер Огар... один из первых безумцев в Европе,—писала Екатерина II Гримму,—молю бога, чтобы он не оказался, кроме того, одним из величайших шарлатанов»¹¹¹. С 1796 г. Огар жил в Петербурге, где занимал пост помощника директора Императорской библиотеки. Под его влиянием в католицизм обратились графиня В. Н. Головина, фрейлина Елизаветы Алексеевны, ее две дочери и княгиня Александра Петровна Голицына, известная под именем «*princesse Alexis*». Последняя, у которой Местр, по его словам, был «чудесно» принят, обратила в католицизм своего сына и дочь¹¹². Под влиянием жившей у Головиной бывшей статс-дамы Марии-Антуанетты, принцессы Тарентской, «обратились» графиня М. А. Воронцова и графиня А. И. Толстая, жена обер-гофмаршала Н. А. Толстого.

Политическая идеология «обращенных» дам очень ясно вскрывается в интересных воспоминаниях Головиной. Лучшие главы этих воспоминаний, несомненно, те, в которых описывается блестящая, праздная жизнь

двора в Царском селе и Петергофе при Екатерине. Не менее интересна характеристика павловского режима. Это «режим террора», время Аракчеева—«личности, поднятой императором из ничтожества и ставшей исполнителем всех его жестокостей». Уже тогда любимым обществом Головиной становятся французские эмигранты. Ее лучший друг—принцесса Тарентская. Режим Негласного комитета для нее—«эксцессы свободы». Попав в Париж, Головина поселяется в Сен-Жерменском предместье и не признает иного общества, кроме общества «дам старого режима». На предложение русского посла представиться первому консулу она отвечает резким

МИХАЙЛОВСКИЙ ЗАМОК

Рисунок тушью Н. Чернецова, 1823 г.

„Я посетил Михайловский замок, который Павел I выстроил себе в целях безопасности и в котором прожил 40 дней,—комнату, где он был убит...“—записал Местр в дневнике 28/16 июня 1804 г.

Русский музей, Ленинград

отказом ехать ко двору «короля Пето». Перешедший на службу к новому режиму гр. Сегюр тщетно пытается в разговоре с ней сопоставить террор Робеспьера с террором Павла. Для нее Павел—«законный государь, благородный и великодушный», а Робеспьер—«преступный деспот и глава разбойников». Наблюдая произведенный революцией переворот в общественных отношениях, она видит только грубые манеры представителей нового общества и уверяет, что даже народ «удивляется манерам нового режима»¹¹³.

Русский народ для Головиной просто не существует. Она его не знает и им не интересуется. Ее среда—среда международной легитимистской аристократии. И, по свидетельству хранителя католических традиций русской знати, иезуита Гагарина, ее салон был одним из «очагов католической жизни» в Петербурге¹¹⁴. Местр был в числе постоянных посети-

телей этого салона. Еще в конце 1809 г. он писал Блакасу: «Мои связи все почти те же: попрежнему задушевная дружба с графиней Г[оловиной]. Я мало-помалу привык к мрачному виду принцессы Тарентской. Она, со своей стороны, очень милостива ко мне»¹¹⁵.

Анна Ивановна Толстая была проникнута теми же взглядами. Именно к ней Местр и обратился со своими известными двумя письмами, озаглавленными: «Lettre à une dame protestante sur la maxime qu'un honnête homme ne change jamais de religion» (9 décembre 1809) и «Lettre à une dame russe sur la nature et les effets du schisme et sur l'unité catholique» (8 février 1810)¹¹⁶.

Приемы и методы пропаганды Местра были различны, как различна была его манера держать себя в обществе. Это очень хорошо подметил А. С. Стурдза. По его словам, этот «государственный, кабинетный и салонный муж не имел равного себе в аристократическом обществе, в котором он господствовал. Все превращалось в слух, когда, сидя в кресле с высоко поднятой головой, со своей широкой зеленой лентой ордена св. Маврикия и Лазаря, спускавшейся на грудь, с крестом, по виду похожим скорее на монашеский, чем на светский, граф де Местр отдавался ясному потоку своего красноречия, смеялся от души, изящно приводил доводы и оживлял беседу, руководя ею». Как рассказывает Стурдза, в салонах Свечиной и Головиной Местр совсем не стеснялся, но у людей, подобных Чичагову, он умерял свое красноречие и изысканно метал стрелы против неверия. У Томары он был «в меру» интеллигентен и блистал своими знаниями¹¹⁷.

Количество «обращений» в 1814—1815 гг. принимало угрожающий характер. 27 мая 1815 г. Местр сообщал иезуиту Витри об «обращении» молодого князя Голицына, племянника обер-прокурора Синода, А. Н. Голицына.

31 августа он уже писал, что в этих «обращениях» обвиняют иезуитов и что А. Н. Голицын «сильно обеспокоен»¹¹⁸. Все это кончилось, как известно, указом 20 декабря о высылке иезуитов из Петербурга и Москвы.

Руэ де Журнель утверждает, что иезуиты не были повинны в большинстве «обращений», ссылаясь в доказательство на письмо Бржозовского к Местру. Там говорится, что ни один из учеников пансиона и никто вне его не был распропагандирован иезуитами. Но, если кто-либо сам обнаруживал желание «обратиться на путь истины», то что должны были делать иезуиты, когда такие лица обращались к ним? Во всяком случае, орден, как таковой, и генерал ордена тут не при чем¹¹⁹.

Существуют, однако, иные данные, свидетельствующие об активной роли иезуитов. Их дает сама католическая литература. По словам иезуита Гагарина, каждая из «обращенных» переписывала собственноручно и хранила потом у себя рукопись, состоящую из копии двух упомянутых «писем» Местра к гр. А. И. Толстой и двух писем Розавена. Это и была католическая агитационная литература.

Письма Розавена очень любопытны. Он атаковал русскую церковь с двух сторон. Прежде всего: кто глава этой церкви? Его нет, заявлял Розавен. Если Россия распадется на части, у нее не будет никакого церковного главы, так как тогда «каждый государь претендовал бы, без сомнения, на такую же власть над церквями в своих владениях, какую теперь имеет император над церковью империи».

Вторая слабая сторона русской церкви—ее духовенство. «В России духовенство состоит исключительно из людей, происходящих из самого низкого класса». «...Неверно, что Христос брал апостолов только из бедных. Павел не был бедняком. Вначале надо было возвысить смиренных, но потом, когда цари преклонились перед церковью, духовенство должно было пополняться из людей, выделявшихся происхождением, должностями, личными качествами». Почему же русские «хотят иметь священниками только людей, которые были их рабами?»¹²⁰.

Освобождение церкви от главенства царской власти и аристократический состав иерархии—вот лозунги, выставленные иезуитами для «обращенных» аристократов. Если к этому прибавить программу «европеизации» самодержавия, изложенную в «Quatre chapitres», то станет ясным, что Местр и иезуиты работали над созданием ультрареакционной аристократической фронды, независимой от господствующей церкви и ее главы—царя.

Изгнание иезуитов было предreshено. Оно требовалось всей изменившейся обстановкой. В 1811—1812 гг., перед войной с Наполеоном, они были нужны. Теперь они были опасны. Опасен становился и Местр.

Мы указывали выше, что Реставрация сделала его одним из вождей правой оппозиции сложившемуся в 1814 г. европейскому порядку. Вся эта правая оппозиция была ультрамонтанской, а ультрамонтанство получило международное значение.

С падением Наполеона папство стало энергично возвращать свои позиции. 7 августа 1814 г. буллой папы Пия VII был восстановлен орден иезуитов,—как писал папа своему статс-секретарю, кардиналу Консальви,—«под аплодисменты всех добрых», несмотря на гнев «философской и яansenистской шайки»¹²¹. «Добрые», действительно, аплодировали. 16 ноября Бональд писал Местру, что около русского императора находится «опасный человек, швейцарец по происхождению, великий сторонник писанных конституций», что в Европе атеизм спущен с цепи и стремление уничтожить католицизм дошло до крайнего предела. Но, к счастью, в центре последнего посеяно зерно, которое «может сделаться большим деревом: иезуиты восстановлены в Риме». Но им теперь надо иметь лопатку каменщика в одной руке и меч—в другой¹²².

Критическое отношение к политике русского императора, выразившееся в суждениях Местра и Бональда о Венском конгрессе, обозначилось еще резче после вторичного низложения Наполеона. 27 июля 1815 г. Местр в депеше графу Валезу указывал на необходимость для государей в данный момент беречься заражения революционным духом. «Революционный дух маскируется под видом философского духа, а под этой маской он весьма обольстителен». Как в начале революции иные аристократы поддались влиянию революционных идей, так теперь иные государи увлекаются «мнимой славой стать выше предрассудков... и показаться миру в облике государей-философов, т. е. государей, одураченных страшной сектой, которая аплодирует им только для того, чтобы их погубить». «Философский дух» некоторых государей сказывается в «конституционной мании», которая играет на-руку революционерам. Между тем, задача дня—полное и беспощадное подавление революционного духа¹²³.

Кроме «конституционной мании», которая была одним из приемов внешней политики Александра I, искавшего поддержки европейского общественного мнения и малых государств против Австрии, Местр резко по-

рицает и религиозную политику русского императора. В декабре 1812 г. было организовано Библейское общество, официальной целью которого был перевод на русский язык и распространение библии, а фактической—сближение церквей на почве «универсального христианства», как теперь называлось то, что в молодости Местра именовалось «трансцендентным христианством», и перевоспитание на основе этой идеологии русского дворянства. Мистицизм привлекался в качестве орудия и против революционного вольнодумства и против церковного фанатизма. В Библейское общество были приглашены представители духовенства различных исповеданий, в том числе Сестрэнцевич и Бржозовский. Последний отказался, указав на несоответствие принципов общества духу католицизма. Сестрэнцевич, напротив, охотно согласился. Местр, одоблив решение Бржозовского, назвал Библейское общество «социнианской машиной, установленной для ниспровержения всякой церковной организации»¹²⁴.

14/26 сентября был подписан договор о Священном союзе, приглашавший государей признать себя главами семейств «единого народа христианского» и править в духе «священного писания». Как определил несколько позднее этот акт официальный публицист А. С. Стурдза, он был направлен одновременно «против неверия и фанатизма»¹²⁵. Одновременно с этим официоз министерства внутренних дел «Северная Почта» вел пропаганду «конституционно-монархических правил», защищал «благоразумную свободу тиснения» и нападал на французских ультрароялистов¹²⁶.

Первоначальное суждение Местра об учреждении Священного союза было не очень враждебно. Дух, продиктовавший этот акт,—пишет де Местр,—«не католический, не греческий, не протестантский; это особый дух, который я изучаю вот уже тридцать лет». «Он настолько же хорош в отделившихся вероисповеданиях, насколько дурен у нас»,—повторяет он свое старое суждение о французских иллюминатах. Если это суждение не враждебно, то оно и не дружественно. Это—холодное недоумение¹²⁷. Но ультрамонтанская реакция имела свою программу международной организации Европы и не скрывала ее. В 1815 г. она была опубликована в брошюре Бональда «*Réflexions sur l'intérêt général de l'Europe*»¹²⁸.

Программа ультрамонтанской партии—это федерация «европейских», т. е. дворянских и католических, монархий под главенством папы. И об этой программе не только писали, за нее боролись.

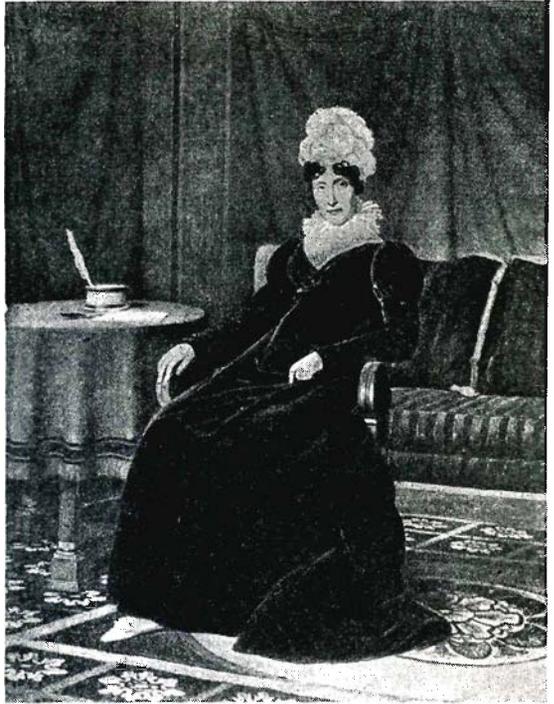
Но, если программа европейской федерации под главенством папы в чистом виде для XIX века могла казаться нелегко осуществимой самому Бональду, если предполагать, что папа сможет теперь сыграть свою старую роль главы государей, было несколько смело, то что же реального несла за собой эта программа?

На Венском конгрессе представитель папы, кардинал Консальви, по выражению историка, «толкался в передней» и жаловался находившимся в аналогичном положении представителям малых держав на жалкую участь папского престола, которому Австрия не возвращает легатств¹²⁹. Тем не менее, при встречах своих с уполномоченными держав-руководительниц Консальви беседовал с ними на тему о необходимости борьбы с революцией, которая, по его словам, «бродит на самом конгрессе», и указывал, что французская конституционная хартия и свобода печати являются сильным оружием в руках революции¹³⁰. Уже этими выступлениями Консальви боролся против политики Александра I, видевшего в хартии

В. Н. ГОЛОВИНА

Автопортрет, масло

Собрание Ланскаронского, Вена

одно из наиболее надежных средств против революции. Венский конгресс вернул папе легатства, сохранив в Ферраре и Комаччио австрийские гарнизоны. Консальви ответил нотой протеста, на которую конгресс не обратил внимания¹³¹. Несмотря на это, а, может быть, именно поэтому после конгресса Австрия, в лице Меттерниха, всецело подчинила себе папский престол. Меттерних внушал Консальви, что «интимное согласие, существующее между нашими двумя правительствами, будет могучей опорой делу покоя, и „врата адавы“ будут бессильны против этого согласия». Вопросы русской политики, особенно религиозной, также служили предметом переписки Меттерниха с Консальви. И Меттерних имел полное право говорить, что Консальви предан Австрии и считает полное единение с нею необходимым «для обеспечения порядка в Италии и сохранения самого папского правительства»¹³².

Если, таким образом, папа был орудием австрийской политики, то и идеи ультрамонтанской партии целиком шли на пользу именно этой державе, которая с 1815 г. повела последовательно борьбу с «либеральной» фразеологией русского императора. При таком политическом положении, когда орден иезуитов становился снова международной организацией и орудием враждебной России политики, когда созданному Александром I Священному союзу противопоставлялась федерация с папой во главе,—терпеть в России пропаганду и пропагандистов католицизма было бы, по меньшей мере, странно. С этой именно точки зрения изгнание иезуитов было необходимо.

Указ об изгнании иезуитов было поручено написать Шишкову. Главным деятелем в проведении этой меры был А. И. Тургенев¹³³; в бумагах его сохранились копия «Cinq lettres sur l'éducation publique» Местра и письмо к неизвестному лицу, в котором Тургенев делится своими воспоминаниями

об этом деле. По его словам, после указа о преобразовании Полоцкой коллегии в академию «Бржозовский пришел ко мне благодарить за успех, которому я ни в какой мере не содействовал. Я ему ответил: это начало конца. Вы теперь натворите таких вещей, что вас выгонят»¹³⁴. Далее Тургенев мотивирует свое участие в деле изгнания: «Для меня не прозелитизм был истинным мотивом их изгнания, но скорей дурное состояние их школ, даже петербургской, и особенно положение 22 тысяч польских крестьян, принадлежавших им в качестве крепостных»¹³⁵.

А. И. Тургенев, принадлежавший в то время к группе «тористов», деятелей «Арзамаса», правая рука кн. А. Н. Голицына и секретарь Библейского общества, был для периода 1815—1817 гг. характерной фигурой правительственного курса, сочетавшего мистику с либеральной фразеологией¹³⁶.

Но вот как реагировали на указ его братья, уже в это время мечтавшие об организации тайного общества на манер «Тугендбунда». «Он [указ] нам очень понравился,—писал Н. И. Тургенев старшему брату,—в нем заметен в особенности тот благородный либеральный дух, коим наше правительство, то-есть государь, отличается от других»¹³⁷. Аналогичным образом реагировали на указ европейские либералы, например, М-те де Сталь¹³⁸. Даже орган высланных из Франции либеральных бонапартистов—«Nain Jaune réfugié» приветствовал русского императора¹³⁹.

Между тем, изгнание иезуитов вызвало большое возбуждение в салонах. Роль Местра ни для кого не была тайной. Уже через 8 дней после указа об изгнании секретарь императрицы Елизаветы Алексеевны, Н. М. Лонгинов, писал графу С. Р. Воронцову: «Министр Сардинии, граф де Местр, ханжа и более чем иезуит, обвинен в содействии этому прозелитизму; несомненно, что именно через него они были введены в наши лучшие дома». Позднее Лонгинов писал о Местре: «Жаль, что его не отправили вместе с иезуитами»¹⁴⁰.

О разговорах, которые велись в обществе по этому поводу, писала княжна Туркестанова Кристину: «Все католики раздражены против Библейского общества и приписывают ему намерения, которых оно, на-верное, не имеет относительно нашей страны, принимая во внимание существующую в ней терпимость. Они выдумывают тысячу историй о Голицыне и Тургеневе и о всех тех, кто имеет что-либо общее с этими господами. Послушайте г-на де Местра, послушайте княгиню Голицыну, жену князя Алексея, и всех этих дам... они считают, что мы все находимся накануне принятия протестантизма»¹⁴¹. Действительно, Местр дал полную волю своему раздражению. Теперь он прямо объявлял, что идеи Священного союза заимствованы из протестантского источника. Изгнание иезуитов, по его мнению, нанесло смертельный удар католической церкви в России, но и православная церковь ничего от этого не выиграла; выиграла только протестантизм, социнианство и иллюминатство. Местр объявил войну и старому врагу иезуитов Сестренцевичу и Библейскому обществу. Опасность, писал он рагузскому архиепископу, особенно велика со стороны Сестренцевича: «Это он сказал однажды при дворе, увидев проходящего императора: в о т м о й п а п а». Местр пишет в Рим кардиналу Северолли, что Сестренцевич принимает участие в Библейском обществе, и прибавляет: «В сущности, это протестант, и этим все сказано». Во главе Библейского общества и всех дел в России стоят «самые страшные враги религии», это общество «воспламеняет даже головы, ему чуждые»¹⁴².

Итог наблюдений Местра над Россией сводится к следующему. Перед ней стоят три опасности: 1) опасность поглощения гражданского состояния военным, которую он усматривает в политике Аракчеева и в военных поселениях, 2) опасность освобождения крестьян, 3) опасность религиозной революции, совершенной протестантизмом иллюминатством под маской «универсального христианства»¹⁴³. Наиболее резко положение России Местр характеризует в депеше от 18/30 января 1816 г.: Россия—это «огромная армия, крестьяне и коронованный генерал! Нет больше дворянства, нет больше гражданского состояния! Внутри полная анархия...».

Положение Местра в Петербурге стало неудобным. Александр поручил одному из своих министров потребовать от него объяснений о роли, которая принадлежала ему в пропаганде католицизма в Петербурге. Местр ответил, что никогда он не способствовал «обращениям», но что, если некоторые из «обращенных» сами признавались ему,—«честь и совесть» не позволяли ему порицать их. После этого он был принят Александром. Император резко упрекал его за поддержку «этих господ», говорил о своей вере в объединение всех церквей и о своем презрении к вероотступникам и лишь в конце беседы заявил, что считает вопрос исчерпанным и никакого недовольства против него не имеет. Однако, Местр отнесся к этому заявлению с недоверием и послал королю просьбу об отозвании из Петербурга. П. И. Бартнев передает дошедший до него рассказ Местра брату об этом свидании. По образному выражению Местра, у царя «ноздри пылали огнем» («le feu lui sortait des narines»). Понятно, что заключительное заявление могло вызвать недоверие¹⁴⁴.

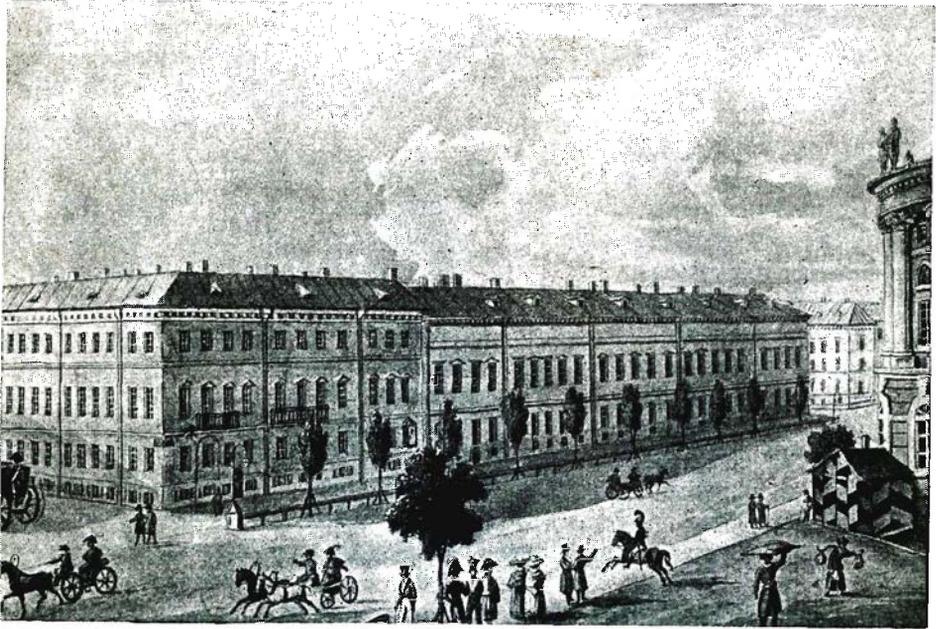
Недоверие это было вполне основательно. 7 апреля из Петербурга пошла депеша к русскому посланнику при сардинском короле, князю Козловскому, требовавшая отозвания Местра (текст депеши публикуется ниже).

Зимой 1816 г. в Москве его считали уже уехавшим. На запрос Кристина по этому поводу княжна Туркестанова отвечала: «Откуда вы взяли, что г-н де Местр покинул Петербург? Он не тронулся со своей Моховой улицы... Его дочери танцуют у лорда Каткарта, а что касается его самого, то он каждый вечер отправляется дремать в кресле у княгини Голицыной, жены князя Алексея»¹⁴⁵.

Местр покинул Россию в мае 1817 г. За границей он давно уже занял завоеванное им место одного из вождей ультрамонтанской партии. Эта партия не прекращала борьбы с политикой русского императора. В вышедшем в 1817 г. собрании сочинений Бональда провозглашалось, что Россия только тогда станет цивилизованной страной, когда она «вернется к центру единства» и ее религия, «став союзницей правительства и перестав быть его рабой, преисполнится бóльшим достоинством»¹⁴⁶.

В 1819 г. вышло «Du Rare» Местра—итог многолетней работы. Здесь не только провозглашался идеал ультрамонтанства: папа, стоящий над государями, ограничивающий их власть и примиряющий их,—но и сводились счеты с Россией. Русская церковь объявлялась протестантской, русское самодержавие—лишенным облика «европейской монархии». Перед Россией,—говорил автор,—только две возможные перспективы: рабство или революция. Спасение ее только в католицизме¹⁴⁷.

По свидетельству французского посла в России, книга Местра сильно раздражила императора и была одним из поводов к окончательному изгнанию иезуитов из России, совершившемуся в 1820 г.

ДОМ НА НЕВСКОМ, ГДЕ ЖИЛА В. Н. ГОЛОВИНА. ЗДЕСЬ У НЕЕ ЧАСТО БЫВАЛ МЕСТР
Аquatint неизвестного художника в альбоме В. Н. Головиной

Музей города, Ленинград

Своей деятельностью в России Местр верно служил идеям международной дворянской и католической реакции, знаменосцем которой он был.

Что касается деятельности его, как дипломата, то надо признать, что она потерпела фиаско. Он совершенно верно понимал интересы савойской династии, когда призывал ее ориентироваться на Россию, помня, что Франция—враг временный, а Австрия—постоянный. Но Наполеон был низвергнут. На Венском конгрессе савойская династия вернула свои старые владения и получила Геную. Однако, Австрия получила Ломбардию, ряд герцогств и подчинила своему влиянию папу. Соперничество между ней и Сардинским королевством было неминуемо. На Венском конгрессе Меттерних уверял сардинского представителя, графа Сен-Марсана, что он не питает никаких захватнических планов в отношении Италии, а хочет только ей «обеспечить длительный мир и... уничтожить дух итальянского якобинизма»¹⁴⁸. То же говорил Меттерних и в Германии: и там и тут он боролся за сохранение мира и против либеральных и революционных идей и под этим флагом подчинял эти страны влиянию Австрии.

Савойская династия могла бы противодействовать этому влиянию, только подняв знамя независимости и объединения Италии. Но для этого надо было прежде всего пойти по пути реформ, сближения с буржуазией, развития производительных сил и привлечения к себе симпатий итальянского населения. Но в Савойе, Пьемонте и других землях королевства царил дикая реакция. Политика, намеченная Александром I в 1815 г., проводилась Каподистрией. Для борьбы с Австрией последний готов был поддержать Сардинию. «Идея итальянской независимости... могла бы

вам обеспечить много сторонников и причинить великое зло Австрии», — сказал он сменившему Местра посланнику Брузаско¹⁴⁹. Однако, русское самодержавие через несколько лет полностью капитулировало перед Австрией, а савойская династия была еще целиком связана с реакционным дворянством и не могла сблизиться с буржуазией.

Жозеф де Местр работал для дела международной реакции, работал для той самой Австрии, которую он ненавидел, как итальянский патриот. Выступая в России, а потом и вне ее в качестве носителя ультрамонтанской программы «европеизации» самодержавия, он вредил себе, как дипломату, ориентировавшемуся на Россию. Твердя постоянно о задачах савойской династии в Италии и об Австрии, как противнике этих задач, он не видел, что мешает их выполнению реакция.

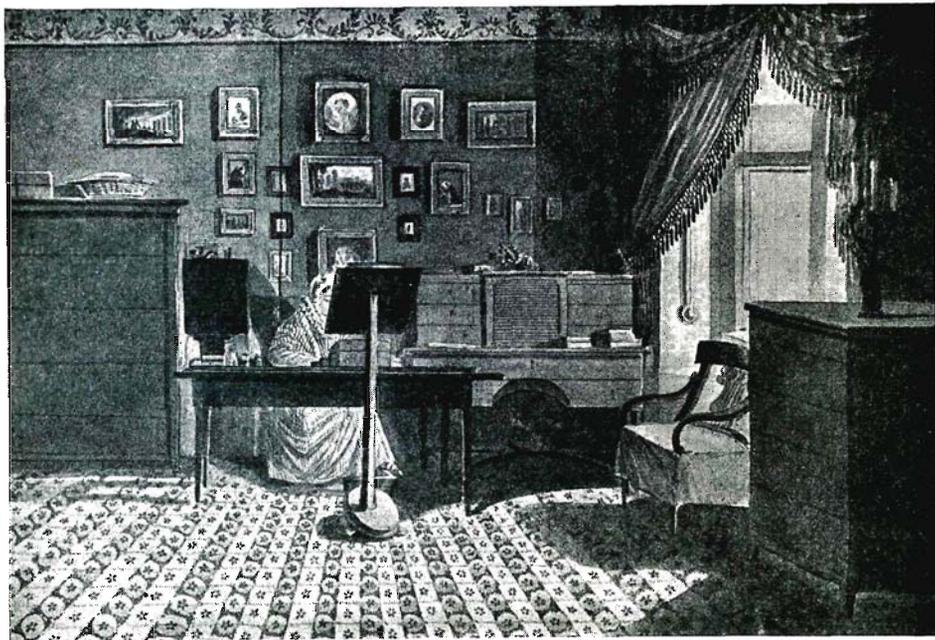
В 1821 г., когда в Пьемонте произошла революция, савойская династия прибегла за помощью к Австрии. Нужно было выбирать: или итальянская независимость и буржуазная конституция, или реакция и господство Австрии.

Смерть избавила Местра от этого выбора. Он умер, не осознав, что дело международной реакции и дело итальянской независимости были несовместимы.

IV

Мы указывали в начале нашей статьи, что влияние Местра распространилось и за пределы реакционных группировок.

В России, — если отвлечься от той узкой группировки, которая неудачно пыталась оформиться в виде русского ультрамонтанства, оставив после себя лишь единичных последователей, большею частью совсем порва-

КАБИНЕТ В. Н. ГОЛОВИНОЙ В ЕЕ ПЕТЕРБУРГСКОМ ДОМЕ
Акварель неизвестного художника в альбоме В. Н. Головиной

вших с родиной,—можно отметить три главных периода влияния идей Местра.

Первый период—ближайшее десятилетие после наполеоновских войн, когда самодержавие, победившее силою русского народа Наполеона, оказалось бессильным в разрешении внутренних противоречий в стране. Тогда оппозиционные и революционные группировки прогрессивного дворянства заимствовали свои идеи из западно-европейского источника. Одни из них следовали при этом за буржуазными теоретиками Запада, другие, ставя перед собой, в основном, ту же задачу буржуазного перерождения России, в стремлении обеспечить своему классу руководящее положение в этом будущем строе, прислушивались и к голосам идеологов феодального прошлого. И Местр с его проповедью стихийности исторического процесса, с его резкой борьбой против рационалистического отрицания традиций прошлого, с его цельными идеалами, наконец, с его критикой русского самодержавия с аристократических позиций мог привлечь внимание этих идеологов.

Среди русских знакомых Местра был и молодой генерал М. Ф. Орлов. Он окончил пансион аббата Николя и имел связи среди петербургских католиков. В 1814 г., когда во Франции печаталось 2-е издание «*Considérations sur la France*», Местр послал Орлову первое издание своего труда. И молодой генерал, уже в то время мечтавший об организации тайного общества¹⁵⁰, был покорен. В письме к автору, возвращая ему его произведение, Орлов назвал последнее «единственной хорошей книгой о Французской революции из тех, которые ему пришлось прочесть». По его словам, «*Moniteur Universel*», этот документальный официоз эпохи, есть лишь «многотомное развитие» книги Местра. «*Moniteur*» можно иначе назвать «Сборник человеческой мудрости и свидетельство о ее бедности», так как там «записаны усилия людей действия и слова и ничтожность этих усилий». Книга Местра, по мнению Орлова,—блестящее подтверждение поговорки: человек предполагает, а бог располагает; она демонстрирует на примере истории Французской революции независимость дела общественного устройства от человеческой воли.

Таким образом, очевидно, в книге Местра привлекла внимание Орлова прежде всего религиозно-фаталистическая философия истории. Политически же, по его мнению, Французская революция есть прежде всего «величественный урок народам и королям. Это—пример, данный для того, чтобы ему не подражать»¹⁵¹. Надо подчеркнуть, что в дальнейшей своей деятельности Орлов эволюционировал влево и об общественных явлениях судил уже не как ученик Местра, а как типичный рационалист¹⁵².

Гораздо более сильное влияние идеи Местра оказали на другого видного деятеля тайных обществ—М. С. Лунина. По своим социально-политическим симпатиям Лунин в тайном обществе был близок к группе представителей буржуазно-помещичьего либерализма (Н. И. Тургенев, Н. М. Муравьев, И. Д. Якушкин). Но либерализм в его мировоззрении как-то соединялся с католицизмом. Он видел в последнем ту воспитательную и организующую силу огромной исторической традиции, которой не могло создать новое буржуазное общество. Эти взгляды на католицизм, вероятно, первоначально были привиты Лунину Сен-Симоном, с которым он встречался во время своей жизни в Париже¹⁵³. Но в дальнейшем несомненно и влияние «*Du Rare*» Местра. Впоследствии, уже в Сибири, в своей записной книжке Лунин писал, что в средние века папы «обузды-

вали страсти и сдерживали чрезмерные притязания государей», примиряя «противоречивые интересы дворов» и протягивая «оливковую ветвь мира между саблями соперничающих держав». Этот взгляд полностью соответствует воззрению Местра на папу, как международного арбитра и примирителя. Но выводы Лунина неожиданны. В православной церкви духовенство—«прислужники государя»; протестантство также вело к порабощению церкви светской властью. Напротив, католицизм воспитывал чувство независимости и даже «представительный порядок вещей... повсюду развился под влиянием католицизма»¹⁵⁴.

Крах революционного выступления 14 декабря 1825 г. и наступившая за ним новая эпоха открывают второй период влияния идей Местра в России. Неудача революционного опыта разрешения наблевших вопросов, казалось, подтверждала мысли идеолога реакции о безрассудности рационалистических методов преобразования, о нежизненности всякого рода писанных конституций, к каковым, конечно, можно было отнести и проекты декабристов. Влияние Местра на некоторых крупных представителей русской консервативной мысли эпохи несомненно. Декабризм последним должен был казаться, как Местру—писанные конституции,—искусственным вмешательством человеческого разума в закономерный ход исторического развития.

Со слов шурина Ф. И. Тютчева, К. фон Пфедфеля, известно, что поэт еще до своего отъезда за границу в 1822 г. «не избег» влияния «теократических идей, пущенных в обращение Жозефом де Местром», и «на всю жизнь сохранил его следы». По сведениям других неизданных источников, Тютчев восхищался де Местром и «постоянно его цитировал»¹⁵⁵.

Действительно, «цитаты» из Местра мы встречаем и в известных напечатанных письмах Тютчева к его второй жене¹⁵⁶. Можно думать, что влияние Местра отразилось на стихотворении Тютчева «Декабристам», которые охарактеризованы поэтом, как «жертвы мысли безрассудной», уповавшие, что «станет» их «крови скудной, чтоб вечный полюс растопить». Их кровь только

«...сверкнула

На вековой громаде льдов,

Зима жемчужная дохнула

И не осталось и следов».

В своем политическом мировоззрении Тютчев обязан Местру, конечно, главным образом, идеей легитимизма, защиту которой он в своей работе «Россия и Германия» (1844 г.) считал основной задачей русской внешней политики, и убеждением в силе и живучести революции. И революцию Тютчев понимал в основном по Местру: это—восстание «человеческого я» против законов природы и истории. Как и Местр, Тютчев подчеркивает прежде всего антихристианский характер революции. Но в эпоху бурных революционных взрывов на Западе и «кладбищенской тишины» в России Тютчев, как и другие русские консерваторы, должен был противопоставлять революции не римский католицизм, а исторические устои России, в частности, православие¹⁵⁷.

Как известно, старый антагонист Местра, Уваров, когда-то в споре с ним опиравшийся на западные идеи, был творцом правительственной формулы с а м о б ы т н о г о развития России. И поэзия и публицистика Тютчева также постоянно подчеркивали «особенную статью» России.

Иначе обстояло дело в кружках прогрессивного дворянства, близких к деятелям разгромленного движения. Здесь поражение восстания и устойчивость реакции вызвали потребность осмыслить исторические судьбы России, а вместе с тем, и стремление к построению философии истории. Шеллинг и немецкая идеалистическая философия, французские буржуазные историки эпохи Реставрации играли при этом роль главного духовного оружия. Но и Местру принадлежало здесь не последнее место. Его сочинения, посвященные России, тогда еще не были напечатаны, но «Cinq lettres» ходили по рукам в рукописи¹⁵⁸. Как нам уже известно, в этом произведении Местр считает главными причинами отрыва России от западной цивилизации «схизму X века» и татарское иго. И эта мысль была использована теми русскими мыслителями, которые от «бессодержательности» и «бесперспективности» русского внутреннего развития апеллировали к традициям Запада. Таким мыслителем был Чаадаев. Нет сомнения, что его «Философические письма» — прежде всего письма по философии истории и, в частности, по вопросу о судьбах России. Опубликование неизвестных доселе «Писем» как будто решает вопрос о характере чаадаевского католицизма. Папство средних веков для Чаадаева — лишь отправной пункт в поисках идеала будущего. Идеал этот — «царство божие» не только на небе, но и на земле, ибо задача христианства — «установление совершенного строя».

Католицизм на Западе способствовал воспитанию общества и именно в свободном духе: «люди искали истину и попутно нашли свободу и благосостояние»¹⁵⁹. Из напечатанного Д. И. Шаховским второго «Философического письма» известно теперь, что крепостное право Чаадаев продолжал ненавидеть, как в годы своей близости к декабристам, и существование его в России в значительной мере возлагал на ответственность православной церкви¹⁶⁰.

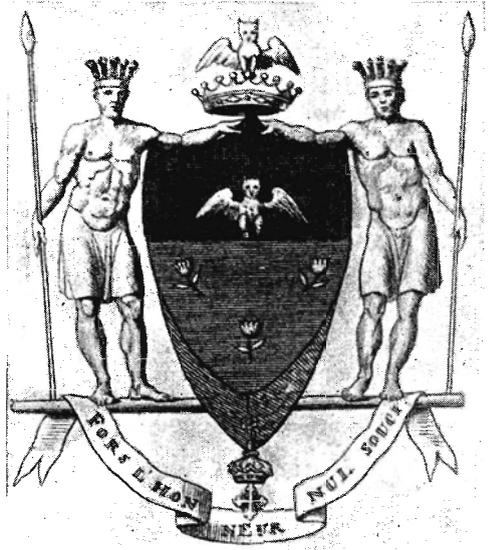
Но, несмотря на эти отличия, вряд ли можно сомневаться во влиянии Местра на Чаадаева. Взгляд на организующую роль папства и разъединяющее человечество действие реформации, объяснение отсталости и неподвижности русской жизни и самых недостатков русского характера влиянием «схизмы X века» целиком взяты у Местра¹⁶¹. Местра, Бональда, Ламенэ и Свечину называет «предтечами» Чаадаева А. И. Тургенев в письме к Пушкину¹⁶².

Общественное значение деятельности Чаадаева, если не считать известного влияния первого его «Письма» на молодых западников, так ярко отраженного Герценом, еще не исследовано. Однако, кое-что можно уже здесь отметить. Одним из наиболее близких к Чаадаеву людей в 30-х годах был уцелевший декабрист М. Ф. Орлов, и именно с ним Чаадаев хотел вместе действовать¹⁶³. В частности, социальная позиция близкого к ним «Московского Наблюдателя» с его «неприятием буржуазно-капиталистического прогресса» отражала настроения «европеизированных интеллигентских верхов землевладельческого дворянства»¹⁶⁴. С другой стороны, с 1835 г. с Чаадаевым сближается приехавший из-за границы с рекомендацией от Шеллинга И. С. Гагарин. Он уже тогда увлекался католицизмом и, в частности, Местром и был распространителем первого «Письма» Чаадаева. Переехав в Петербург, Гагарин примкнул к «кружку 16», в котором участвовали гр. Ксаверий Браницкий, П. А. Валуев и другие представители аристократической молодежи. Здесь «все обсуждали с полнейшей непринужденностью и свободой», игнорируя существование III отделения.

ЭКСКЛИБРИС ЖОЗЕФА ДЕ МЕСТРА

Гравюра Н. Уткина, 1814—1817 гг.

Частное собрание, Москва

Таким образом, вряд ли будет ошибкой сказать, что в 30-х годах идеи Местра и западной католической мысли имели немалое влияние на настроения аристократической оппозиции бюрократическому самодержавию.

Особо можно отметить В. С. Печерина, пришедшего к Местру и католицизму через сен-симонизм. По его словам, он стал читать «Soirées de Saint-Pétersbourg» под влиянием хвалебных отзывов сен-симонистской литературы об этом произведении и лишь постепенно «сжился и слюбился с Иосифом де Местром, привык к его слогу и идеям»¹⁶⁵.

Эпоха реформ—третий период интереса русского общества к идеям и произведениям Местра. Одной из причин этого интереса было появление в печати в 50-х годах ряда его, прежде неизвестных, произведений и писем. В 1851 г. вышли «Lettres et opuscules inédits», в 1858—письма к Чичагову, в 1859—«Quatre chapitres inédits sur la Russie», в 1858—1860—«Correspondance diplomatique». Все это—и, в особенности, высказывания о России—было особенно интересно в период напряженной борьбы классовых интересов вокруг реформ, о которых заходила речь еще во времена Местра.

Письма к Чичагову вызвали длинную, но поверхностную рецензию Ипполита Оже, попутно отозвавшегося и о «Lettres et opuscules»¹⁶⁶. «Quatre chapitres inédits» были отмечены в кратких библиографических заметках М. Н. Лонгиновым и Ник. Книжником. Из них первый указал на то, что произведение Местра направлено «преимущественно против освобождения крестьян, к которому чувствовалось уже стремление 50 лет тому назад», а второго поразила тогдашняя покорность общественного мнения иезуитской пропаганде¹⁶⁷.

Крайне любопытен отзыв о «Correspondance diplomatique» Е. М. Феоктистова в 1861 г. Вслед за редактором рецензируемого издания Феоктистов превращает Местра в либерала. Он будто бы считал борьбу с новыми идеями безумной, ценил «либеральный образ мыслей» Александра I и мирился, как с «неизбежным несчастьем», с наступлением конституционного века. Он защищал рабство? Да, этого,—говорит рецензент,—Местр по своим «истинно-либеральным инстинктам» не должен был бы

делать, но его можно извинить «неведением того, о чем говорил он»¹⁶⁸. Интересна эта новая попытка дворянской фронды опереться на Местра.

Совсем иначе о Местре отзывался орган радикальных демократов, «Современник». «Местр,—говорили здесь,—не блистает даже внешней стороной своих произведений», а по существу, он не оригинальный мыслитель и не искренно верующий католик, а защитник интересов дворянства, лицемер, использующий религию в этих интересах, партизан «священной идеи палача». В заключение «Современнику» указывал на живучесть идей Местра в реакционной среде, в частности, в статьях «Московских Ведомостей»¹⁶⁹.

Неудивительно, что при таком широком интересе к Местру его сочинения оказались в числе источников великой эпопеи Льва Толстого «Война и мир». Мнение «Современника» для Толстого, перед этим написавшего «Зараженное семейство», заострившего основные тенденции своего романа против идей 60-х годов, не могло быть авторитетным.

Б. М. Эйхенбаум в своем исследовании изучил и отметил ряд почти цитатных заимствований Толстого из «Correspondance diplomatique». Самое имя Местра также упомянуто в романе: говоря о бессмысленности плана пленения отступающего Наполеона и его окружения, Толстой прибавляет, что так же думали «самые искусные дипломаты того времени (J. Maistre и другие)».

Знаменитый французский историк Альбер Сорель совершенно правильно указал на близкое сходство между взглядами Толстого на войну и рассуждениями в седьмом диалоге «Soirées de Saint-Petersbourg». В этих рассуждениях подчеркнуты никчемность планов сражения и зависимость результата последнего от духа армии. И эти же мысли у Толстого накануне Бородинской битвы высказывает князь Андрей Болконский.

Но если всех этих рассуждений о «причинах» и «поводах», о «бесконечно-малых» и т. п. мы не найдем у Местра, то все же самая основа—фаталистическое понимание исторического процесса, отрицание политических и военных планов, насмешки над реформаторами (Сперанский) и стратегами—во многом взята Толстым именно у него. В своих «Considérations sur la France» Местр не уставал повторять, что «не люди ведут революцию, а революция употребляет людей», что «ни одно великое учреждение не рождается из рассуждения», что вообще устройство жизни и ход истории не зависят от человеческой воли¹⁷⁰. В остальном Толстой с его отрицанием Запада и превознесением «народной правды» бесконечно далек от Местра.

Так, на разных стадиях развития русской мысли и литературы идеи Местра привлекали к себе внимание, оказывая, по существу, весьма различное воздействие на разные социальные группировки.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В ПРИМЕЧАНИЯХ

Maistre, Oeuvres—	Oeuvres complètes de J. de Maistre, Lyon. Witte et Perrussel. 1884—1887. 14 vol.
Maistre, Carnets—	Les carnets du comte Joseph de Maistre. Livre-Journal. 1790—1817. Lyon—P., Emmanuel Witte, 1923, 1 vol.
Maistre, Mém. Pol.—	Mémoires politiques et correspondance diplomatique de J. de Maistre, avec explications et commentaires historiques par Albert Blanc. P., Librairie nouvelle, 1858, 1 vol.

- Maistre**, Lett. et Op.— Lettres et opuscules inédits du comte Joseph de Maistre précédés d'une notice bibliographique par son fils le comte Rodolphe de Maistre. P., A. Vaton, 1851, 2 vol., 2-me éd. P., 1853, 2 vol., 4-me éd., 1861, 2 vol.
- Daudet**— Ernest Daudet. Joseph de Maistre et Blacas. Leur correspondance inédite et l'histoire de leur amitié. 1804—1820. P., Plon, 1908. 1 vol.
- Greppi**— Joseph Greppi. Révélations diplomatiques sur les relations de la Sardaigne avec l'Autriche et la Russie pendant la première et la deuxième coalition tirées de la correspondance officielle et inédite des ambassadeurs de Sardaigne à Saint-Petersbourg. P., Amyot, 1859, 1 vol.
- Mandoul**— J. Mandoul. Joseph de Maistre et la politique de la maison de Savoie. P., 1900, 1 vol.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так, напр., сен-симонисты утверждали, что задачей новой эпохи, начало которой положил их учитель, является примирение идей Вольтера и Местра. См. «Изложение учения Сен-Симона (1828—1829)», перевод М. Е. Ландау, с предисл. В. П. Волгина. Госиздат, М.—Л., 1923, стр. 256 (серия «Предшественники современного гуманизма»).

² F. Vermale, L'activité maçonnique de J. de Maistre.—«Revue d'histoire littéraire de la France», 1935, № 1, pp. 72—76, и его же, J. de Maistre franc-maçon.—«Annales révolutionnaires», 1912. См. также литературу, указанную в этих работах.

³ F. Vermale, Joseph de Maistre émigré, Chambéry, 1927, pp. 29—35.

⁴ О Малле дю Пане см. A. Sa you s, Mémoires et correspondance de Mallet du Pan, 2 vol., P., 1851; F. Descostes, La Révolution française vue de l'étranger. 1789—1799. Mallet du Pan à Berne et à Londres d'après une correspondance inédite, Tours, 1897.

⁵ Maistre, Oeuvres, IX, pp. 58, 171.

⁶ Maistre, Mém. Pol., pp. 1—3.

⁷ Mandoul, pp. 253—254, 267, 299, 311—317 et 330.

⁸ F. Vermale, Notes sur Joseph de Maistre inconnu, Chambéry, 1921, pp. 47—61.

⁹ Linguet, Oeuvres, t. III, Théorie des loix civiles, т. I, Londres, 1774, pp. 41, 59; «Annales politiques, civiles et littéraires du XVIII-e siècle», 1777, pp. 92—94.

¹⁰ Ibid., pp. 20—24.

¹¹ «Annales», t. VII, 1779, pp. 325—382.

¹² Maistre, Oeuvres, IX, p. 79.

¹³ Maistre, Lett. et Op., éd. 1861, I, p. 29.

¹⁴ Maistre, Mém. Pol., p. 118.

¹⁵ Maistre, Lett. et Op., I, pp. 324—325.

¹⁶ «Correspondance diplomatique de J. de Maistre. 1811—1817», recueillie et publiée par A. Blanc, P., 1860, II, pp. 205, 258—259, 321—322.

¹⁷ Bonald, Oeuvres, édit. 1817, X, pp. 184—185; Bonald, Pensées sur divers sujets et discours politiques, P., 1817, t. I, pp. 5—6.

¹⁸ F. Lamennais, Oeuvres complètes, P., 1844, t. I, pp. 280 et 311.

¹⁹ Maistre, Lett. et Op., I, p. 31.

²⁰ Greppi, pp. 142, 158.

²¹ «Сборник Имп. Рус. Ист. Общ.», т. 70, стр. 132.

²² В. к. Николай Михайлович, Граф П. А. Строганов, т. II, стр. 69—71.

²³ Мартенс, Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. XIII. Трактаты с Францией 1717—1807. СПб. 1902, стр. 267—268.

²⁴ См. рескрипты Моркову от 4/16 ноября и от 8/20 ноября 1801 г. и ноту Моркова от 16/28 ноября.—«Сборник Имп. Рус. Ист. Общ.», т. 70, стр. 287, 291 и 295—297.

²⁵ Там же, стр. 384—385. Еще более ясно высказался Наполеон в письме к гр. Сен-Марсану от 29 августа 1802 г. Заявив здесь, что Пьемонт необходим Франции, пока Австрия владеет Венецией, он указал, что восстановление короля, который в качестве соседа четырех более могущественных, чем он, республик был бы предметом смут для Европы, нежелательно. См. «Correspondance de Napoléon I, publiée par ordre de l'Empereur Napoléon II», P., 1858—1869. Plon et Dumaine, t. VIII, p. 15.

²⁶ Mandoul, p. 48.

²⁷ «Сборник Имп. Рус. Ист. Общ.», т. 70, стр. 554—555, 581—583, 611—613, 622—623; т. 77, стр. 5—6, 38.

²⁸ Maistre, Carnets, pp. 135—136.

²⁹ Maistre, Mém. Pol., p. 97.

³⁰ *Ibid.*, pp. 99 et 101.

³¹ *Ibid.*, pp. 102—103. В «Carnets» отмечены два разговора с английским послом в 1803 г.—21 июля и 15 октября. См. *Carnets*, pp. 162—163.

³² *Maistre*, *Mém. Pol.*, p. 104, и *Maistre*, *Oeuvres*, IX, pp. 249—250.

³³ *Mandoul*, p. 115.

³⁴ *Maistre*, *Oeuvres*, IX, p. 159, и *Mandoul*, pp. 115—116.

³⁵ *Maistre*, *Oeuvres*, IX, pp. 130—132 и 151—152.

³⁶ *Maistre*, *Lett. et Op.*, I, pp. 46—48.

³⁷ «Correspondance de Napoléon», IX, p. 529.

³⁸ «Mémoires du prince Adam Czartorysky», P., 1887, II, pp. 29—30. Проект договора с Францией, посланный Новосильцову, также предусматривал полное восстановление и увеличение владений сардинского короля.—«Сборник Имп. Рус. Ист. Общ.», т. 82, стр. 64 сл.

³⁹ *Czartorysky*, pp. 62—63.

⁴⁰ *Maistre*, *Oeuvres*, IX, p. 504.

⁴¹ Нота от 17/29 апреля 1806 г. См. ниже в главе «Из дипломатической переписки Жозефа де Местра».

⁴² *Maistre*, *Oeuvres*, X, p. 177 et 196.

⁴³ *Maistre*, *Lett. et Op.*, I, pp. 139—145 et 151—153.

⁴⁴ *Maistre*, *Carnets*, p. 182.

⁴⁵ *Maistre*, *Oeuvres*, X, p. 485.

⁴⁶ Местр посетил спальню Павла в Михайловском дворце 16 июня ст.ст. 1804 г. и «от служителя в императорской ливрее» узнал все подробности убийства. См. *Maistre*, *Carnets*, pp. 165—166; *Maistre*, *Mém. Pol.*, pp. 267—268.

⁴⁷ *Maistre*, *Oeuvres*, X, pp. 494—495.

⁴⁸ *Maistre*, *Mém. Pol.*, pp. 264—267.

⁴⁹ «Рус. Старина», 1899, IX, стр. 548—549.

⁵⁰ *Maistre*, *Oeuvres*, IX, pp. 239—240.

⁵¹ «Рус. Старина», 1903, II, стр. 220.

⁵² В. к. Николай Михайлович, Император Александр I, т. I, СПб. 1912, стр. 463 (донесение австрийского посла гр. Сен-Жюльена от 16/28 сент. 1811 г.).

⁵³ «Рус. Старина», 1902, V, стр. 236.

⁵⁴ *Maistre*, *Oeuvres*, X, pp. 120—122.

⁵⁵ *Maistre*, *Mém. Pol.*, pp. 116 et 304.

⁵⁶ «Рус. Старина», 1873, I, стр. 44.

⁵⁷ Там же, 1880, XII, стр. 813—814.

⁵⁸ Шильдер, Имп. Александр I, т. II, стр. 350.

⁵⁹ *Maistre*, *Oeuvres*, XI, pp. 393—394, 395—396, 450, 464.

⁶⁰ «Lettres inédites du comte Joseph de Maistre». A. Clusel, libraire-éditeur. St.-Petersbourg, 1858, pp. 32 et 42—47. Это первое издание писем к Чичагову, подлинники которых хранятся в рукописном отделении Публичной библиотеки в Ленинграде.

⁶¹ *Maistre*, *Mém. Pol.*, pp. 99, 158—162, 165—167, 168—169; *Lett. et Op.*, I, pp. 232 et 80; *Carnets*, pp. 164—165, 167, 171—172, 178—179, 183—186 etc.

⁶² *Maistre*, *Oeuvres*, X, p. 133.

⁶³ *Maistre*, *Carnets*, pp. 166—167.

⁶⁴ *Maistre*, *Mém. Pol.*, pp. 199—200.

⁶⁵ В. к. Николай Михайлович, Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона 1808—1812, т. I, СПб. 1905, стр. 49.

⁶⁶ В одном из своих писем (19 января 1809 г.) Местр указывает, что по отношению к Наполеону существуют две крайних точки зрения. Одна считает его власть и династию окончательно упроченными и потому законными, что вносит в мир «ложные и опасные принципы». Другая квалифицирует его, как преступного авантюриста, о котором не стоит говорить. Обе точки зрения ошибочны, вторая, пожалуй, в еще большей степени, чем первая. Нельзя называть узурпатором и авантюристом «необыкновенного человека, владеющего тремя четвертями Европы, заставившего всех государей признать себя, породнившегося с тремя или четырьмя династиями государей и взявшего в течение пятнадцати лет больше столиц, чем величайшие полководцы взяли городов в течение своей жизни». «Наполеон—великое и страшное орудие providения». Попутно Жозеф де Местр выражает свое согласие с мнением, что «первым достоинством политика является умение изменять свои мнения» (*Maistre*, *Lett. et Op.*, I, p. 200).

⁶⁷ *Maistre*, *Carnets*, p. 183; *Maistre*, *Oeuvres*, X, pp. 509—513.

⁶⁸ *Maistre*, *Mém. Pol.*, pp. 288—290—291; *Carnets*, p. 186.

- ⁶⁹ Maistre, Oeuvres, XI, pp. 117—118; в к. Николай Михайлович, Диплом. сношения, II, стр. 173 и 370.
- ⁷⁰ Maistre, Oeuvres, XI, p. 50.
- ⁷¹ Maistre, Lett. et Op., I, pp. 209—216.
- ⁷² Maistre, Oeuvres, XI, pp. 38—41 et 328.
- ⁷³ Maistre, Oeuvres, XI, pp. 378—379, 291—292, 175—176, 400.
- ⁷⁴ Maistre, Lett. et Op., I, pp. 228—229 et 254.
- ⁷⁵ P. Pierling, La Russie et le Saint-Siège, т. V, P., 1912, p. 52.
- ⁷⁶ «Старина и Новизна», XVI, стр. 139—143 и 173—174.
- ⁷⁷ Godlewsky, Monumenta Ecclesiastica Petropolitana, Petropolis, 1909, I, pp. 57—61.
- ⁷⁸ Rouët de Journal, Un collège des Jésuites à Pétersbourg, P., 1922, pp. 67, 93, 136.
- ⁷⁹ Pierling, op. cit., p. 340. Письмо Грубера кардиналу Консальви.
- ⁸⁰ Ibid., p. 364.
- ⁸¹ Maistre, Carnets, p. 168.
- ⁸² Maistre, Lett. et Op., éd. 1851, II, pp. 299—362.
- ⁸³ Архив братьев Тургеневых в Институте литературы АН СССР, № 1154/14.
- ⁸⁴ Maistre, Oeuvres, XI, p. 493.
- ⁸⁵ «Воспоминания К. С. Сербиновича». — «Рус. Старина», 1896, № 9, стр. 575.
- ⁸⁶ «Рус. Старина», 1902, № 3, стр. 496—497.
- ⁸⁷ Maistre, Carnets, p. 193.
- ⁸⁸ Tolstoy, Le catholicisme romain en Russie, II, p. 461.
- ⁸⁹ «Журналы Комитета Министров», т. II, 1810—1812. СПб. 1891, стр. 257—258.
- ⁹⁰ Maistre, Carnets, p. 194.
- ⁹¹ Maistre, Oeuvres, XII, pp. 80—81.
- ⁹² Это, конечно, направлено против опубликованного, по мысли Сперанского, указа об экзаменах на чины.
- ⁹³ Это сделано, напр., в соч. аббата Баррюэля, Abrégé des mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme, 1-re éd., 1806.
- ⁹⁴ Maistre, Quatre chapitres inédits sur la Russie, publ. par son fils le comte Rodolphe de Maistre, P., 1859.
- ⁹⁵ Maistre, Oeuvres, XII, p. 91—96; Maistre, Carnets, pp. 194—195.
- ⁹⁶ Maistre, Oeuvres, p. 111.
- ⁹⁷ Ibid., pp. 126—134.
- ⁹⁸ О «восстановлении» Польши, как проблеме дня, Александр писал Чарторыйскому 1 апреля. См. Czartorysky, Mémoires, II, pp. 279—284. Рус. пер., II, стр. 257—263.
- ⁹⁹ «Correspondance diplomatique de J. de Maistre. 1811—1817», recueillie et publ. par A. Blanc, P., 1860, I, p. 107. В «Oeuvres compl.» этого письма нет.
- ¹⁰⁰ F. Vermales, J. de Maistre émigré, pp. 109—117.
- ¹⁰¹ «Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état», XI, p. 346.
- ¹⁰² Freiherr von Stein, Briefwechsel, Denkschriften und Aufzeichnungen. Im Auftrag der Reichsregierung der Preussischen Staatsregierung und des Deutschen und Preussischen Städtetages bearbeitet von Erich Botzenhart, Berlin, 1931, B. IV, S. 1.
- ¹⁰³ Депеша от 2/14 июня 1813 г. напечатана в «Архиве кн. Воронцова», XV, стр. 483—506; Maistre, Oeuvres, XII, pp. 277—278 et 304.
- ¹⁰⁴ Ibid., pp. 281—282.
- ¹⁰⁵ Ibid., pp. 321—336 et 351—352.
- ¹⁰⁶ Ibid., pp. 420—423, письмо от 19 апр. 1814 г.
- ¹⁰⁷ Письмо Местра к Пауллуччи напечатано в «Русском Архиве», 1886, II, стр. 109—111.
- ¹⁰⁸ F. Vermales, op. cit., pp. 149—154.
- ¹⁰⁹ Maistre, Lett. et Op., I, pp. 296—298.
- ¹¹⁰ Falloux, Madame de Swetchine. Sa vie et ses œuvres, P., 1860, I, p. 30.
- ¹¹¹ «Сборник Имп. Рус. Ист. Общ.», XXIII, стр. 667.
- ¹¹² Gagarine, Le salon de la comtesse Golovine, Lyon, 1879, p. 7; «Русские Портреты», I, стр. 75; II, стр. 24; «Рус. Старина», 1900, XII, стр. 634—635.
- ¹¹³ «Souvenirs de la comtesse Golovine», 3-me éd., P., 1900.
- ¹¹⁴ Gagarine, op. cit., p. 5.
- ¹¹⁵ Daudet, p. 106.
- ¹¹⁶ Maistre, Lett. et Op., éd. 1851, II, pp. 273—281 et 282—298.
- ¹¹⁷ Alexandre Stourdza, Oeuvres posthumes, т. III, P., 1859, pp. 171 et 178—179.
- ¹¹⁸ Maistre, Lett. et Op., I, pp. 336 et 353.
- ¹¹⁹ Rouët de Journal, op. cit., p. 271 et suiv.
- ¹²⁰ Rosaven, L'église russe et l'église catholique, P., 1876, с предисловием Гагарина, которое мы цитировали выше.

¹²¹ *Consalvi, Mémoires*, 2-me éd., P., 1866, I, pp. 86 et 88.

¹²² *Maistre, Oeuvres*, XIV, p. 306.

¹²³ *Ibid.*, XII, pp. 112—113.

¹²⁴ *Ibid.*, p. 149.

¹²⁵ «*Conservateur Impartial*», 1817, № 36, 4 mai.

¹²⁶ «Северная Почта», 1816, №№ 41, 65 и 75.

¹²⁷ *Maistre, Oeuvres*, XIII, p. 162 et suiv.

¹²⁸ *Bonald, Réflexions sur l'intérêt général de l'Europe*, P., 1815, pp. 8—9, 11—15, 49—50 et suiv. Брошюра начиналась с критики Венского конгресса. Задачей конгресса было не устройство новых дележей территории, а восстановление европейского порядка на основах, существовавших до XVI века. Этими основами были религия и монархия. Тогда если и бывали войны, то они не угрожали независимости народов и часто прекращались «вмешательством главы церкви, общего отца всех христианских народов». Только реформация породила войны ненависти, и тогда стали возникать проекты равновесия. Самыми интересными из них были проекты Генриха IV и Лейбница. Эти проекты «ставили во главе христианства, в качестве арбитра и миротворца, общего отца христиан; и хотя осуществление этого проекта христианской республики было бы трудно, чтобы не сказать невозможно, хотя нельзя было бы заставить признать политическое господство главы церкви ту часть Европы, которая не признает даже его религиозного главенства,—надо остеречься от отбрасывания с презрением проекта, который казался осуществимым Генриху IV и Лейбницу». Указав далее, что в интересах мира не следовало ослаблять Францию, а надо было сохранить за нею левый берег Рейна и Бельгию, Бональд настаивает на укреплении власти и значения папы. Только из Рима придут порядок и мир. Все правительства должны работать для восстановления «на прежних основаниях этой колонны, на которой покоятся судьбы Европы». Язычники сделали Дельфийский храм местом прибежища и мира. Пусть же христиане уважают при своих распрах «эту священную землю», пусть знамена склоняются «перед этим величественным храмом, святилищем истины, цитаделью общественного порядка». В заключение Бональд настаивал на укреплении в интересах общего порядка роли и значения дворянства.

¹²⁹ *A. Debidour, Histoire diplomatique de l'Europe*, P., 1891, I, p. 25. См. также дневник швейцарского представителя на Венском конгрессе: «*Journal de Jean-Gabriel Eynard, publié avec une introd. et des notes par Ed. Chapuisat*», 2-me éd., P.—Genève, 1914, pp. 17—18.

¹³⁰ *Consalvi, Mémoires*, I, pp. 22—28.

¹³¹ *Angenberg, Le congrès de Vienne et les traités de 1815*, 2-me partie, pp. 1428 et 1450; *Metternich, Mémoires, documents et écrits divers*, t. VII, P., 1883, pp. 469—470.

¹³² *Consalvi, Mémoires*, I, pp. 126—127 (письмо Меттерниха от 11 июля 1819 г.); *ibid.*, pp. 137—139 (письмо Меттерниха от 22 ноября 1820 г.); ср. *Metternich, Mémoires*, III, p. 81.

¹³³ Письмо от 27 февр. 1816 г. (неизд.)—Архив братьев Тургеневых в Институте литературы АН СССР, № 382, л. 137.

¹³⁴ Эти слова известны были до сих пор в передаче Henri Lutteroth, автора книги «*La Russie et les Jésuites de 1772 à 1820*», Paris, 1845, p. 17. Книга эта приписывалась Н. И. Тургеневу.

¹³⁵ Архив братьев Тургеневых, № 644 (неизд.).

¹³⁶ Характеристику и оценку роли и воззрений А. И. Тургенева в этот период см. в статье «Братья Тургеневы и дворянское общество Александровской эпохи», в томе «Писем Н. И. Тургенева к С. И. Тургеневу», ИЛИ АН, Л., 1936, стр. 8—14.

¹³⁷ Письмо от 13/26 янв. 1816 г. (неизд.)—Архив бр. Тургеневых, № 2617, л. 88.

¹³⁸ См. ее письмо к Александру I от 26 февр. 1816 г., напечатанное в приложениях к соч. Шиллера, Имп. Александр I, IV, стр. 493. «Я не перестаю следить за вашими политическими делами, государь,—писала М-ме де Сталь Александру I,—с интересом и почтением, которыми моя душа полна по отношению к вам. Я люблюсь вместе со всей Европой вашей польской конституцией, вашим указом об иезуитах, и мне чудится великое и прекрасное стремление к терпимости в декларации трех держав различных религий, но всех трех—христианских».

¹³⁹ «*Nain Jaune réfugié*», Bruxelles, 1816, pp. 15—16.

¹⁴⁰ «Архив кн. Воронцова», XXIII, стр. 358 и 372.

¹⁴¹ «*Ferd. Christin et la princesse Tourkestanow*». Lettres, II. Moscou, 1883, p. 464.

¹⁴² *Maistre, Oeuvres*, XIII, p. 224; *Maistre, Lett. et Op.*, I, pp. 398—399, 421, 438—439.

¹⁴³ *Maistre, Oeuvres*, XIV, p. 25; XIII, p. 226.

¹⁴⁴ *Maistre*, Lett. et Op., I, p. 419. *Maistre*, Oeuvres compl., XIII, pp. 280—284 et 293—294. «Рус. Архив», 1866, стр. 1492.

¹⁴⁵ «Ferd. Christin et la princesse Tourkestanow». Lettres, I. Moscou, 1882, p. 443.

¹⁴⁶ *Bonald*, Oeuvres, P., 1817, IV, p. 196.

¹⁴⁷ *Maistre*, Oeuvres, II, pp. 413—414 et 445—446.

¹⁴⁸ *N. Bianchi*, Storia documentata della diplomazia europea in Italia. Torino, 1865, I, pp. 400—401.

¹⁴⁹ *Mandouil*, p. 252.

¹⁵⁰ См. его показания в следственной комиссии 1826 г.—Довнар-Запольский, Мемуары декабристов. Киев, 1906, стр. 3.

¹⁵¹ Письмо Орлова, датированное 24 декабря 1814 г., было впервые напечатано в издании «*Considérations sur la France*» 1821, под заглавием: «*Lettre de M. O., Général au service de S. M. l'Empereur de toutes les Russies*». (Мы цитируем его по «*Oeuvres compl.*», I, pp. XLIX—LIV). Письмо было препровождено вдовой Местра издателю Антуану Барбье 7 июля 1821 г. См. «*Bulletin du Bibliophile*», revue mensuelle publiée par J. Techener, P., 1854, p. 915. Здесь, в примечании, раскрыты инициалы автора письма. Кроме того, о письме Орлова упоминается в «*Bulletin du Bibliophile Belge*» publié par F. Heussner, Bruxelles, 1855, II, p. 156. См. также В. И. Семеновский, Политические и общественные идеи декабристов. СПб. 1909, стр. 382—384.

¹⁵² См., например, его письма 1819 г. к Д. П. Бутурлину.—Сборник «Декабристы и их время», изд. О-ва политкаторжан, т. I, М., б. г., стр. 199—205.

¹⁵³ См. воспоминания Ипполита Оже.—«Русский Архив», 1877, №№ 4 и 5.

¹⁵⁴ М. С. Лунин, Сочинения и письма, ред. С. Я. Штрайха, Пгр. 1923, стр. 12—19; *Maistre*, Du Pape, suivi de l'Eglise Gallicane dans son rapport avec le Souverain pontife, t. I, Bruxelles, 1838, p. 188. Взгляд на папство, как орган международного арбитража, Лунин мог почерпнуть еще из книги Адама Чарторыйского, *Essai sur la diplomatie*, 2-me éd., P., 1864, pp. 58—70, первое издание которой вышло в 1830 г. и могло быть известно Лунину, благодаря его хорошим отношениям с ссыльными поляками.

¹⁵⁵ Цитируется по статье К. Пигарева, Ф. И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России.—«Литературное Наследство», т. 19—21, стр. 187.

¹⁵⁶ «Старина и Новизна», XIX, стр. 220—242.

¹⁵⁷ См. статью Тютчева «Россия и революция» (1848 г.).

¹⁵⁸ Нам известны копии этого произведения в архивах братьев Тургеневых (ИЛИ) и гр. Эдлинг, урожд. Стурдзы (там же).

¹⁵⁹ П. Я. Чаадаев, Сочинения, под ред. М. Гершензона, т. I, М., 1913, стр. 87 и 89. Общая для Чаадаева и Лунина мысль о связи католической цивилизации с развитием свободных учреждений заимствована, повидимому, у Шатобриана.—См. *Chateaubriand*, Etudes ou discours historiques sur la chute de l'empire Romain, la naissance et le progrès du christianisme et l'invasion des Barbares, suivis d'une analyse raisonnée de l'histoire de France, P., 1831, III, pp. 282—288.

¹⁶⁰ «Литературное Наследство», т. 22—24, стр. 22—23.

¹⁶¹ См. рассуждения на эту тему в шестом (по старому счету—втором) «Философическом письме».—Соч., I, стр. 97 и след.

¹⁶² Пушкин, Переписка. Изд. Академии наук, II, стр. 272.

¹⁶³ См. письмо к Орлову 1837 г., где Чаадаев говорит, что давно мечтал собрать около себя нескольких чистых и благородных людей и сообща работать для блага человечества и отечества.—Соч., I, стр. 218.

¹⁶⁴ См. об этом в статье Н. И. Мордовченко, Гоголь и журналистика 1835—1836 г.г.—«Гоголевский сборник» Института литературы АН СССР, II, стр. 111—115.

¹⁶⁵ В. С. Печерин, Замогильные записки. Изд-во «Мир», Калинин, 1932, стр. 113. Впоследствии Печерин совсем изменил отношение к Местру, назвав его: «наглый, бессовестный фанатик—ярый поборник самого крайнего деспотизма» и т. д.—там же, стр. 114.

¹⁶⁶ «*Journal de St.-Petersbourg*», 1858, pp. 3398—3399.

¹⁶⁷ «Московские Ведомости», 1860, № 159 (от 20 июня), стр. 1261—1262, и № 205 (от 22 сентября), стр. 1826.

¹⁶⁸ Статья Феоктистова, Жозеф де Местр в Петербурге.—«Русская Речь», 1861, №№ 27 и 28, стр. 413—417 и 429—433.

¹⁶⁹ А. [А. Н. Пыпин], Советы графа Жозефа де Местра. О «*Quatre chapitres inédits*»—«Современник», 1886, т. CXII, стр. 541—576. Раскрытию автора этой статьи мы обязаны И. И. Векслеру.

¹⁷⁰ *Maistre*, *Considérations sur la France*. Avec introduction et des notes par René Johannet et François Vermale, 1936, pp. 8 et suiv., 87—89.

I. ИЗ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ ЖОЗЕФА ДЕ МЕСТРА

Под этим названием мы печатаем группу документов, извлеченных «Литературным Наследством» из Архива внешней политики в Москве, фонд канцелярии министерства иностранных дел за 1803—1814 гг. Большая часть хранящихся в этом фонде документов, связанных с именем Местра, это—его ноты, врученные им в качестве сардинского посланника в Петербурге русскому министерству иностранных дел по самым разнообразным поводам.

Из этого обширного собрания неизданных документов мы печатаем здесь лишь то, что представляет безусловный исторический интерес и что, в частности, существенно дополняет новыми данными наши сведения о дипломатической деятельности Местра в Петербурге.

МЕСТР—КАНЦЛЕРУ ВОРОНЦОВУ

ЕГО СИЯТЕЛЬНОМУ ГРАФУ ВОРОНЦОВУ, ГОСУДАРСТВЕННОМУ КАНЦЛЕРУ И ПР. И ПР.¹

С.-Петербург, 3/15 мая 1803 г.*

Нижеподписавшийся, чрезвычайный посланник и полномочный министр е. в. короля Сардинии при е. в. императоре всероссийском, приступая к выполнению обязанностей, возложенных на него королем, его повелителем, полагает долгом своим прежде всего напомнить е. с. государственному канцлеру основания, которые определили поведение и надежды е. в.

Из депеши, сообщенной из Петербурга 22 прошедшего января, е. в. королю стало известно о новом предложении первого консула относительно Сиенского княжества, Орбителло и пр., а также и о том, что ему советуют принять это предложение. Затем возник вопрос о другом предложении, сделанном Буонапарте, — о пенсии королю Карлу-Эммануилу в размере 500 тысяч ливров в том случае, если бы царствующий король согласился отказаться от своих прежних владений; при этом пояснялось, однако, что Россия не предполагает вмешиваться в это соглашение, по поводу которого Буонапарте может договариваться непосредственно с королем.

На основании изложенного е. в. мог считать, что предложение Сиены, Орбителло и пр. было сделано без всяких оговорок и что отказ от прежних владений² был только условием, связанным с принятием пенсии.

Вполне естественно, что король отклонил предложение о пенсии. Отказаться за такую цену от одной из самых прекрасных, богатых и плодородных земель Италии представляется королю настолько ужасным, что если он и согласится на это, то только уступая крайней необходимости.

Следует отметить, что е. в. ни разу не получал из Петербурга известия о том, что отказ является неизбежным. Напротив, е. в. пребывал в уверенности, что е. и. в. может спасти его от этого последнего несчастья. Следовательно, за все написанное им, под влиянием такой уверенности, он не заслуживает упрека, как за желание помешать успешному ходу дела.

Если ныне королю вменяется в обязанность признать необходимость отказа от своих владений, то это меняет положение дела; но какова бы ни была дальнейшая судьба е. в., от глубокой проницательности е. с. господина канцлера не должно ускользнуть, насколько опасно было бы разделить настоящее большое дело на два, из которых одно обсуждалось бы между Россией и Францией, а другое между последней и королем.

* Дипломатические документы и официальные письма Местра, публикуемые в I и II главах, написаны им собственноручно. Все печатаемые в данной публикации документы написаны в оригинале по французски.

ТАДЕУШ БРЖОЗОВСКИЙ

Генерал ордена иезуитов; был тесно связан с Местром и добился в 1812 г. при его поддержке преобразования Полочкой иезуитской коллегии в академию

Со старинной гравюры

Не трудно понять чувство деликатности, склоняющее к разделению дела, и в данном случае нижеподписавшемуся остается только от имени своего повелителя благодарить императора за великодушие, препятствующее ему подписаться под этим злосчастливым отказом.

Что же касается достоинства державы-покровительницы, то оно отнюдь не пострадает от той или другой формы. Всем известно благородное покровительство, оказываемое е. и. в. савойскому дому, поэтому в отказе короля от своих владений всегда усмотрят лишь дело рук бессовестной державы, дерзкой по отношению ко всему достойному уважения, презирующей всякие приличия и ничем не стесняющейся.

Правда, выделение отказа в особый изолированный акт дает на первый взгляд более оснований предполагать, что он является вынужденным; но сколько опасностей таит подобное предположение! Король оказался бы в окружении дипломатов, ставших хозяевами положения; они начали бы диктовать ему условия в высокомерной, а возможно, и в унижительной для него форме, при малейшем возражении с его стороны он подвергся бы оскорблениям, его гоняли бы из города в город и т. д.,—можно делать любые предположения.

Наконец, если бы отказ был признан необходимым и король решил бы подписать его, посланнику короля не оставалось бы ничего иного, как умолять е. и. в. оказать милость и закончить это злосчастное дело тем способом, какой он считает наиболее соответствующим интересам покровительствуемой державы и достоинству державы-покровительницы.

Однако, на необходимость этого отказа нигде не указывалось королю. В этом убеждении он и поручил нижеподписавшемуся обратиться с самыми неотступными просьбами об избавлении его от этого несчастья. Нижепод-

писавшийся должен повиноваться. Он выполнит свой долг со всем рвением, на какое способен. Он настоятельно просит е. и. в. соблагovolить закончить это, достойное его величия, дело и спасти короля Сардинии от столь жестокой крайности. Он осмеливается надеяться, что не будет ничего невозможного, если только е. и. в. даст почувствовать огромный вес своего имени. Он надеется также, что е. с. господин канцлер, пользующийся полным уважением и доверием короля, согласится поддержать милостивые намерения своего великодушного государя всем своим влиянием, являющимся следствием и наградой его заслуг и талантов. Если избежать отказа возможно,—это окажется новым благодеянием, которое савойский дом будет вечно помнить. А если, напротив, е. в. император сочтет отказ неизбежным, то и тогда император останется благодетелем короля, ибо без его вмешательства е. в. потерял бы все без вознаграждения.

Савойский дом, внушающий к себе сочувствие своими несчастьями, столь же великими, сколь и малозаслуженными, не имел никакого права рассчитывать на поддержку русского двора. Статья трактата была проявлением великодушия, личной симпатии и еще, быть может, актом, внушенным великими идеями порядка, справедливости и европейского равновесия³, ибо король Сардинии в силу создавшихся обстоятельств и географического положения своей страны не мог заручиться правами на поддержку при помощи союзов. Он не должен поэтому удивляться, если е. в. император прекратит свое покровительство, когда найдет это нужным. Король бесконечно далек от мысли создавать какие-либо затруднения или ставить условия, как это, повидимому, склонны были думать на основании некоторых документов, смысл которых был неправильно понят. Его собственные депеши, как и депеши его министров, содержат только уведомления, обращенные к дружеским чувствам могущественной державы, разъяснения, просьбы, пожелания, но никак не условия. А если бы даже, в случае признания необходимости отказа от владений, король, как нижеподписавшийся имеет некоторые основания предполагать, скорее решился бы все потерять, чем дать на это согласие, то и тогда его благодарность к своему сильному и великодушному покровителю сохранилась бы и пережила окончательную гибель его дома.

Нижеподписавшийся желал бы, по крайней мере, успеть написать в Рим⁴ и получить ответ, пока еще ничто не решено, ибо самые милости е. и. в. стали бы призрачными, если бы король не смог решиться на отказ. Сардинский посланник чрезвычайно желал бы поэтому выяснить:

Не остается ли у е. в. короля Сардинии надежды избежать отказа от своих владений?

Не представляется ли, по крайней мере, возможным создать уклончивые условия соглашения, или же оставить дело *in statu quo* и затянуть переговоры, что при настоящем положении вещей могло бы открыть более благоприятные виды на будущее.

И, наконец,—дабы не оставалось никакой неопределенности,—в случае, если отказ будет признан неизбежным, е. в. на него решится и, если во что бы то ни стало пожелают расчленить дело, то каковы будут мероприятия, которые е. и. в. признает уместными для ограждения личной безопасности е. в. короля?

Нижеподписавшийся примет с большой благодарностью разъяснения, которые е. с. господин канцлер признает уместными ему сообщить по вышеизложенным вопросам, дабы дать ему возможность получить оконча-

тельные приказания своего повелителя. Впрочем, он с такой же готовностью подчинит свои суждения суждениям е. с. господина канцлера, с какой его государь доверяет свои интересы и свою судьбу просвещенному и великодушному решению е. и. в.

Нижеподписавшийся имеет честь принести е. с. уверения в самых почтительных чувствах.

Граф де Местр

Автограф.—Арх. Внешн. Пол. М. И. Д., Канц., 10621, лл. 4—8.

¹ Воронцов Александр Романович, граф (1741—1805)—при Екатерине II сенатор и президент Коммерц-коллегии. При Александре I с 1802 г.—государственный канцлер и министр иностранных дел. Это назначение было уступкой екатеринским вельможам, среди которых Воронцов выделялся, как представитель аристократической оппозиции.

² Т. е. формальный отказ от Пьемонта, занятого французами.

³ Речь идет о статье VI франко-русского договора от 8 октября 1801 г.

⁴ Сардинский король и его правительство в это время находились в Риме.

МЕСТР—КАНЦЛЕРУ ВОРОНЦОВУ

ЕГО СИЯТЕЛЬНОМУ ГРАФУ ВОРОНЦОВУ, ГОСУДАРСТВЕННОМУ КАНЦЛЕРУ

С.-Петербург, 8/20 сентября 1803 г.

Нижеподписавшийся, чрезвычайный посланник и полномочный министр е. в. короля Сардинии, имеет честь напомнить е. с. господину государственному канцлеру, что субсидии, которыми пользуется е. в. король Сардинии, хотя и вполне достойны державы, с такой щедростью дающей самую большую их часть,—все же недостаточны для удовлетворения необходимых нужд короля. Движимый дружбой, е. и. в. соблаговолил предпринять перед другими державами попытки к увеличению субсидий королю, и, хотя попытки эти оказались бесплодными, они, тем не менее, заслужили полную благодарность того, ради кого они были сделаны¹.

Ныне у е. в. короля Сардинии появились, как будто, основания надеяться на увеличение своих средств, если только е. и. в. согласится помочь ему своим влиянием.

Посланник короля при его католическом величестве² недавно сообщил, что встретил при указанном дворе достаточно благоприятное расположение умов в пользу предоставления субсидии. Он считает себя в праве высказать предположение, что при поддержке императорского посланника в Мадриде это важное дело, по всей вероятности, увенчалось бы успехом.

Е. в. не мог, конечно, не обратить внимания на столь важное для него сообщение. Но, глубоко тронутый всем уже сделанным в этом отношении е. и. в. и боясь злоупотребить правами дружбы, он ограничился лишь сообщением нижеподписавшемуся содержания депеши своего мадридского посланника, с поручением ему (нижеподписавшемуся) узнать о намерениях е. и. в. по этому поводу.

Граф де Местр спешит сообщить об этом е. с. господину государственному канцлеру в надежде, что, в силу своих неоценимых чувств к королю, е. и. в. соизволит уполномочить своего мадридского посланника поддерживать шаги, которые предпримет посланник е. в. короля Сардинии перед этим двором для получения субсидии.

Отказ, который встретил е. и. в. у некоторых дворов, не может смутить нижеподписавшегося, ибо он убежден, что неприятности такого рода чув-

ствительны только для слабых и совершенно не существуют для е. и. в. Он знает, что благороднейшая привилегия величия заключается в том, что оно не может быть скомпрометировано в подобного рода случаях. Отказ, в ответ на великодушное предложение русского императора, мог бы иметь своим последствием лишь еще большее возвеличение императора в общем мнении. Титул **з а щ и т н и к а г о с у д а р е й**, угасший в Европе со смертью Людовика XIV, оживает в наши дни при русском дворе. Те, кто отказываются разделить эту славу, заставляют ее только ярче сиять над головой великого государя, которого она украшает.

Посланник е. в. короля Сардинии, поощряемый этими соображениями, осмеливается надеяться, что король, его повелитель, и на этот раз получит ошутительные доказательства драгоценной дружбы е. и. в. Поддержка, на которую король рассчитывает, может явиться, как результат более или менее открытого и торжественного выступления. Но в какую бы форму е. и. в. ни счел уместным облечь это выступление, он может быть уверен в полной благодарности короля.

Неустанно занятый размышлениями, приличествующими его положению и обязанностям, нижеподписавшийся льстит себя надеждой на возможность избавить е. в. короля Сардинии от тяжелого положения, в котором он находится, и притом таким способом, который, ни в малейшей степени не вредя правам короля, сделал бы в то же время его нынешнюю отрешенность от власти менее тягостной для его друзей.

Таким способом могло бы быть достигнуто временное устройство, которое, при известной предпосылке, не должно, как будто, встретить серьезных и существенных затруднений.

И в самом деле, когда первый консул среди полного мира предлагал е. в. королю Сардинии вознаграждение, совершенно ни с чем не сообразное, он все же имел право требовать, чтобы оно считалось окончательным, ибо он предоставлял его в виде добровольной уступки, делаемой только из уважения к особе е. и. величества.

Без сомнения, это было явное беззаконие, но это было, по крайней мере, следствие, очень правильно выведенное из неправильного положения. Это была, если можно так выразиться, **справедливая несправедливость**.

Но война вспыхнула вновь, и если первый консул, добиваясь сам посредничества России, признал, из уважения к е. и. в., принцип полного и окончательного вознаграждения, то у него, как будто, не должно быть оснований отказаться от неполного и временного вознаграждения.

Так, например, Сиена, предложенная сначала, как компенсация, долговременная навсегда, и вопреки всякой справедливости, заставить замолчать е. в. короля Сардинии, могла бы теперь быть ему уступлена (то же можно сказать и о герцогстве Пармском и о любом подобном государстве), как удел, который можно было бы принять в ожидании, пока общеевропейские дела не обретут, наконец, более устойчивого положения.

У первого консула, повторяем, не должно бы встретиться никаких благовидных возражений против этого плана; ибо почему бы отказался он удовлетворить настояния е. и. в. о временном вознаграждении е. в. короля Сардинии, после того, как предлагал вознаграждение окончательное? И почему бы отказал он в неполном вознаграждении после того, как допускал полное?

Если бы этот план мог осуществиться, королю нужна бы была помощь его друзей только на время, необходимое для первоначального устройства и взимания первых податей, которые были бы установлены с умеренностью, свойственной его августейшему дому.

Ясно сформулированная оговорка сохранила бы все права этого дома на полное вознаграждение в Италии. Насколько обстоятельства позволили бы, нужно было бы оградить предоставленную в пользование страну и, особенно, ее города от опасности вторжений и контрибуций. А если бы, несмотря на все принятые предосторожности, военные потрясения подвергли е. в. некоторым неудобствам, неизбежным при существующем

ПРОЕКТ ЗДАНИЯ ПОЛОЦКОЙ ИЕЗУИТСКОЙ КОЛЛЕГИИ

Гравюра с рисунка Г. Грубера, 1785 г.

Исторический музей, Москва

положении вещей, когда столь мало соблюдаются предписания публичного права, король мог бы утешиться перспективой лучшего будущего. Трудно предположить, чтобы даже такое положение нельзя было бы предпочесть его теперешнему положению, так как, несмотря на великодушное отношение трех дворов и, в особенности, русского, король все же более чем нуждается.

Но хотя этот план и представляется нижеподписавшемуся весьма заманчивым, он все же не скрывает от себя, что выполнение его зависит от ряда обстоятельств, остающихся для него неизвестными; к тому же и общая обстановка столь изменчива, что то, что возможно сегодня, становится невозможным завтра. Он ограничивается поэтому лишь изложением своих мыслей с обычной сдержанностью, тем более, что не имеет определенных полномочий сделать свои пожелания предметом прямой просьбы.

Он хочет только воспользоваться случаем напомнить е. с. господину государственному канцлеру о возможности возникновения, как он уже имел честь сообщать в начале прошлого июня, некоторых событий, представляющих угрозу для безопасности короля. Никогда горизонт Европы не был более мрачен. Так как обстоятельства делают возможным все, мы обязаны все предусмотреть. Огромный флот, которым располагают англичане во всех морях, без сомнения, обеспечивает королю возможность легко переменить местожительство, если бы в этом представилась необходимость. Но, предлагая в этом отношении всяческую помощь, какую только можно желать, англичане не преминули сами обратить внимание на то, что не в интересах е. в. было бы давать повод к предположениям, что он слишком решительно бросается в их объятия. Это указывалось из опасения, как бы на короля не распространилась старинная, дошедшая в наши дни до иступления, ненависть, навлекать которую на себя королю в его положении совершенно излишне.

Таким образом, события в одинаковой мере могут как способствовать безопасности короля, так и угрожать ей. Он надеется, поэтому, что в последнем случае для е. и. в. не окажется затруднительным предоставить в его распоряжение один из фрегатов, стоящих в Корфу, дабы оградить его вместе с семьей от всякого рода насилий.

Когда опасности такого порядка обрушиваются непредвиденно, отражать их поздно. Е. в. король Сардинии слишком привык ко всевозможным бедствиям, чтобы не быть готовым ко всему. Он полагает, поэтому, что следует принять некоторые предосторожности, а нижеподписавшийся, в точности выполняя приказания короля, своего повелителя, спешит воспользоваться случаем, дабы возобновить е. с. господину государственному канцлеру уверения в самых почтительных чувствах.

Граф де Местр

Арх. Внешн. Пол. М. И. Д., Канц., 10621, лл. 13—16.

¹ Сардинский король получал субсидии: от России—75 тыс. руб., от Англии—10 тыс. фунтов стерлингов, от Португалии—25 тыс. круазе. Потом русская субсидия была увеличена, но падение курса рубля делало это увеличение незначительным (M a n d o u l, pp. 120—122).

² Sa Majesté catholique—его католическое величество—титул испанского короля.

МЕСТР—КАНЦЛЕРУ ВОРОНЦОВУ

ЕГО СИЯТЕЛЬНОСТИ ГОСПОДИНУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ КАНЦЛЕРУ

С.-Петербург, ^{5 декабря}_{23 ноября} 1803 г.

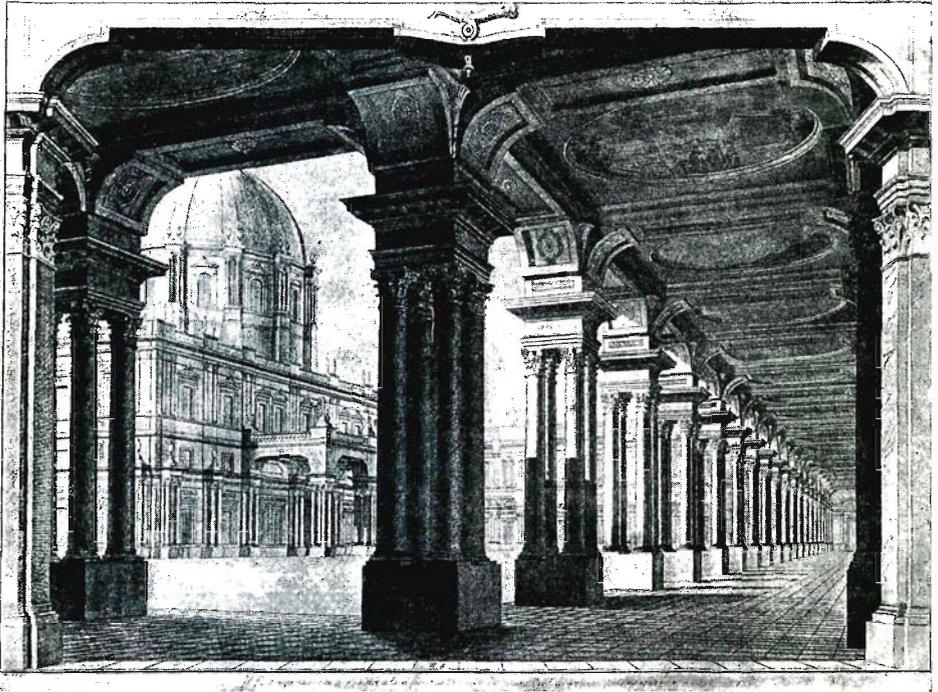
Нижеподписавшийся, чрезвычайный посланник и полномочный министр е. в. короля Сардинии, припоминает, что в последний раз, когда он имел честь беседовать с е. с. господином государственным канцлером, разговор зашел о жертвах, которых потребовали от Савойского дома после войны, которую он вел, можно сказать, во имя интересов всего мира и с добросовестностью, равной только обрушившимся на него вследствие этого бедствиям.

До последнего времени Франция не переставала делать соблазнительные предложения туринскому двору, чтобы оторвать его от коалиции. Господин Дюран был даже в 1797 г. нарочито послан в Швейцарию для переговоров с агентами, имевшимися у короля в этой стране. Нижеподписавшийся был в их числе. Он был прекрасно осведомлен об этих предложе-

ниях¹. Туринский двор остался непоколебимо верным своим обязательствам в отношении Англии и Австрии, хотя эта последняя держава не скрывала уже своих видов на весь Пьемонт или на его часть².

Известно, каковы были для Савойского дома плоды этой верности; но, быть может, неизвестны последние предложения, сделанные ему его союзниками.

Фельдмаршал Суворов покинул Италию. Злой гений, неизменно руководивший данной войной, в завершение устранил этого выдающегося человека, — считали себя способными и без него продолжать дело, которое мог вести только он. Король Сардинии был тогда задержан во Флоренции

ПРОЕКТ ЗДАНИЯ ПОЛОЦКОЙ ИЕЗУИТСКОЙ КОЛЛЕГИИ

Гравюра с рисунка Г. Грубера, 1785 г.

Исторический музей, Москва

на возвратном пути из Сардинии, откуда он был вызван победоносным фельдмаршалом. Ему было запрещено возвращаться к себе, и даже учрежденный им в Турине верховный совет постоянно встречал противодействия разным мероприятиям своим, которые он предпринимал именем короля. Е. в. оказался изолированным, ограбленным и без всяких средств к сопротивлению. Этот момент, когда король был беспомощен, а другие рассчитывали, что можно еще многое сделать, был выбран для того, чтобы потребовать у короля уступки части Пьемонта с одним из самых прекрасных, больших и укрепленных городов, взамен которого ему предложили еле заметный городок.

Но между тем, как наш могущественный союзник хотел при помощи этой уступки получить господство над Туриниом и уничтожить его значение, битва при Маренго отбросила его самого за Эц и покончила с этим вопросом.

Нижеподписавшийся, найдя интересный документ по этому вопросу, считает своим долгом представить его на рассмотрение е. с. господина государственного канцлера. Это—нота, врученная в Вене 1 мая 1800 г. лордом Минто гр. де Валлезу, тогдашнему посланнику е. в. короля Сардинии при е. и. королевском апостолическом величестве³, а впоследствии предшественнику нижеподписавшегося при императорском дворе в Петербурге. Нижеподписавшийся предполагает, что е. с. граф Воронцов не знаком с этим документом. Граф найдет в нем подробности, касающиеся предложений, которые были сделаны е. в. в короткий момент иллюзий, последовавший за пагубной отставкой фельдмаршала Суворова. Нижеподписавшийся никоим образом не позволит себе проявить малейшее неуважение к великой и почтенной державе. Он безусловно воздержится от всякого резкого суждения по поводу предложений, сделанных его повелителю. Он позволит себе только усмотреть в них простое невнимание, нечто вроде временного усыпления у монарха чувства великодушия по отношению к несчастному союзнику. Но чье напоминание об этом великодушии могло бы иметь большее значение, чем напоминание России, могущество и бескорыстие которой сделают ее, в конце концов (надо надеяться), арбитром Европы.

Нижеподписавшийся надеется, таким образом, что е. с. господин канцлер согласится признать прилагаемый при сем документ имеющим важное значение для интересов государя, которого он имеет честь представлять здесь. Документ этот может оказаться бесполезным при настоящих обстоятельствах.

Нижеподписавшийся просит еще об одной милости: не забывать, что всякого рода предложения, делавшиеся королю в течение двенадцати или пятнадцати лет как со стороны Франции, так и с других сторон, ни на минуту не изменили его поведения. Как в счастливые, так и в несчастные времена, как тогда, когда союза с ним домогались, так и после того, как он все потерял,—ни честолюбивое желание увеличить свои владения, ни самые обоснованные опасения, ни всякого рода страдания, ни боязнь, наконец, того, чего он больше всего страшился: увидеть себя вычеркнутым навсегда из списка монархов,—ничто не могло вырвать у него другого ответа, кроме нижеследующего:

«Я хочу сохранить, я хочу вернуть свое достоинство, но боже упаси меня взять чужое».

И еще недавно первый ответ, который он дал на жалкое предложение Сиены, заключался в том, что он, прежде всего, желает согласия на это Испании.

Конечно, такое великодушие, такая деликатность, такое постоянство принципов не могут не вызвать сочувствия е. и. в., и держава, дошедшая до предела своего несчастья, смеет, по крайней мере, льстить себя надеждой, что она достойна державы-покровительницы.

Нижеподписавшийся всегда с новою готовностью пользуется случаем засвидетельствовать е. с. господину государственному канцлеру усердную дань своих почтительных чувств.

Граф де Местр

P. S. Боясь слишком часто утомлять е. с. г-на канцлера, нижеподписавшийся присоединяет выдержки из двух писем, интересующих е. в. (№ 2).

К письму Местра к канцлеру Воронцову от 5 декабря (23 ноября) 1803 г. приложены:

1

ЗАМЕЧАНИЯ [МЕСТРА]

Как назвать уступку, о которой просят е. в.? Что это — дар? компенсация? плата? взыскание? Нелегко найти настоящее название.

Е. с. господин канцлер благоволит к тому же отметить, с какою ясностью указаны эти границы: «На восток от Финале, на восток от западного рукава Бормиды, на восток от Танаро и к югу от Пю». Несчастному государю надлежало только подписать, а при выполнении границы выжились бы точнее.

Как бы там ни было, у него требуют Алессандрию, такой же большой и укрепленный город, как Турин, в нескольких от него переходах. Взамен этого города и всего, что находится к востоку и к югу, ему отдадут Ниццу и Савойю, «когда они будут отвоеваны», и ему даже дадут Финале. Вот уж, поистине, великое старание за чужой счет.

Поскольку обещают восстановить суверенитет короля, это доказательство того, что он был уничтожен, но кем? Ведь фельдмаршал Суворов по своему призыву провозгласил суверенитет короля, и маркиз де Сент-Андре был торжественно поставлен наместником короля.

Тут уже нет ни малейшего сомнения: очевидно, е. в. император завоевал Пьемонт у своего союзника и соглашался вернуть его законному монарху при условии, что последний уступит ему часть этих своих владений и как

ЗАПИСКА,

ПЕРЕДАННАЯ ЛОРДОМ МИНТО, ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ ПОСЛАННИКОМ И ПОЛНОМОЧНЫМ МИНИСТРОМ ЕГО БРИТАНСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ПРИ ВЕНСКОМ ДВОРЕ, МИНИСТРУ КОРОЛЯ САРДИНИИ ГРАФУ ДЕ ВАЛЛЕЗ В ВЕНЕ 1 МАЯ 1800 г.⁴

Его величество император оставит за собой ту часть пьемонтской территории, которая расположена на восток от Финале и западного рукава Бормиды и на восток от Танаро; а к югу от Пю он оставит за собой также город и крепость Алессандрию с небольшим примыкающим к ней округом⁵.

Все остальные территории, принадлежащие королю Сардинии, будут ему возвращены, включая графство Ниццу и Савойю, когда эти территории будут отвоеваны у врага.

Часть генуэзской территории, лежащая к западу от Финале (включая само Финале), будет уступлена королю Сардинии, и неприкосновенность всех его владений, включая и это новое приобретение, будет ему гарантирована императором и королем Великобритании.

Суверенитет над этими территориями будет восстановлен в лице короля Сардинии, и управление ими от его имени и его властью начнется тотчас после того, как е. в. уступит императору вышеуказанную территорию, удержанную его королевско-императорским величеством.

Однако, лично король Сардинии не должен вступать на пьемонтскую территорию во время войны. В этот период времени управление будет производиться назначенным им регентством, которое будет дружески согласовывать свои действия с австрийскими генералами и особым представителем его британского величества, облеченным на этот предмет чрезвычайными полномочиями, по всем вопросам, касающимся войны и средств, необходимых для успешного ее ведения.

Король Сардинии будет содержать армию, какую позволят его собственные средства и помощь его британского величества; Пьемонт и прочие владения короля Сардинии на континенте должны поставлять хлеб, фураж и перевозочные средства императорским войскам, действующим на пьемонтской территории, в той мере, в какой ресурсы страны это позволяют, с ограничением, однако, численности императорских войск, для коих эти поставки будут

раз город, обладание которым фактически уничтожало бы прежний суверенитет.

То-есть, вы сохраните одно наименование короля. Вы будете только послушным орудием в моих руках. Вы даже не появитесь в ваших владениях. Ваши армии, ваши крепости, ваши арсеналы, ваши богатства будут моими. Я не подумаю даже назначить вам доход с ваших собственных владений, в виде субсидии. В награду вы уступите мне Александрию и часть (которую мы определим) ваших самых плодородных провинций; я, со своей стороны, дам вам от 10 до 12 миль побережья вдоль Корниш⁶, которые не принадлежат мне, и даже Финале, которое также не мое, и, кроме того, я возвращу вам территории, занимаемые неприятелем, поскольку события и военные обстоятельства позволяют мне сделать все зависящее от меня, чтобы обратно завоевать их.

Такова, — без преувеличения и без горечи, — сущность этих предложений. Нижеподписавшийся воздерживается от рассуждений и всецело полагается на справедливость е. с. господина канцлера. Впрочем, по этому поводу возникает немало мыслей, которые гораздо удобнее выразить на словах, чем письменно.

Заголовок записки и замечания написаны рукой Местра, текст записки — рукой переписчика. Внизу рукой Местра:

«Верно. Сличено с копией, хранящейся в архиве посольства. С.-Петербург, ^{5 декабря} 23 ноября 1803 г.

требоваться, точно определенной цифрой, которая будет установлена по соглашению между австрийским правительством и регентством в Пьемонте, хотя бы численность императорских войск, действующих на пьемонтской территории, фактически и была больше.

На время войны вся пьемонтская армия будет полностью предоставлена в распоряжение и под начало е. в. императора, и руководство всеми операциями и решение всех военных дел в течение этого времени будет вручено императору, за исключением права назначения на должности и офицерские места, которое остается за королем и его регентством.

Император употребит соответствующие военные силы на защиту королевских территорий, которые уже отвоеваны от врага, и сделает все, от него зависящее, поскольку события и военные обстоятельства это позволят, чтобы отвоевать обратно и все остальное.

Граф де Местр»

Рим, 15 октября [н. ст.] 1803 г.

...Кардинал Феш⁷ сообщил конфиденциально одному лицу, что ему было поручено первым консулом уведомить е. в., «что первый консул интересуется его судьбой и что он мог бы согласиться на его восстановление, если бы державы, которые покровительствуют королю, продолжали с прежним упорством свои настояния». Феш должен был сделать это (и, однако,

АНТОНИО СЕРРА-КАПРИОЛА
Неаполитанский посол в Петербурге
Гравюра Ф. Вандрамини, 1805 г.

не сделал) во время посещения короля, не в качестве посла, а в качестве кардинала, как он сам пояснил в начале своего визита. Лицо, которому это было сказано, передало все королю.

Рим, 22 октября [н. ст.] 1803 г.

...Полезно, чтобы вы были осведомлены о том, что, судя по сведениям, полученным нами, Франция продолжает замышлять нападение на Сардинию и что комиссар французского консула (Орнано), который имеет пребывание в Кальяри, непрестанно беспокоит правительство своими многочисленными нотами. Его секретарь еще более неумерен и гораздо опаснее его. Салисети⁸ работает из-за границы и поддерживает секретную пе-

реписку с злонамеренными лицами. Он тайно рассылает эмиссаров и распространяет зажигательную литературу. Правда, некоторыми мерами осторожности можно предотвратить опасность; но, тем не менее, совершенно достоверно, что этот несчастный упорствует в своем намерении испровергнуть остатки влияния и власти е. в...

Арх. Внешн. Пол. М. И. Д., Канц., 10621, лл. 17—22.

¹ В записке 1806 г. Местр упоминает об этой миссии Дюрана, уполномоченного Директории. По его словам, король «оставался непоколебим», хотя ему предлагали Ломбардию за союз против Австрии. «Король не мог допустить мысли о выступлении против своих друзей и союзников, и никогда у него не было иного советника, кроме морали». (*Maître, Oeuvres*, X, p. 161). Ни в «Carnets», ни в письмах Местра за 1797 г. нет никаких упоминаний об этих переговорах.

² Местр умалчивает, что еще 15 мая 1796 г. Сардиния заключила с Францией мир, а 15 апреля 1797 г. и союз против Австрии с обещанием нейтралитета в войне Франции с Англией и др. См. *L. Seïout, Le Directoire et la Maison de Savoie*.—«*Revue des questions historiques*», v. 45, 1888, pp. 138—225.

³ *Sa Majesté apostolique*—его апостолическое величество—титул австрийского императора.

⁴ Записка лорда Минто от 1 мая 1800 г. известна по соч. *G e r r i*, pp. 158—161. Мы помещаем ее здесь из-за замечаний на нее Местра.

⁵ Таким образом, по проекту лорда Минто, к Австрии должен был отойти значительный кусок восточной части пьемонтской территории, в частности, такой большой и укрепленный центр, как Александрия, который еще со времени Утрехтского мира (1714) входил в состав Савойи и вместе с последней отошел к Франции, но в 1799 г. отнят у нее Суворовым.

⁶ *C o r n i s*—дорога между Ниццей и Генуей, идущая по берегу моря.

⁷ *F e s c h* Жозеф (1763—1839)—дядя (по матери) Наполеона. В начале революции был архиепископом в Корсике и резко сопротивлялся введению гражданского устройства духовенства. Потом перешел на сторону революции. Сделал карьеру, благодаря своему племяннику. В 1801 г. принимал участие в заключении конкордата. В 1802 г. сделан лионским архиепископом и скоро после того кардиналом. В 1803 г. назначен послом Франции при Ватикане.

⁸ *S a l i c e t i* (1757—1809)—французский посланник при Лигурийской республике (Генуе).

МЕСТР—КН. АДАМУ ЧАРТОРЫЙСКОМУ

ЕГО СИЯТЕльСТВУ КНЯЗЮ ЧАРТОРЫЙСКОМУ¹

С.-Петербург, $\frac{28 \text{ декабря } 1804 \text{ г.}}{9 \text{ января } 1805 \text{ г.}}$

В письме из Гаетты от 11-го прошлого ноября е. в. король Сардинии высказывает нижеподписавшемуся некоторые соображения по поводу современного положения вещей в Италии. Он отмечает, что, очевидно, цель Буонапарте—затягивать события, убаюкивая сильных, чтобы грабить слабых, ограбление которых даст ему впоследствии возможность не бояться сильных; но что, несмотря на всю свою дерзость, Буонапарте, тем не менее, явно обнаруживает желание считаться с Россией и боязнь раздражить ее сверх меры. Отсюда, продолжает е. в., усилия Буонапарте, направленные как на то, чтобы задержать отъезд своих представителей, так и на то, чтобы продолжали принимать его ноты. Отсюда оттягивание войск из Неаполитанского королевства, в особенности итальянских корпусов, замененных вскоре французами, проникшими туда незаметно. Отсюда, наконец, и возможность при создавшихся обстоятельствах уступчивости по отношению к е. в. королю Сардинии, если он будет мужественно настаивать на своем отказе, ибо не приходится сомневаться, что Буонапарте не захочет играть столь опасную игру, как торжественно объявить России

войну и умышленно нарушить перед лицом Европы одно из условий обеспечения мира, включенное е. и. в. в навеки памятную ноту от 16/28 прошлого августа².

Расценивая эти обстоятельства с точки зрения интересов своего престола, е. в. замечает, что, если однажды влияние России-покровительницы заставит Буонапарте в какой-то мере пойти на уступки и начнутся, наконец, серьезные переговоры (а это безусловно случится, когда он увидит себя вынужденным к тому опасностью, в которую он до сих пор еще серьезно не верит), то тогда станет очень неосторожным доверяться его обещаниям, которые явятся новыми ловушками, в особенности для России, если у этой последней не будет в руках крепости, могущей служить залогом и гарантией верности принятым по отношению к ней обязательствам.

Таким образом, бросая взгляд в будущее, е. в. полагает, что Генуя прекрасно могла бы в течение переговоров быть объектом подобной комбинации, так как оккупация этой крепости русскими дала бы е. и. в. полное обеспечение всех возможных соглашений по поводу Италии, не вызывая ни в ком подозрений, так как для всех очевидно, что е. и. в. не преследует в данном случае никаких личных интересов.

Эта мысль е. в. короля Сардинии полностью совпадает с теми предположениями, о которых нижеподписавшийся имел честь не раз беседовать с е. с. князем Чарторыйским и которые делались на тот случай, если бы е. в. король Сардинии не смог вернуться в свои владения, а это он всегда предпочтет всему остальному.

В другом письме, от 6 декабря, е. в. приводит несколько интересных подробностей, касающихся его отношений с венским двором.

Граф Кевенгюллер, чрезвычайный посол е. в. императора и короля при папском престоле, приезжал недавно во время своего отпуска в Ломбардию, где у него есть земли; по своем возвращении в Рим он поручил кавалеру де Росси, статс-секретарю е. в. короля Сардинии, находящемуся еще в Риме, передать е. в. бесчисленные приветствия; и не только в Риме, но даже в самом Пьемонте, по которому он путешествовал, он не раз говорил слова, свидетельствующие о живейшем интересе его к судьбе е. в. Между тем, король осведомлен, что извечная антипатия, которую к нему питают, втайне продолжает действовать и что его стараются обмануть с неизменным притворством. И на самом деле, когда граф Кевенгюллер завел откровенный разговор в Пьемонте с одним местным жителем и последний сообщил ему о том, с какой бесконечной радостью пьемонтцы увидели бы возвращение своего государя, граф ответил, что «император, его повелитель, будет непрестанно противиться этому изо всех своих сил».

С другой стороны, тот же монарх не перестает заигрывать с е. в. (нижеподписавшийся считает своим долгом привести подлинные слова королевской депеши). Он старается всячески убедить короля в том, «что Россия ничего не может для него сделать ввиду своей отдаленности и что самое лучшее, что король может сделать,—это положиться с полным доверием на Австрию, не рассчитывая больше на поддержку и покровительство русского двора».

В то же время е. в. имеет веские основания думать, что в инструкциях графу Кауницу, на скорейшем приезде которого в Неаполь чрезвычайно настаивал его двор, содержится указание приложить все усилия, дабы склонить неаполитанский двор уступить требованиям Франции и отдалить готовую, повидимому, вспыхнуть войну, одним из самых неприятных

последствий которой для его императорско-королевского величества было восстановление савойского дома в его прежних владениях.

Сообщая эти соображения, нижеподписавшийся слишком отступил бы от своих, инструкций и твердых намерений короля, своего повелителя, если бы имел в виду что-либо иное, кроме намерения осведомить е. и. в. обо всем, что может интересовать государя, всем ему обязанного. Впрочем, е. в. король Сардинии, очень далек от желания портить отношения или сеять подозрения. У него нет в душе ненависти ни к кому. У него нет даже чувства обиды, которое все нашли бы естественным. Нижеподписавшийся мог бы представить письменные доказательства того, что е. в. король Сардинии в своем стремлении снискать дружбу своего могущественного соседа дошел до крайности, до забвения своих собственных интересов, до того, что вызвал почтительное сопротивление своих верных министров. Но, однако, нельзя окончательно забывать о самозащите.

Нижеподписавшийся спешит воспользоваться этим случаем, чтобы возобновить е. с. князю Чарторыйскому уверения в своем глубоком и почтительном уважении.

Граф де Местр,
чрезвычайный посланник и полномочный
министр е. в. короля Сардинии

Арх. Внешн. Пол. М. И. Д., Канц., 10625, лл. 4—7.

¹ В январе 1804 г. гр. А. Р. Воронцов уехал в долгосрочный отпуск и фактически отошел от управления министерством иностранных дел. Оно перешло к товарищу министра, близкому другу императора, князю Адаму Чарторыйскому, одному из членов Негласного комитета. Отношения Местра к Чарторыйскому первоначально были неважными. Еще 17/29 сентября 1803 г., сообщая о предстоящей перемене в министерстве, он писал о Чарторыйском: «Он высокомерен, скрытен и порядочно противен. Я сомневаюсь, чтобы поляк, претендовавший на корону, мог быть хорошим русским и настоящим другом французов. Кроме того, я не думаю, чтобы он был сильно влюблен в нас, и по всем этим причинам перемена мне очень не нравится». См. *Maître*, *Mém. Pol.*, p. 101.

² Русская нота Франции от 16/28 августа 1804 г. перечисляла все поводы к разрыву отношений, в частности: систематическое уклонение Франции от вознаграждения короля сардинского, занятие неаполитанских провинций французскими войсками, нарушение неприкосновенности германской территории и т. п. В заключение ноты заявлялось, что Россия не пойдет дальше разрыва дипломатических отношений и что то или иное разрешение вопроса—быть или не быть войне—зависит исключительно от Франции. Передача ноты русским поверенным в делах в Париже Убри сопровождалась требованием паспорта для отъезда. За этим последовал разрыв («Сборник Рус. Ист. Общ.», т. 77, стр. 705—712).

МЕСТР—КН. АДАМУ ЧАРТОРЫЙСКОМУ

ЕГО СИЯТЕЛЬНОСТИ КНЯЗЮ ЧАРТОРЫЙСКОМУ

С.-Петербург, 7/19 апреля 1806 г.

Нижеподписавшемуся поручено королем, его повелителем, официально выразить е. с. князю Чарторыйскому безмерную благодарность, с которой король встретил среди бедствий, обременяющих Европу, особые мероприятия, принятые е. и. в. в его интересах и не приведшие к желанному результату только вследствие событий, которые никакие человеческие расчеты не могли предусмотреть. С особым старанием выполняя столь дорогую ему обязанность, нижеподписавшийся пользуется случаем, чтобы вновь поручить интересы своего государя могущественному попечению е. и. в. Намерения Англии в данный момент в точности известны, и до тех пор, пока такие две державы, как Россия и Англия, будут единодушны

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ ЖОЗЕФА
ДЕ МЕСТРА, ИЗДАННОЙ В ПЕТЕРБУРГЕ,
1814 г.

ESSAI
SUR
LE PRINCIPE GÉNÉRATEUR
DES
CONSTITUTIONS POLITIQUES
ET
DES AUTRES INSTITUTIONS HUMAINES.

*Enfans des hommes! Jusques à quand
Porterez-vous des cœurs assoupis? Quand
esserez-vous de courir après le mensonge
et de vous passionner pour le Néant*
Ps. IV. 5.

ST.-PÉTERSBOURG,
DE L'IMPRIMERIE DE PLUCHART ET COMP.

1814.

в своих планах спасти Европу от полного порабощения, для е. в. короля Сардинии все-таки сохранятся надежды. Нижеподписавшийся настоятельно просит е. и. в. оказывать королю, его повелителю, и впредь то же участие, явное свидетельство которого он получал до сих пор. Каков бы ни был мирный трактат, которым закончится настоящая война, он не сможет, повидимому, создать прочного положения в Европе, но, по крайней мере, он даст ей обманчивое спокойствие, которое, вследствие усталости, будет более или менее длительным. Между тем, для савойского дома не может быть ничего ужаснее, как оказаться на некоторое время без всякого вознаграждения, ибо за этот срок общественное мнение могло бы привыкнуть смотреть на него, как на окончательно лишенного всех своих владений.

Нижеподписавшийся льстит себя надеждой, что в этом случае король, его повелитель, найдет сильную поддержку в великодушном покровительстве е. и. в. С наименьшим основанием может король положиться и на влияние, которое будет оказано е. и. в. на решение другой великой державы, не перестававшей до сих пор содействовать достижению той же цели с равным великодушием¹.

Возобновляя об этом настоятельные ходатайства, нижеподписавшийся пользуется случаем вновь повторить е. с. князю Чарторыйскому уверения в своем глубоком и почтительном уважении.

Граф де Местр,
чрезвычайный посланник и полномочный
министр е. в. короля Сардинии

Арх. Внешн. Пол. М. И. Д., Канц., 10627, лл. 3—4.

¹ Разгром Австрии Наполеоном и поражение России при Аустерлице 2 декабря (н. ст.) 1805 г. поставили в порядок дня вопрос о заключении мира. В апреле 1806 г. в Петербурге было уже решено послать в Париж уполномоченного для переговоров с Наполеоном. 19 апреля ст.ст. Чарторыйский представил доклад о средствах, необходимых на эту поездку, и 30 апреля были подписаны полномочия и инструкция Петру Яковлевичу Убри («Сборник Рус. Ист. Общ.», т. 82, стр. 352—353 и 364—365).

МЕСТР—КН. АДАМУ ЧАРТОРЫЙСКОМУ

17/29 апреля 1806 г.

Прилагая при сем письмо, которое не боится огласки, прошу разрешения в. с. обратиться частным образом лично к вам с несколькими словами. На свете мало обязанностей столь тяжких, как мои. Ежеминутно завидую я судьбе тех, кто были посланниками в счастливые времена и являлись с тем, чтобы предложить помощь или союз, договориться о заключении брака или поздравить с радостным событием. Все это не для меня. Я берусь за перо, я подымаю голос только для того, чтобы просить. Ничем приятным не нарушается для меня удручающее однообразие моей службы, ничто не отвлекает меня от горестей. Я давно изнемог бы, если бы не рассчитывал на милости е. и. в. и на благородную отзывчивость в. с., с неотступным вниманием следящего за моим положением. Я был бы несчастен свыше сил, если бы заметил иное к себе отношение.

Прошу в. с. вновь принять уверения в моих почтительных чувствах.

Граф де Местр

Приложение к письму Местра к кн. Ад. Чарторыйскому от 17/29 апреля 1806 г.

Выдержка из письма е. в. королевы Сардинии к нижеподписавшемуся из Кальяри от 22 прошлого февраля¹.

...Для вас понятна, разумеется, вся глубина наших несчастий; Италия в настоящий момент целиком во власти Франции, и грозное соседство Корсики не дает мне, что бы там ни говорили, ни минуты покоя, а ужас мой растет при мысли об уходе русского корабля, который перевез нас сюда.

Итак, я не сумею выразить вам, как желала бы я, чтобы российский император, наш единственный после бога покровитель, согласился предоставить в наше распоряжение один из своих линейных кораблей, и я умоляю вас приложить все свои старания, дабы получить это согласие для спокойствия моей несчастной семьи, и в особенности для моего собственного. Лишенная в течение трех месяцев каких бы то ни было известий от моих родителей, я живу в самой ужасной неизвестности... Одним словом, граф, лишь бог и е. в. император российский могут поддержать мое мужество и т. д...

Арх. Внешн. Пол. М. И. Д., Канц., 10627, лл. 6—7.

¹ Эрцгерцогиня австрийская Мария-Терезия (1773—1832), жена сардинского короля Виктора-Эммануила I, обратилась с этим письмом к Местру после переезда вместе с королем в столицу Сардинии, Кальяри. О получении этого письма королевы Местр писал кавалеру Росси 13/25 мая 1806 г., добавляя, что у него нет основания сомневаться в успехе просьбы (M a i s t r e, Oeuvres, X, p. 114). 24 мая ст.ст. Чарторыйский представил доклад по возбужденному королевой вопросу («Сборник Имп. Рус. Ист. Общ.», т. 82, стр. 376—377), по докладу, однако, не последовало никакой резолюции.

МЕСТР—А. Я. БУДБЕРГУ

НОТА ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ГЕНЕРАЛУ БУДБЕРГУ,
МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ¹

13/25 июля 1806 г.

Нижеподписавшийся, чрезвычайный посланник и полномочный министр короля Сардинии, в момент, когда замечаются некоторые признаки возможности мирных переговоров, считает себя обязанным вновь вверить интересы короля, своего повелителя, высокому и дружескому покровительству е. и. в.².

Нижеподписавшемуся небезызвестно, что события могут находиться

ВИД НА ПЕТЕРГОФСКУЮ ДОРОГУ С КРЫЛЬЦА ДАЧИ В. Н. ГОЛОВИНОЙ
Акварель неизвестного художника в альбоме В. Н. Головиной

Музей города, Ленинград

в противоречии с лучшими намерениями. Но он знает также, какой вес будет иметь при любом положении твердость столь великой державы, как Россия, дружбу которой важно купить любой ценой.

Нижеподписавшийся не будет повторять все то, что он так часто излагал и столь подробно объяснял, особенно в записках, поданных е. п., тайному советнику Новосильцову³, относительно условий короля; первоначально королю Сардинии предложили владение с населением в 260 000 жителей, которое приносило бы ему меньше трех миллионов турецких ливров. Это было ничто по сравнению с прекрасными и самыми богатыми владениями его в Италии, насчитывавшими приблизительно три миллиона жителей и с доходом около тридцати миллионов.

Парма, Пиаченца, Генуя, Тоскана, легатства⁴ последовательно рассматривались, как объекты для вознаграждения. Однако, важно отметить,

что, если е. в. не получит порта в Италии, обладание Сардинией станет для него почти иллюзорным.

Е. в. король Сардинии с доверием высказывает надежду, что, если переговоры будут иметь какие-нибудь результаты, он не будет вынужден принять такое вознаграждение, которое завершило бы его гибель и мало соответствовало бы, к тому же, влиянию и достоинству его великого покровителя. Нижеподписавшийся считает еще своим долгом обратить внимание е. п. господина министра иностранных дел на то, с какой настойчивостью Буонапарте всегда устранял короля Сардинии от участия в каких бы то ни было переговорах, неизменно заявляя, что он ведет переговоры только из уважения к е. и. в. и поэтому не желает ни о чем договариваться с нами. В действительности же, все это делалось в надежде на то, что в некоторых вопросах, ближе известных заинтересованной стороне, ему будет легче вводить в заблуждение русских посредников.

Со своей же стороны, нижеподписавшийся не переставал просить о том, чтобы е. в. было разрешено послать своего представителя или, по крайней мере, чтобы ничего не решали, не выслушав его предварительно. Представители короля не могут помешать. Они могут только внести ясность.

Преисполненный уверенности в милостивых чувствах е. и. в., нижеподписавшийся ограничивается лишь возобновлением перед е. п. уверений в глубоком и почтительном уважении.

Граф де Местр

Арх. Внешн. Пол. М. И. Д., Канц., 10627, лл. 17—18.

¹ Князь Адам Чарторыйский, после поражения России при Аустерлице, неоднократно просил императора об увольнении его в отставку. Причиной этого было самовластие Александра, становившееся невтерпёж Чарторыйскому.

«...Какая польза вашему величеству,—писал он,—оставлять на посту министра, чьи советы вы не уважаете, которому не доверяете и который, со своей стороны, всегда находится в оппозиции к вам...» «Ваше величество никогда никому не доверяете вполне, вот почему, быть может, ни одно предприятие не было выполнено так, как это было бы желательно» (Кн. Адам Чарторыйский, Мемуары, т. II. Рус. пер. под ред. А. А. Кизеветтера, М., 1913, стр. 89, 92, 120). В июне 1806 г. Чарторыйский был уволен. 17 июня последовало назначение на его место барона Андрея Яковлевича Будберга (1750—1812). Местр был первоначально огорчен этой переменой; в письме к графу Фронту он писал, что «чувства его (Чарторыйского) нам были в совершенстве известны, тогда как чувства его преемника прослыли, как противоположные нашим» (письмо от 5/17 июля 1806 г. (Maistre, Oeuvres, X, pp. 141—142), но уже 19/31 августа Местр писал России о доступности, любезности и услужливости нового министра (i b i d., pp. 184—185).

² Местр имеет в виду возможность открытия переговоров об общеевропейском мире. В самый день получения этой ноты Местра Будберг ответил, что по поводу переговоров пока ничего нельзя сказать определенного, но что «е. и. в. никогда не перестанет, как он это делал до сих пор, всегда принимать самое искреннее участие во всем, что касается короля Сардинии, и поддерживать его интересы настолько горячо и настойчиво, насколько только смогут это позволить обстоятельства» (Арх. Внешн. Пол. М. И. Д., Канц., 10626, лл. 2—3). Но чего не предвидели ни Будберг, ни Местр, это подписания П. Я. Убри в Париже 8/20 июля мирного договора с Францией. Договор совершенно умалчивал о Сардинии. Поступок Убри был дезавуирован русским правительством, и, вместо ожидавшегося мира, Россия снова объявила войну Франции.

³ Новосильцов Николай Николаевич (1761—1836)—один из членов Негласного комитета и близкий друг Александра и Чарторыйского, был в 1804 г. послан за границу для переговоров с Англией и Австрией о союзе против Франции и о плане будущего устройства Европы. Записки, поданные ему Местром, повидимому, не сохранились.

⁴ Л е г а т с т в а—города папской области Болонья и Феррара, управлявшиеся папскими легатами.

МЕСТР—А. Я. БУДБЕРГУ

Понедельник, 4/16 февраля 1807 г.

Генерал, если бы занятость в. п. не помешала мне вчера засвидетельствовать вам на словах мое удовлетворение, я имел бы честь предложить вам следующую мысль. В том случае, если Буонапарте будет вынужден после сражения при Прейсиш-Эйлау перейти обратно Вислу, и только в этом случае (если он останется на месте, дело другое), не считали ли бы в. п. уместным приказать отпечатать на особо тонкой бумаге краткую и энергичную реляцию об этом сражении? Эта реляция, которую здесь можно было бы совсем не распространять, свободно циркулировала бы по всей Франции и по всей Германии. А главное, она достигла бы Парижа и Вандеи, где произвела бы невероятное впечатление¹. Вы можете быть уверены, в. п., что никогда в Европе не будет мира, пока будет существовать Буонапарте, и что Европа должна будет его терпеть до тех пор, пока его будут терпеть французы; итак, его должны уничтожить французы; и поверьте, генерал, что средство, которое я имею честь вам предложить, является одним из наиболее действенных, чтобы привести к этой спасительной операции. Если эта газетка будет иметь успех, ее можно будет продолжать выпускать.

В случае, если бы настоящая мысль не получила одобрения в. п., я прошу вас, по крайней мере, принять благосклонно продиктованное ее намерение. Примите также уверения в глубоком и почтительном уважении, с которым остаюсь, генерал, в. п. всенижайшим и всепокорнейшим слугой.

Граф де Местр

Арх. Внешн. Пол. М. И. Д., Канц., 10629, лл. 7—8.

¹ Сражение при Прейсиш-Эйлау произошло 7—8 февраля н. ст. Французами командовал сам Наполеон, русскими—ген. Бенигсен. В конце сражения к русским присоединился прусский корпус. Обе стороны понесли очень большие потери (каждая—около 25 тыс. чел.). Решающего значения сражение не имело, но наступление французов было остановлено.

МЕСТР—А. Я. БУДБЕРГУ

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

13/25 марта 1807 г.

Маркиз Паулуччи¹, о котором я имел честь беседовать однажды с е. п. генералом Будбергом, дал мне понять в разговоре, что, ввиду сделанных им определенных заявлений о его желании служить е. и. в. в военной службе и о готовности принять любое назначение, легко может случиться, что его направят в главную армию, действующую в Пруссии.

Я ничего не мог сказать ему по этому поводу, но в. п., быть может, не совсем осведомлены о достоинствах и способностях маркиза Паулуччи, и потому разрешите мне заметить, что е. и. в. не сможет без явного ущерба отказаться от услуг этого офицера в Далмации². Религиозная ненависть может вызвать большие бедствия в этой стране. Маркиз Паулуччи подтвердил мне, что, впрочем, я уже знал из других источников, что католическая партия, в сущности, не питает никакой приверженности к французам. Все зло от раздоров с греками, все дело в религиозных предрассудках, которые Буонапарте умеет использовать. Георгий Черный³, как говорят, подлил масла в огонь, сжегши католические монастыри. Нужно быть осторожным, чтобы без всяких оснований не восстановить против себя

многочисленную партию. В этих обстоятельствах итальянский дворянин, знающий страну, говорящий на местном языке, исповедующий ту же веру, что и большинство местного населения, которое может представить опасность, такой человек, повторяю, в особенности, если к тому же снабдить его инструкциями и соответствующими полномочиями, мог бы быть драгоценным орудием для русского, а следовательно, и для общего дела.

Е. п. генерал Будберг, без сомнения, не осудит меня за то, что я вмешиваюсь в дела, меня не касающиеся. Мною руководит только усердие в служении е. и. в., и я ни единого слова не сказал маркизу Паулуччи о всем, что написано мною здесь собственноручно. Он был бы поставлен, впрочем, в весьма затруднительное положение, если бы его участь не была решена в течение двух дней. Вот почему я и беру на себя смелость вновь рекомендовать его в. п., как бывшего слугу е. в. короля Сардинии.

Арх. Внешн. Пол. М. И. Д., Канц., 10629, лл. 16—17.

¹ Паулуччи Филипп Осипович, маркиз (1779—1849). Отец его был одним из ближайших советников австрийского императора Иосифа II. С юных лет до присоединения Пьемонта к Франции Паулуччи служил в пьемонтской армии, а потом до 1801 г. служил в Австрии, в 1801—1806— в Италии, в 1806—1807— во Франции и с 1807— в России. В 1811 г. он был главнокомандующим Грузии, с 1812 г.—рижским военным губернатором. Местр был в хороших отношениях с Паулуччи и находил в нем незаурядные административные таланты и здравый ум, какие редко встречаются. (M a i s t r e, Oeuvres, X, pp. 358—359). Письмо Местра к Паулуччи от 16 июня 1814 г., не вошедшее в Oeuvres complètes, напечатано в «Русском Архиве», 1886, II, стр. 109.

² Д а л м а ц и я была вместе с Истрией, Каринтией и другими отнятыми в 1805 г. у Австрии землями включена Наполеоном в состав образованного им Иллирийского королевства под управлением маршала Мармона. Еще в записке от 11/23 января 1806 г. Чарторыйский указывал, что «необходимо заняться с полным вниманием судьбой обитающих там христианских народов, которые всегда изъявляли большую привязанность к русскому императорскому двору, частью по причине сходства в происхождении и религии, частью потому, что они всегда надеялись именно с помощью России освободиться рано или поздно от турецкого ига. В то же время можно бы извлечь много пользы из обитателей Истрии, Далмации и провинций Каттаро, которые, в свою очередь, принадлежат к греческой вере и точно так же ненавидят французов». «Сборн. Рус. Ист. Общ.», т. 82, стр. 258, 265, 270. В конце 1806 г. Турция под влиянием Франции решила на разрыв и войну с Россией, которая, со своей стороны, усилила деятельность среди славянских народов Балканского полуострова.

³ Г е о р г и й Ч е р н ы й, или К а р а г е о р г и й (1752—1817)—вождь сербского восстания против турок в 1804 г.; в 1806 г. Карагеоргий занял Белград, стал правителем Сербии. Россия немедленно вступила с ним в сношения и подчинила его своему влиянию.

МЕСТР—ГР. А. Н. САЛТЫКОВУ

С. Петербург, ^{30 марта}
11 апреля 1807 г.

Нижеподписавшийся имеет честь передать е. с. гр. Салтыкову адрес, по которому он постоянно, в течение пяти лет, получает письма от своей жены и детей. Так как сообщать в Турин свой адрес было неудобно, он выбрал адрес одной честной владелицы магазина в здешнем городе, известной своими восторженными чувствами к французскому королю, подданной которого она родилась. Письма нижеподписавшемуся не вкладываются даже во второй конверт, и часто, по рассеянности, их вскрывают, что ему совершенно безразлично.

Может случиться, что кто-нибудь из друзей нижеподписавшегося, кого он не смог предупредить о новых распоряжениях е. и. в., еще напишет ему по тому же адресу; но такие случаи будут очень редки. Как бы то ни

было, как только вышел ноябрьский указ¹, нижеподписавшийся поспешил сообщить прилагаемый при сем адрес е. п. господину Будбергу, и последний уверил его, что дал затем почте нужные распоряжения. Между тем, с 22 октября прошлого года нижеподписавшийся не получил ни одного письма из Турина, что кажется ему ненормальным. Нижеподписавшийся вместо того, чтобы задерживать письма от своей семьи в каком-нибудь промежуточном городе и затем получать их через курьеров, предпочел оставлять их, как он и раньше постоянно делал, в руках правительства. Он надеется, что е. с. гр. Салтыков соизволит расследовать, нет ли здесь какого-нибудь недоразумения, не забыто ли что-либо, что и вредит

ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ ПРИНЦЕССЫ ТАРЕНТСКОЙ В ДОМЕ В. Н. ГОЛОВИНОЙ В ПЕТЕРБУРГЕ,
3 ИЮЛЯ 1814 г.

Слева направо: Любомирская, Розавец, В. Н. Головина и ее дочери П. Головина, Е. Головина
Акварель неизвестного художника в альбоме В. Н. Головиной

Музей города, Ленинград

переписке нижеподписавшегося, несмотря на предосторожности, принятые с самого начала.

Он спешит воспользоваться случаем, чтобы возобновить перед е. с. господином товарищем министра иностранных дел уверения в глубоком уважении.

Граф де Местр

Адрес графа де Местра в С.-Петербурге: Г-же де Вильнёв, владелице модного магазина, против Зимнего дворца. С.-Петербург.

Адрес, по которому он пишет своей жене (пользуясь им, правда, очень редко): Г-же Жюст-Вален, негоциантке, улица По, рядом с Университетом. Турин. Франция. Департамент По.

Арх. Внешн. Пол. М. И. Д., Канц., 10629, лл. 20—22.

¹ Указ 28 ноября 1806 г. о высылке французских и итальянских подданных, за исключением тех, которые согласятся принять русское подданство, и об учреждении комиссии по регистрации иностранцев.—П. С. З., т. XXIX, № 22, 371.

МЕСТР—А. Я. БУДБЕРГУ

Генерал,

С. Петербург, 18/30 июня 1807 г.

Когда слухи становятся упорными, приходится к ним прислушиваться. Я не могу поэтому не считать, по меньшей мере, весьма вероятным слух о приостановке военных действий, что, естественно, может привести к мирным переговорам.

Я смею льстить себя надеждой, что в. п. всегда считали меня не склонным к назойливым просьбам, но надеюсь также, что в случае, подобном настоящему, в. п. согласится с необходимостью с моей стороны вновь привлечь внимание е. и. в. к интересам короля, моего повелителя. Происшедшее мне известно, но каково бы оно ни было, Россия всегда непоколебима, и воля ее могущественного монарха будет иметь огромный вес. Самое существование е. в. короля Сардинии зависит от того, будет ли как-нибудь обеспечено его положение и предоставлен ему порт в Италии. А можно ли рассчитывать его большее или меньшее—это в значительной степени определится усилиями могущественного друга.

Впрочем, в. п. знаете, что Буонапарте никогда не прощал е. в. королю Сардинии верности союзам и всегда старался как повредить его авторитету, так и нанести ущерб его владениям. Он непрестанно трудился над тем, чтобы вычеркнуть его, если бы это было возможно, из числа монархов. Он ни разу не пожелал принять его министров, выслушать их, договориться с ними, что было бы, однако, весьма важно. Сохранение сана и ранга является вопросом величайшей важности при настоящих обстоятельствах, и поэтому, генерал, я считаю себя вынужденным настаивать перед в. п. на этих своих соображениях.

Я желал бы, генерал, чтобы до слуха е. и. в. совершенно не дошел слабый голос человека, не имеющего других заслуг, кроме бесконечной благодарности, и чтобы перед взором императора предстал лишь е. в. король Сардинии, поручающий себя и свою августейшую семью покровительству, на которое он возлагал все надежды¹.

Остаюсь с глубоким и почтительным уважением, генерал, в. п. все-нижайший и всепокорнейший слуга.

Граф де Местр

Арх. Внешн. Пол., Канц., 10629, лл. 29—30.

¹ После поражения русских при Фридланде и полного разгрома Пруссии Александр был вынужден пойти на переговоры с Наполеоном и согласиться на личное свидание в Тильзите. Мир был заключен в Тильзите 27 июня (9 июля), но об этом к моменту вручения настоящей ноты в Петербурге еще не было известно.

МЕСТР—А. Я. БУДБЕРГУ

ВЕРБАЛЬНАЯ НОТА ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ГЕНЕРАЛУ БУДБЕРГУ,
МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

С.-Петербург, 18/30 июля 1807 г.

Сардинский посланник во время аудиенции, данной ему 21/9 этого месяца е. п. генералом Будбергом, мог только выразить огорчение и изумление, в которые его повергло печальное состояние дел его повелителя, о котором он тогда узнал¹. Трудно себе вообразить более бедственное положение, чем положение этого несчастного монарха, никогда, при самых

трудных обстоятельствах, не сворачивавшего с прямого и справедливого пути и оказавшегося теперь жертвой собственной лойяльности.

Антипатия Буонапарте к е. в. королю Сардинии проистекает, главным образом, оттого, что никогда не могло быть сближения между этими людьми, которые, в силу своего происхождения и положения, могли войти в сношения лишь при участии могущественного посредника.

Если имя е. в. короля Сардинии произносилось на совещаниях в Тильзите, а в этом нельзя сомневаться, сардинский посланник полагает, что он в состоянии написать слово в слово все, что было сказано врагом короля. Более того, он знает, что ответить на это мог бы только он сам или другой подданный короля, находящийся, подобно ему, в курсе всего происшедшего, которому е. в. было бы поручено выразить его пожелания. Тем, кто вели переговоры в Тильзите, лицам чрезвычайно почтенным во всех отношениях, были все же чужды, и это неизбежно, тысячи обстоятельств, имеющих значение для е. в. короля Сардинии. Если можно было сказать нужное слово, это слово не было сказано.

Таким образом, король Сардинии дошел до предела несчастья, не имея возможности сказать свое слово и точно не зная даже, была ли сделана какая-либо попытка в его пользу.

Сардинский посланник настоятельнейше просит е. п. обратить внимание, что Буонапарте предпочитает находиться с е. в. королем Сардинии в отношениях, которые можно назвать полувойной. Он держит при нем агента, чтобы следить за ним и мучить его, и в то же время он прогнал королевских консулов и велит снимать королевские гербы в городах, на которые распространяется его власть (именно в Венеции и в Ливорно). Такое положение весьма тревожит е. в.

В этих печальных обстоятельствах посланник е. в., глубоко убежденный, что мир был предписан жестокой необходимостью, и проникнутый благодарностью за дружеские намерения е. и. в., в которых он еще более уверен теперь, чем перед последним миром, разделяет со всеми русскими скорбь, причиненную последними событиями. Он не может в то же время воздержаться, чтобы вновь не поручить дружбе е. в. интересы короля, своего повелителя. Новые отношения неизбежно повлекут за собой бесчисленные переговоры и взаимный обмен мнений, что, в свою очередь, откроет, возможно, благоприятные перспективы. Так как непосредственное сближение стало неизбежным, было бы достойно е. и. в. обратить на это свои неустанные заботы, столько доказательств которых он дал е. в. королю Сардинии.

Арх. Внешн. Пол. М. И. Д., Канц., 10629, лл. 40—41.

¹ Во время этой аудиенции Будберг «с грустью» сообщил Местру, что «сардинский король был предоставлен самому себе Тильзитским договором и что император, начав войну за спасение Европы, был вынужден окончить ее для своего собственного спасения» (*Maistre, Carnets*, p. 182).

МЕСТР—ГР. Н. П. РУМЯНЦЕВУ

ЕГО СИЯТЕльСТВУ ГРАФУ НИКОЛАЮ РУМЯНЦЕВУ,
МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ И КОММЕРЦИИ¹

С.-Петербург, $\frac{29 \text{ октября}}{10 \text{ ноября}}$ 1807 г.

Нижеподписавшийся, чрезвычайный посланник и полномочный министр е. в. короля Сардинии, официально узнав о декларации 26-го этого месяца²,

не мог без крайнего беспокойства рассматривать новые затруднения, в которые она повергнет е. в. При таких тяжелых для короля обстоятельствах он считает своим долгом обратить внимание е. с. гр. Румянцева, что его государь, одинаково связанный с Россией и Англией священнейшими узами привязанности и благодарности, должен безусловно остаться в стороне от всяких недоразумений, которые могут их разъединить. Его порты должны остаться одинаково открытыми для подданных обеих стран, которым он без различия не откажет в зависящей от него помощи. Е. в. король Сардинии ждет от великодушия е. и. в., что он согласится стать в этом вопросе на ту же точку зрения. Неоднократно, во время только-что закончившейся войны, Франция рассматривала долг дружбы и самого строгого нейтралитета, как меры враждебные по отношению к себе, что было совершенно несправедливо, но несколько не мешало е. в. продолжать ту же систему поведения, хотя он и подвергся вследствие этого многочисленным неприятностям. Ныне, если бы новые узы между Россией и Францией предоставили е. и. в. случай, без ущерба для своих политических интересов, замолвить несколько слов в пользу такого полного нейтралитета, это было бы новой услугой, которая возбудила бы глубокую благодарность е. в. короля Сардинии.

Нижеподписавшийся спешит воспользоваться этим случаем, дабы возобновить перед е. с. господином министром иностранных дел уверения в своем глубоком и почтительном уважении.

Граф де Местр

Арх. Внешн. Пол. М. И. Д., Канц., 10629, л. 56.

¹ Румянцев Николай Петрович, граф (1754—1826). С 1802 г. занимал пост министра коммерции. Был сторонником дружбы с Францией и в 1804 г. один из всех членов правительства высказался против разрыва с ней. По этим именно причинам после заключения Тильзитского мира он заменил Будберга на посту министра иностранных дел.

² 26 октября (7 ноября) 1807 г. была опубликована декларация русского правительства о разрыве дипломатических и торговых сношений с Англией, вследствие неудачи посредничества между последней и Францией, взятого на себя Александром I, на основании ст. 13 Тильзитского договора о мире и ст. 4 договора о союзе. Декларация напечатана в подлиннике в «Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ.», т. 83, стр. 197—200, и в рус. переводе П. С. З., № 226553.

МЕСТР—И. Я. ВЕЙДЕМЕЙЕРУ

Пятница, 17/29 апреля 1814 г.

Милостивый государь¹,

Члены парижских правительственных учреждений, родившиеся в областях, узурпированных революционным правительством, не преминут употребить все усилия, чтобы создать всякого рода затруднения находящимся накануне восстановления в своих правах законным монархам этих областей, среди которых король, мой повелитель, занимает одно из первых мест. Среди парижских сенаторов мы видим, между прочими, гр. де Ламотт Сен-Мартена², а среди членов государственного совета—гр. Галли³, личных врагов е. в., членов революционного правительства в период завоевания. Они являются авторами или лицами, подписавшими самые резкие документы против своего монарха, и были преданы, в конце концов, суду во времена фельдмаршала Суворова. Они

сидели в тюрьме в ожидании суда, когда сражение при Маренго так надолго продлило бедствия Европы. Мне кажется невозможным, чтобы эти лица, как и многие другие, не создавали бы затруднений, которым мне представляется полезным воспрепятствовать прилагаемой при сем нотой. Прошу в. п. препроводить ее е. и. в., как только это позволят обстоятельства, и прошу вас принять уверения в глубоком уважении, с каковым остаюсь, милостивый государь, в. п. всенижайший и всепокорнейший слуга.

Граф де Местр

Арх. Внешн. Пол. М. И. Д., Канц., 10639, л. 8.

¹ Вейдемейер Иван Яковлевич (ум. в 1820 г.)—член Государственного совета, после отставки гр. Н. П. Румянцева указом 10/22 августа 1814 г. был назначен временно управляющим Коллегией иностранных дел. Это была должность чисто техническая, так как политическое руководство по всем делам иностранного департамента было возложено указом на графа Нессельроде, фактически исполнявшего эти обязанности уже с начала войны.

² St. Martin de la Motte Жан-Франсуа-Феликс, граф, род. в 1762 г. в Турине, доктор прав, занимался литературой и ботаникой, был членом Туринской академии наук. В 1798 г.—член временного правительства в Пьемонте. С 1808 г.—граф Французской империи и сенатор. В 1814 г. вместе с другими сенаторами голосовал за низложение Наполеона. Умер в 1818 г.

³ Galli della Logia, граф, род. в 1732 г. в Турине, ученый юрист, сенатор. В 1798 г., после занятия Пьемонта французами, обратился к населению с воззванием, призывавшим к повиновению новой власти, за что в следующем году, во время захвата Пьемонта войсками Суворова, был заключен в тюрьму, откуда его освободили французы после битвы при Маренго. Наполеон сделал его председателем апелляционной палаты, а потом членом государственного совета. Местр, очевидно, не знал, что он умер еще 22 января 1813 г.

ЗДАНИЕ „ИЕЗУИТСКОГО ДОМА“ В ПЕТЕРБУРГЕ

С фотографии 1900-х гг.

II. ЖОЗЕФ ДЕ МЕСТР И РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

В настоящей главе собраны документы, связанные с историей отношений русских правящих кругов к Жозефу де Местру. Часть этих документов извлечена из Архива внешней политики в Москве, другая любезно сообщена «Литературному Наследству» директором парижской *Bibliothèque Slave* г. Руэ де Журнелем.

До конца 1811 г. официальные и личные отношения Местра с представителями русской власти ограничивались преимущественно сношениями с министрами. Императора он видел редко. Тем не менее, личность Местра интересовала двор, его, как будто, там изучали. Вместе с тем ему, как представителю страны, которой покровительствовали, иногда старались оказывать внимание. В начале 1805 г. брат его, К с а в ь е д е М е с т р, был назначен директором Морского музея и библиотеки Адмиралтейства. По этому поводу Местр обратился к Александру 6/18 апреля 1805 г. с благодарственным письмом. На следующий день он получил ответное письмо. Александр, уверяя Местра, что назначение его брата есть доказательство расположения к нему самому, писал: «Безграничная преданность, с которой вы служите его величеству королю Сардинии, дает вам право на особенное мое уважение»¹. Повидимому, это был первый обмен письмами.

В 1807 г., после заключения Тильзитского мира, положение Местра в Петербурге, как дипломата, сделалось еще менее значительным. Он не мог рассчитывать на какую-либо защиту интересов своего короля со стороны России до нового конфликта между нею и Францией. Разговоры на политические темы между ним и русскими министрами почти прекратились.

Тем больший интерес приобретает публикуемое ниже письмо Александра I к сардинскому королю от 15 августа 1807 г., с целью объяснить королю причины, вынудившие Александра пойти на заключение мира с Францией, и уверить его в неизменности отношения к нему русского самодержца. Содержание письма с неопровержимой ясностью свидетельствует о том, что Александр вовсе не был увлечен перспективами союза с Францией, рассматривал этот союз, как вынужденный, и, несомненно, думал о возобновлении в будущем борьбы с Наполеоном.

В письме есть несколько строк о Местре, который «своей осмотрительностью и своим мудрым поведением сумел приобрести здесь всеобщее уважение» и «особое расположение» императора.

За этим письмом следуют три документа 1809 г.: два письма Местра к канцлеру гр. Н. П. Румянцеву и одно к императору. Все они связаны с вопросом о сыне Местра и его возможном участии во франко-австрийской войне на стороне Франции. 1809 г. был годом решительного перелома в отношениях России и Франции. Во время франко-австрийской войны Наполеон имел возможность убедиться в неискренности и лицемерии своего союзника. Со своей стороны, Александр уже в конце этого года начал думать о приближении войны с Францией. Стараясь усыпить внимание Наполеона переговорами, комплиментами и любезными улыбками, он уже начинал реальную подготовку к войне: собирал силы, зондировал настроение дворянства в Москве и через Чарторыйского искал сближения с поляками.

По отношению к Местру на этот раз, действительно, было проявлено «особое расположение»: кроме ласковых слов, он получил существенную материальную поддержку. Его сыну было выдано, под видом займа, вознаграждение в сумме 5 000 рублей.

В конце 1811 и начале 1812 гг. Местр неожиданно оказался приближенным ко двору. Свидания с кн. Голицыным, гр. Толстым и самим Александром, происходившие в конспиративной обстановке, закончились поручением Местру составить проект манифеста о восстановлении Польши. В связи с этим и состоялся обмен письмами с Александром. Письмо Местра от 8/20 апреля 1812 г. до нас не дошло. Ответное письмо Александра мы печатаем.

Далее следует письмо к Александру от 5 декабря 1813 г. В этом письме Местр, предвидя близкий конец войны, напоминает об интересах своего короля и просит Александра отправить своего сына с письмом к королю. Просьба не была удовлетворена, и мы не знаем, последовал ли на нее хотя бы устный ответ. Русский император в это время очень мало думал о сардинском посланнике и его сыне и немногим больше—о его короле.

Следующим документом в этой серии идет письмо к Александру от 28 августа (9 сент.) 1814 г., связанное с ожидавшимся приездом семьи Местра.

Далее мы публикуем интересную переписку русского министерства иностранных дел с кн. П. Б. Козловским, русским посланником в Турине, посвященную вопросу об отозвании Местра из Петербурга.

Князь Петр Борисович Козловский (1783—1840) родился и воспитан в Москве. Воспитанием его руководили французы. В 1801 г. он поступил на службу в архив коллегии иностранных дел, где познакомился с А. И. Тургеневым и Ф. Ф. Вигелем. Неблагожелательный и злоречивый Вигель все же характеризует Козловского, как «доброего малого, общительного, веселого и даже легкомысленного». «Он славно говорил по-французски и порядочно писал русские стихи»². В 1802 г. Козловский был причислен к миссии при сардинском короле, находившемся тогда в Риме. Здесь он сошелся с католическими патерами и тайно принял католицизм. С 1806 г. он состоял при русском посольстве в Вене, а в 1812 г. был назначен чрезвычайным посланником в Сардинию.

Козловский занимался литературой, но признавался П. А. Вяземскому, что «письменный процесс для него тягостен и ненавистен» и что «прямое призвание его есть живая устная речь». По отзыву Вяземского, «в словах его были и достоинство, и красивость отделки, т. е. мысль и выражение. Вспомогательные средства были также обильны: большая начитанность, тесное знакомство со всеми европейскими знаменитостями и память удивительная. Ко всему этому прибавьте: смелость своих мнений... он был оратором ежедневным, ежеминутным, всегда готовым, всегда послушным внутреннему или внешнему призыванию, всегда повелительным над вниманием своих собеседников»³.

Местр познакомился с Козловским по приезде в Россию и нашел в нем «доброту, ум, знания и в особенности необычайную осведомленность в области политических событий и в отношении дипломатических лиц»⁴. Кроме того, католическое вероисповедание и западные симпатии Козловского должны были сблизить их. Между ними завязалась переписка. Как видно из трех дошедших до нас писем Местра к Козловскому⁵, оба они скорбели над упадком русского дворянства и держались крайне низкого мнения о русском духовенстве. Козловский, подобно Местру, крайне критически относился к России. Однако, причислять его к полным единомышленникам автора «Du Rare» вряд ли правильно.

Колкие эпиграммы Козловского по адресу русских порядков, его западные симпатии приходились по душе и русским либералам, хотя они и не разделяли его презрения к России. Встретившийся с ним в 1811 г. в Риме Н. И. Тургенев писал о нем своему младшему брату: «Я с ним много спорил, и спорил о таких предметах, кот[орые] никакому сомнению не подвержены: он утверждает, что русский народ никакого характера не имеет». Впоследствии, в письме от 29 октября 1816 г. Тургенев, вспоминая Козловского, отмечал «его ум и его душу, прекрасную во многих отношениях» и в письме от 4 января 1817 г.: «Поклонись Козловскому—и скажи ему, чтобы он хамам [т. е. реакционерам] не уступал попрежнему. Люди, кото[рых] я здесь вижу, часто заставляют меня о нем думать с истинным удовольствием»⁶.

Летом 1827 г., когда лучшие представители александровской эпохи сидели в рудниках, а Н. И. Тургенев, обвиненный заочно, проживал в Лондоне, кн. П. Б. Козловский встретился в Эмсе с его старшим братом, А. И. Тургеневым. Последний писал об этой встрече брату: «Ум и сведения... делают болтовню его не болтовнею, а блиста-

тельным монологом. Он богат идеями и воспоминаниями и размышляет просто. Дел твое понимает прекрасно и здраво судит о нем... Только заключения его меня сердят, ибо он вместо того, чтобы за суд нападать на судей, нападает на Россию вообще и на народ»⁷.

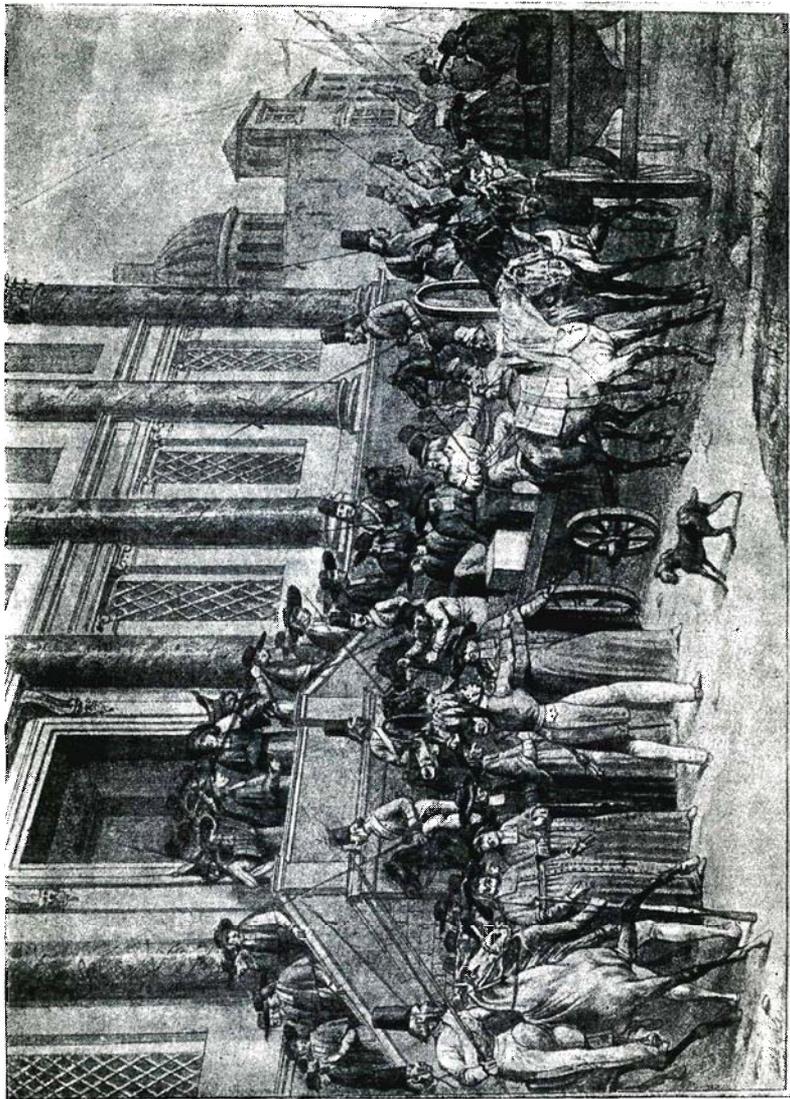
И вот этому аристократу-фрондеру и тайному католику предстояла задача требовать отозвания Местра из России. Задача была нелегкая, тем более, что самая мотивировка отозвания была изложена в двух одновременно отправленных депешах неодинаково.

Секретная депеша от 31 марта 1816 г. дает обстоятельную характеристику Местра и мотивирует необходимость отозвания его ролью в деле иезуитов. Отметим поразительную осведомленность авторов депеши во всем, что касается Местра, в том числе и отношений с Козловским. Последнему предлагается, в случае возвращения Местра в Турин, воздерживаться «от разговоров с ним относительно положения России и мероприятий к его улучшению» и указывается на необходимость «осторожности и умеренности в речах». Другая депеша проникнута стремлением предупредить возможность враждебной деятельности Местра за границей. Депеша проявляет о нем трогательную заботливость. Здесь указывается, что отозвания ни в коем случае не следует мотивировать недовольством русского императора деятельностью Местра. Напротив, надо указать, что император, хотя и имел серьезные причины быть недовольным Местром, но простил ему. Отозвания просит сам Местр, и просит только по расстроенному материальному положению. Со своей стороны, император желал бы, чтобы все это не отразилось на дальнейшей карьере Местра, и надеется, что ему дадут хорошее и заслуженное место.

Козловский ответил 1/13 июня 1816 г. тремя депешами. В первой, печатаемой ниже, он ответил на первую из адресованных ему депеш. Во второй Козловский дает отчет в исполнении возложенного на него поручения. Он мотивировал необходимость отозвания Местра исключительно его затруднительными денежными обстоятельствами и всякий раз отклонял подозрение, когда речь заходила о деле иезуитов. Он выяснил, между прочим, что в Турине не особенно желали возвращения туда Местра. Губернатор Турина, гр. Ревель, под большим секретом сообщил Козловскому, что министр иностранных дел граф Валлез предпочитает удвоить жалованье Местра, чем видеть при дворе короля столь выдающегося человека. О возможности увеличения жалованья сказал ему и сам Валлез. Осторожно, в общей форме, Козловский заметил, что обычно оставаться в стране, из которой уже собирался уезжать, бывает довольно трудно. После этого Валлез стал пытаться вырвать от Козловского заявление о том, что Россия требует отозвания. Но Козловский от этого все время уклонялся и лишь мимоходом, как ему было поручено, упомянул о вине Местра перед императором и о христианском всепрощении последнего. Валлез, со своей стороны, распространился о великодушии императора и заметил, что, конечно, король не будет настаивать на сохранении Местра на посту, на котором он смог досадить «величайшему покровителю савойской династии». После нового заявления Козловского, что речь идет совсем не об этом, Валлез должен был понять, что Александр не хочет больше видеть Местра в Петербурге, но не требует формально его отозвания, и обещал все устроить к общему удовольствию. В третьей депеше Козловский сообщил, что Местр будет назначен президентом коммерческого суда в Турине. Русское правительство было недовольно этим назначением, находя, что оно не отвечает ни желаниям Местра, «ни наиболее нелицеприятной и строгой справедливости», но предложило Козловскому не вмешиваться в дальнейшее обсуждение этого вопроса⁸.

Интересно, что Козловский ознакомил со всей печатаемой нами перепиской французского посланника в Турине, графа Габриака⁹.

В депеше от 15/27 марта 1817 г. Козловский сообщил о назначении преемника Местру в лице графа Брузаско¹⁰.

EXPULSION DES JÉSUITES DE ST. PETERSBOURG.

Le 15 Mars 1773. Les Jésuites ont été expulsés de St. Pétersbourg. On voit dans cette gravure les charrettes chargées de leurs effets, et les hommes qui les conduisent. Les Jésuites ont été expulsés de St. Pétersbourg le 15 Mars 1773. On voit dans cette gravure les charrettes chargées de leurs effets, et les hommes qui les conduisent. Les Jésuites ont été expulsés de St. Pétersbourg le 15 Mars 1773. On voit dans cette gravure les charrettes chargées de leurs effets, et les hommes qui les conduisent.

ИЗГНАНИЕ ИЕЗУИТОВ ИЗ ПЕТЕРБУРГА
Литография Г. Энгельмана
Публичная библиотека, Ленинград

Как мы знаем, Местр был назначен не на ту должность, о которой писал Козловский: ему дали должность первого президента верховного суда—по существу, только почетную.

Последний печатаемый нами документ—письмо Александра I к королю Виктору-Эммануилу от 17 ноября 1817 г. Давая лестную характеристику стараниям Местра «поддержать дружбу и доброе согласие между двумя государствами», Александр поручает его благоволению короля. Это письмо опять-таки стало известным гр. Габриаку,—16 января 1818 г. он писал Ришелье, что царь продолжает добиваться обеспечения Местру «почетного существования в его отечестве»¹¹. 15 декабря 1818 г. Жозеф де Местр был назначен управляющим главной канцелярией (Régent de la Grande Chancellerie) в Турине¹².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Оба эти письма напечатаны: M a i s t r e, Oeuvres, XIV, pp. 298—299.

² В и г е л ь, Записки, изд. «Русск. Архива», I, стр. 175.

³ П. А. В я з е м с к и й, Полн. собр. соч., VII, стр. 241; II, стр. 287.

⁴ M a i s t r e, Oeuvres, XII, p. 113.

⁵ M a i s t r e, Oeuvres, XIII, pp. 168—173, 249—253; XIV, pp. 141—145. Надо отметить опечатку этого издания—Korlowsky, хотя в первом издании этих писем («Lettres et opuscules») он назван правильно.

⁶ Декабрист Н. И. Тургенев, Письма к брату С. И. Тургеневу. Институт Литературы АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 107, 202 и 208.

⁷ Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу, Лейпциг, 1872, стр. 52.

⁸ Архив Внешн. Пол. М. Ин. Дел, Канц., № 11293—Turin, Réception, л. 91. Там же, № 11294—Turin, Expédition, лл. 32—33.

⁹ Письмо гр. Габриака французскому министру иностранных дел герцогу Ришелье от 10 июня 1816 г.—M a i s t r e, Carnets, pp. 232—235. Оно было известно в рукописи Мандулю.

¹⁰ Архив Внешн. Пол. М. Ин. Дел, Канц., № 11296—Turin, Expédition, лл. 27—30.

¹¹ Письмо Габриака—M a i s t r e, Carnets, pp. 235—236.

¹² F. V e r m a l e, Joseph de Maistre émigré, Chambéry, 1927, p. 16.

АЛЕКСАНДР I—КОРОЛЮ ВИКТОРУ-ЭММАНУИЛУ I

С.-Петербург, 15/27 августа 1807 г.

Государь мой брат и кузен,

Ваше величество, без сомнения, отдаете должную справедливость чувствам, которые я всегда питал к вам, чтобы не сомневаться в том, что если в договоре, который я заключил в Тильзите, не было ничего выговорено в вашу пользу, то, следовательно, не от меня зависело сделать это. Таковы были обстоятельства. В борьбе, в которую я вступил единственно ради общего блага, я оказался покинутым даже теми из своих союзников, которые более других были в состоянии поддержать мои усилия и которые были сами непосредственно в том заинтересованы. Поставленный в необходимость рассчитывать единственно на свои собственные силы против численного превосходства противника, я должен был подумать о спокойствии своих собственных владений, границы которых были уже под угрозой. Тильзитский договор был следствием этого несчастного стечения обстоятельств.

Изложив вам все это, государь брат мой, я не могу отказать себе в удовольствии еще раз уверить вас в том, что никогда не перестану я принимать самое искреннее и самое горячее участие во всем, вас касающемся, и что мне всегда будет приятно сохранить с в. в. те же дружеские отношения, которые я поддерживал до сих пор. Граф де Местр, избранный вами, чтобы представлять при мне в. в., своей осмотрительностью и своим

мудрым поведением сумел приобрести здесь всеобщее уважение и особое мое расположение. Я счел своим долгом по отношению к нему засвидетельствовать это перед в. в., и я прошу вас вновь принять уверение в неизменных чувствах дружбы и уважения, с которыми пребываю, государь мой брат и кузен, в. в. преданный брат и кузен

Александр¹

Печатается по копии, хранящейся в семейном архиве графов Местр во Франции.— Текст сообщил М. Rouët de Journal.

¹ Передавая это письмо Местру для отправки королю, министр иностранных дел Будберг одновременно вручил ему копию с него.

МЕСТР—ГР. Н. П. РУМЯНЦЕВУ

Граф¹,

С.-Петербург, 1/13 июня 1809 г.

Я имел честь объяснить в. с., что трудности моего положения отнюдь не проистекают из моих опасений по поводу того, как пойдут в дальнейшем военные события, и что в этом вопросе я всецело полагаюсь на доброту е. и. в. В этом отношении нет более никаких сомнений².

Kozlovsky.

П. Б. КОЗЛОВСКИЙ

Карикатура неизвестного художника
Литография 1846 г.

Мне приходится уступать случайным и совершенно непредвиденным затруднениям. Мне хотелось бы предоставить сыну возможность переменить службу с тем, чтобы удержать его подле себя; но все, что я ни придумывал, оказывалось в противоречии с каким-нибудь из правил службы. Мне пришел в голову Генеральный штаб, но, возможно, что и эта мысль окажется столь же мало приемлемой, как и прежние. Переход из кавалергардов в армейскую пехоту является в общественном мнении настоящей немилостью, и к тому же это навсегда лишило бы меня сына. Тем не менее, приходится вооружиться терпением. Мой сын погиб, граф, и я тоже, возможно. Нужно склонить голову перед несчастьем, преследующим меня без устали в течение двадцати лет.

Если нет другого выхода, кроме пехотного полка в провинции, не может ли е. и. в. оказать мне милость и забыть моего сына у меня на три месяца? В этом случае я ручаюсь честным словом, что ноги его не будет на улице до сентября; ибо к чему же это новое и унижительное назначение и как следствие его — отъезд, если не для того только, чтобы дотянуть до этого грустного месяца? Впрочем, это лишь простое предположение, на котором я отнюдь не настаиваю из боязни снова ошибиться.

Выражая в. с. признательность за участие, которое вы изволили принять в моем положении, я прошу не отказать принести за меня благодарность е. и. в. за все милости, которыми он осыпал меня до сих пор. Никакое несчастье не может заставить меня забыть их.

Остаюсь с глубочайшим уважением, граф, в. с. всенижайший и всепокорнейший слуга

Граф де Местр

На обороте рукою Александра I написано:

«Я предлагаю за е м³. Переход в пехотный полк не является немилостью, так как переходят с соответствующим повышением чина. Я предлагаю лейб-гренадерский полк».

Арх. Внешн. Пол. М. И. Д., Канц., 10632, лл. 3—4.

¹ О Румянцеве см. примечание на стр. 650.

² Еще 16/28 апреля 1809 г. на приеме у Румянцева Местр возбудил вопрос о своем сыне и других служивших в России пьемонтских офицерах, в связи с предстоявшей франко-австрийской войной, в которой Россия должна была принять участие в качестве союзницы Франции. Прося «не употреблять их [офицеров] ни в какое дело, противное их совести и чести», Местр ходатайствовал о бессрочном отпуске для сына: «Это—последняя капля моей крови... недопустимо, чтобы мой сын находился на действительной русской службе во время войны с Австрией». Румянцев, прекрасно знавший, что Александр не собирался оказывать в этой войне сколько-нибудь существенную поддержку Наполеону, говорил, смеясь, Местру: «Но что это вы себе вбиваете в голову? Ведь ничего не будет, ничего не будет». Он обещал поговорить с императором (Maistre, Oeuvres, XI, p. 245, и Carnets, p. 189). 18/30 апреля, при встрече на балу, Румянцев сказал Местру, что император недоволен его просьбой, и снова заявил, что «ничего не будет». На вопрос Местра, что это значит, Румянцев ответил: «Нет, ничего не будет, и даже если бы что-нибудь было для остальной части человеческого рода, для вас ничего не будет» (Maistre, Oeuvres, XI, pp. 246—247). Александр выразил свое недовольство тем, что при встрече с Местром не сказал ему ни слова (ibid., p. 250). После этого Местр возбудил ходатайство о перемене полка для сына, в частности, просил о зачислении его в квартирмейстерскую часть. Ответом на это явилось предложение перевести Родольфа Местра в какой-нибудь из полков в провинцию, что было принято за выражение немилости.

³ Резолюция была наложена Александром, очевидно, после ознакомления с содержанием второго письма Местра к Румянцеву от того же 1/13 июня, в котором Местр говорил о своих денежных затруднениях (см. ниже).

esperance / pour bien prendre passage. mon fils est parti, est. L'ou
ce sera aujour plus que il pour s'écarter la tête sans le malheur qui me
pourrait sans relâche depuis vingt ans.

D'ici il y a pas d'heure moyen quel instant de
Monsieur D. M. L. ne penser. elle pas une sans la garde d'ailleurs.
mon fils chez moi pour trois mois ? dans ce cas, j'engage une
partie d'homme qu'il ne mette pas la tête dans la rue jusqu'en
mois de septembre, car pour moi c'est nouvelle destination d'ailleurs
et le départ qui en fait la suite, indépendamment pour attendre
en trois mois ? Ceci n'est qu'une simple idée en l'air sur lequel
je m'immagine pas de plus de me remuer encore.

En attendant P. L. de Monsieur qu'elle a bien vu

plutôt

Voilà, le bonjour d'expliquer à P. L. que le d'ailleurs de ma
situation ne détermine nullement de ma situation sur la dernière partie de
la partie et qui me se peut je m'en rendre sans venir sur la terre de
D. M. L. ainsi d'ici à plus de deux à ce regard

Le seul inconvénient à des embarras de fin de semaine
et tout à fait insignifiant. J'aurais voulu remettre un moyen de faire
changer la place à mon fils en le remettant après de moi, mais tout
ce que j'ai imaginé l'expérience contraire à laquelle la fin de semaine
l'indifférence en ce sens en fait mais pour que que soit
le moment après son retour que les autres. Le passage d'un

changement garde dans l'importance d'ailleurs en une véritable affaire
dans l'avenir, et d'ailleurs, une fois pour toutes de mon fils

ГРАФ ПИСЬМА ЖОЗЕФА ДЕ МЕСТРА К Н. П. РУМЯНЦЕВУ ОТ 13/1 ИЮНЯ 1809 Г
Страницы первая и вторая

Архив внешней политики, Москва

première à une situation, se la proie de vendeurs bien connus
pour moi S. M. I. de toutes les bourses dans elle en la comble
jusqu'à ce jour, aucun million ne pour me la faire acheter

Je suis avec la plus haute considération

Monsieur le Comte

Se P. S.

Le Comte de Saxe

à M. de Saxe de Saxe

à M. de Saxe de Saxe

St. Pétersbourg 13 Juin 1809

Jozeff im prete

Le page dans un
Regiment d'Empereur n'est
pas distant car on
peut avec le grade
correspondant.

Le page celui des
Guardien de Corp

Est au service par S. M. I.

Jozeff im prete

Le page dans un Regiment d'Empereur
n'est pas distant, car on peut
avec le grade correspondant.

Le page celui des Guardien de Corp

МЕСТР—ГР. Н. П. РУМЯНЦЕВУ

Граф,

С.-Петербург, 1/13 июня 1809 г.

Я очень внимательно взвесил свое положение. Неожиданно оказалось, что мне предстоит чрезвычайно большой и совершенно непредвиденный расход. Я лишился некоторой суммы денег, на которую с полным правом рассчитывал. В довершение к этому у сына пали две лошади. Предстоящее выступление в лагерь вынуждает меня немедленно купить ему новых лошадей, и, кроме того, во время лагеря, при жизни на два дома, увеличатся вдвое мои расходы на стол и на выезд. Как видите, граф, в моем положении мало заманчивого. Я подсчитал, что для того, чтобы сын мог продолжать свою службу, а я сам удержаться на поверхности, нужно пять тысяч рублей. Я не имею права занять эту сумму, ибо не более, чем всякий другой, могу быть уверенным в том, что завтра буду жив; еще меньше права имею я просить ее. Признаюсь вам, граф, что такая абсолютно ни на чем не основанная просьба казалась бы мне просто неприличной. Я счел своей обязанностью, пользуясь деликатностью и доброжелательством в. с., привести все эти подробности в конфиденциальном письме, чтобы вы в душе не приняли за глупую гордость естественную сдержанность, которую, если хотите, можно назвать стыдливостью.

Теперь вы достаточно осведомлены, граф, и сможете оправдать меня перед е. и. в. и дать ему почувствовать, что в моем поведении нет ни непредусмотрительности, ни легкомыслия, ни вообще того, чем он мог бы остаться недовольным. Что случилось бы со мной, если бы, погибая, я имел еще несчастье навлечь на себя его неудовольствие. Когда на меня обрушились всевозможные несчастья, которых я, однако, не заслужил и в которых не был повинен, е. в. разрешил мне ухватиться за его покровительство, как за якорь спасения. Он выскользает теперь из моих рук. Ну, что ж! Остается только итти ко дну.

Я не мог бы закончить, граф, не повторив в. с. моих уверений в сердечной благодарности за дружеское участие, проявленное вами в этих роковых обстоятельствах. Ваши добрые намерения остались бесплодными, но, тем не менее, они вызывают в моей душе признательность, которая будет длиться, пока я жив.

Остаюсь с глубоким уважением, граф, в. с. всенижайший и всепокорнейший слуга

Граф де Местр¹

Арх. Внешн. Пол. М. И. Д., Канц., 10632, лл. 5—6.

¹ Как видно из резолюции на предыдущем письме, Александр I решил оказать материальную поддержку Местру, выдав Родольфу Местру «вознаграждение в сумме 5 000 рублей под видом займа» (Carnets, запись от 6/18 июня 1809 г., а из записи от 15/27 июня видно, что эта сумма была увеличена вдвое, стр. 189).

МЕСТР—АЛЕКСАНДРУ I

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ ИМПЕРАТОРУ ВСЕРОССИЙСКОМУ

Государь,

[Июнь 1809 г.]

Быть может, я виноват в том, что был нескромен в отношении в. в., взяв смелость утруждать вас в течение нескольких дней просьбами, не соответствующими обычаям вашей страны. Это произошло только от-

того, государь, что скромность с полным основанием повелевала мне опасаться щедрости в. и. в., но эта щедрость оказалась сильнее меня,—пришлось ей уступить. Граф Румянцев имел возможность доложить в. и. в., в какой мере я был поражен и даже смущен всей той добротой, которой я не имел счастья заслужить. Я видел своего единственного сына на краю пропасти. В. в. соблаговолили удержать его; только рука ваша могла спасти его. Я умоляю разрешить мне повергнуть к стопам в. в. свою безграничную благодарность, как и благодарность моего сына, все минуты жизни которого должны быть употреблены на то, чтобы оправдать милости в. и. в.

Остаюсь и т. д.¹

Арх. Внешн. Пол. М. И. Д., Канц., 10632, л. 7. Копия.

¹ Это письмо, несомненно, является выражением благодарности за вознаграждение, о котором шла речь в примечании к предыдущему письму. Ходатайство о сыне разрешилось также к полному удовлетворению отца. Кавалергардский полк не был отправлен на войну, и Родольф де Местр остался в его рядах. 11 августа отец писал своей младшей дочери Констанции, что Родольф находится в лагерях в 4—5 верстах от Петербурга и что он с ним иногда видится (Maistre, Oeuvres, XI, pp. 269—270).

АЛЕКСАНДР I—МЕСТРУ

9/21 апреля 1812 г.

Я получил, граф, ваше письмо от вчерашнего числа. Со времени царствования покойного императора поляки наших провинций получили привилегию судиться по своим старинным законам. После того я дал им некоторые другие льготы, но они не кажутся мне достаточно значительными, чтобы о них стоило упоминать в таком документе, как настоящий¹.

Примите выражение моего уважения

Александр

Подлинник хранится в семейном архиве графов Местр во Франции.—Текст сообщил М. Rouët de Journal.

¹ При Павле I в губерниях, присоединенных к России от Польши, были восстановлены административные и судебные учреждения «Речи Посполитой». При Александре I в 1802 г. создан Виленский учебный округ, попечителем которого был назначен кн. Адам Чарторыйский. Документ, о котором идет речь,—проект манифеста с обращением к полякам, составление которого было поручено Местру. Проект был составлен к концу июля (Maistre, Oeuvres, XII, pp. 189—190, и Carnets, p. 195).

МЕСТР—АЛЕКСАНДРУ I

Государь,

С.-Петербург, $\frac{23 \text{ ноября}}{5 \text{ декабря}}$ 1813 г.

Все верноподданные е. в. короля Сардинии, имеющие счастье жить во владениях в. и. в., очень обеспокоены, не видя, чтобы кому-либо из представителей короля была обеспечена в это знаменательное время возможность служить ему так, как они того бы желали.

Опасаясь, быть может, моей слишком большой сдержанности, они передали мне несколько заявлений, которыми рассчитывали пробудить мою бдительность.

Я отношусь с большим уважением к их беспокойству, источником которого является верность своему государю; но в то же время, глядя на других посланников, я чувствую, что не имею права обращаться с известного рода ходатайствами. Итак, все, что я позволяю себе, государь, в надежде, что в. и. в. меня не осудите,—это вновь поручить в. в. интересы

моего доброго повелителя с настоятельнейшей просьбой, чтобы при первом же удобном случае, который, быть может, вскоре представится, в. в. подняли бы голос в его пользу¹.

А если в. и. в. признаете желательным послать е. в. королю несколько ободряющих слов, не могла ли бы передача их быть поручена моему сыну? Быть может, настал благоприятный момент признаться в. и. в. в отцовской слабости. После двадцати лет опасений, страданий, лишений, жертв всякого рода, в качестве награды за преданность, всю глубину которой только в. в. одни во всей вселенной можете знать,—мне хотелось бы удовлетворить свое честолюбие тем, чтобы мой сын был послан в. и. в. к сардинскому двору возвестить ему о лучших днях и чтобы он явился туда украшенным вензелями императора Александра I, августейшего покровителя его отца. Эта милость озарила бы лучами счастья голову, поседевшую на поприще чести, и я горячо желаю, чтобы просьба о ней не показалась нескромной в. и. в.².

Почтительно склоняясь перед августейшей и обожаемой особой в. в., всепокорнейше и от всей души молю в. в. не пренебречь среди всеобщей радости, вызванной блистательным его триумфом, чувствами, которые не дожидались времен чудес.

Остаюсь, государь, с глубочайшим почтением в. и. в. всенижайшим, всепокорнейшим и всепреданнейшим слугою

Граф де Местр,
чрезвычайный посланник, полномочный
министр е. в. короля Сардинии при
вашем императорском величестве

Арх. Внешн. Пол. М. И. Д., Канц., 10637, лл. 46—47.

¹ 1 декабря 1813 г. союзники опубликовали франкфуртскую декларацию, в которой заявили, что воюют не с Францией, унижения которой не хотят, а с ее императором, «или, вернее, с преобладанием, которое он так долго имел за пределами своей империи, к несчастью Европы и Франции». 2 декабря министр иностранных дел Коленкур уведомил союзников, что Наполеон согласен на переговоры о мире на условиях возвращения Франции к ее естественным границам (Рейн, Альпы, Пиренеи). Таким образом, вставал вопрос: или мир с Наполеоном с отказом его от вмешательства в дела Германии и Италии, или продолжение войны с перенесением ее внутрь Франции. При том или другом решении вопроса Местр считал уместным напомнить об интересах своего короля. Следует, однако, отметить, что еще 8 октября он писал Румянцеву о том же, настаивая на привлечении представителя Сардинии к участию в предварительных переговорах о будущем устройстве Европы (M a i s t r e, Oeuvres, XII, pp. 370—373). В записке о задачах савойской династии, посланной в октябре 1813 г. в Кальери, Местр предостерегал короля против слишком доверчивого отношения к России (i b i d., pp. 375—399).

² Эта просьба не была удовлетворена.

МЕСТР—АЛЕКСАНДРУ I

28 августа
9 сентября 1814 г.

Государь,

Когда в 1812 г. я надеялся вновь свидеться со своей семьей, в. и. в. оказали мне чрезвычайную милость, приказав выдать мне паспорт, освобождавший приезжающих от обычного досмотра на границах империи. Так как ныне у меня вновь явилась та же надежда, я подумал, что в. и. в., быть может, соблаговолите оказать мне ту же милость. В. в., надеюсь, окажете мне честь поверить, что я не преследую при этом иной цели, как

РОДОЛЬФ ДЕ МЕСТР

Акварель неизвестного художника в альбоме
В. Н. Головиной

Музей города, Ленинград

лишь избавить трех женщин от неприятных формальностей и получить официальное выражение покровительства, бесконечно для меня ценного¹.

Если в. и. в. окажете мне эту милость, я усердно прошу передать ваши распоряжения господину тайному советнику Вейдемейеру², которому я, одновременно с отправкой настоящего письма, сообщаю имена трех ожидаемых мной лиц, едущих в сопровождении моего сына, офицера на службе в. и. в.

Соблаговолите, в. в., извинить смелость, с которой я пользуюсь случаем принести свои пожелания, чтобы божественное покровительство неперестанно осеняло в. в. и чтобы конгресс увеличил, если это еще возможно, вашу славу, полученную на полях сражений.

Остаюсь, государь, с глубочайшим уважением в. и. в. всенижайшим, всепокорнейшим и всепреданнейшим слугою

Граф де Местр

Арх. Внешн. Пол. М. И. Д., Канц., 10639, л. 26.

¹ Семья Местра прибыла в Петербург 11/23 октября 1814 г.² Вейдемейер Иван Яковлевич—о нем см. прим. на стр. 651.

ГР. НЕССЕЛЬРОДЕ—КН. КОЗЛОВСКОМУ

Князь,

С.-Петербург, $\frac{31 \text{ марта}}{12 \text{ апреля}}$ 1816 г.

Граф де Местр, чрезвычайный посланник и полномочный министр е. в. короля Сардинии в С.-Петербурге, обратился с ходатайством о своем отозвании. Мотивы, побудившие его предпринять этот шаг, судя по самым достоверным сведениям, заключаются в том, что, обладая весьма скромным состоянием, он с трудом может нести расходы, связанные с его служебным положением. Подчиняясь этому законному соображению, господин де Местр высказал, однако, опасение, как бы не приписали его просьбу тому обстоятельству, что он подвергся немилости е. и. в. в связи с изгнанием иезуитов.

Хотя император, наш августейший повелитель, и имел основания считать сардинского посланника не вполне безупречным, ввиду близких

его отношений к лицам, принадлежащим к указанному ордену, ввиду его неосмотрительного поведения, а также и того, что он злоупотребил своим положением в обществе,—тем не менее е. в., обещав господину де Местру забвение прошлого, с сожалением увидел бы его скомпрометированным в глазах своего правительства. Е. в. желал бы поэтому, чтобы произошедшее, независимо от того, каковы бы ни были ошибки посланника, не повредило ему в будущем и не заставило переменить мнения, которые король составил о его долголетних и выдающихся заслугах. С этой целью е. и. в. приказывает вам, князь, конфиденциально засвидетельствовать сардинскому министерству, что господин де Местр, прося о своем отозвании, не мог иметь для этого других причин, кроме своего имущественного положения. В случае, если король признает нужным снизойти к его настоятельным просьбам и назначить ему преемника на посту в С.-Петербурге, таланты и усердие этого старинного слуги знаменитого савойского дома, нужно полагать, послужат достаточным основанием для того, чтобы доставить ему назначение, более соответствующее его семейным обстоятельствам.

В таком именно смысле и с такими предосторожностями поручается вам, князь, объяснить по этому поводу с графом де Валлезом¹, не оставляя при этом туринский двор в неведении об обстоятельствах, слишком известных, чтобы их можно было обойти молчанием, но последствия которых, благодаря снисходительности, внушаемой е. в. его христианскими правилами, не должны пагубно отразиться на лице, которого косвенным образом коснулись репрессивные меры правительства.

Имею честь и т. д.²

Арх. Внешн. Пол. М. И. Д., Канц., 11294, лл. 20—21.—Проект депеши, представленный Александру I и им утвержденный. На полях пометки: «Быть по сему» и «Отправлена 7 апреля с камер-юнкером Обресковым».

¹ Граф де Валлез, предшественник Местра на посту посланника в Петербурге, был в это время сардинским министром иностранных дел.

² После окончания войны управление русским министерством иностранных дел было поручено двум лицам: гр. Нессельроде и гр. Каподистрии. Обе публикуемые депеши были, вероятно, подписаны Нессельроде. Во всяком случае, Козловский отвечает на эти депеши Нессельроде (см. ниже).

ГР. НЕССЕЛЬРОДЕ—КН. КОЗЛОВСКОМУ

Князь,

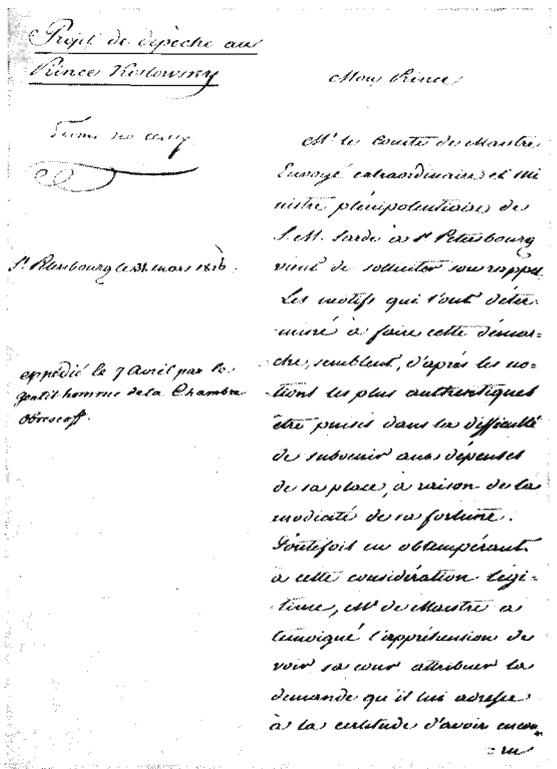
С.-Петербург, $\frac{31 \text{ марта}}{12 \text{ апреля}}$ 1816 г.

Депеша, отправленная к вам с настоящей почтой, по поводу отозвания графа де Местра, была составлена в не слишком неблагоприятных выражениях лишь из снисхождения к просьбам этого посланника, который вполне основательно придает большое значение заботливому к нему отношению, долженствующему гарантировать ему как забвение всего произошедшего, так и выгоды, присущие почетному отозванию. Как бы то ни было, снисходительность, новые доказательства которой в этом случае даны е. в. с целью избавить названное лицо от досадных последствий,—а их могло бы повлечь для его будущности слишком явно выраженное неодобрение,—требует более полных разъяснений, чтобы не оставить вас в неведении относительно некоторых подробностей, знание которых может быть вам полезно при выборе линии поведения в дальнейшем.

Граф де Местр во время своего пребывания в России приобрел репутацию, соответствующую его высоким познаниям, но преувеличивающую

широту его ума. Его удивительная память, обогащенная и изощренная долгими занятиями, существенно заменяет недостающую ему глубину. Стремясь более ослепить, чем просветить окружающих, господин де Местр домогается всяких успехов, каких только можно добиться в высшем свете, и его чрезвычайное усердие непрестанно бывает в нем, обратившееся в привычку и настоятельную потребность, предоставляет ему широкие возможности пользоваться в избранном им кругу властным авторитетом. Его политические взгляды и религиозные убеждения приобрели крайнюю тенденциозность по причине несчастных событий, жертвой которых он оказался. Непоколебимое упорство его идей и нетерпимость его принципов являются исключительно результатом ненависти, которую он питает без разбора ко всему, что ему кажется приближающимся к мнениям века, хвалить которые ему не за что. Уже и раньше проникнутый далеко не либеральными взглядами, он с еще большей горячностью воспринял все недостатки, свойственные духу касты и секты, с тех пор, как открыл, что источник всех бед надо искать в предмете его личной ненависти. Таковы настроения, с которыми этот посланник приехал в Россию.

Легкость его успехов, прием, оказанный ему повсюду, наконец, его общение с иезуитами внушили ему надежду, что своими речами, своею настойчивостью и своей перепиской он может оказывать пользу католической вере, полномочным представителем которой он, в конце концов, возмнил себя. Соединяя французскую самоуверенность с самыми крайними ультрамонтанскими притязаниями, этот посланник не мог успокоиться до тех пор, пока ему не удалось утвердить культ своих принципов

ОТПУСК ДЕПЕШИ НЕССЕЛЬРОДЕ К П. Б. КОЗЛОВСКОМУ ОТ 31 МАРТА 1816 г.

Вверху резолюция Александра I
Архив внешней политики, Москва

в домах, где в течение многих лет ему была предоставлена возможность высказываться и где он был всегда желанным гостем. Красноречие, с которым он восхвалял в салонах иезуитов, открывало доступ во многие семейства их духовникам и их книгам; оно внушало доверие к их пансиону, хотя даже сам оратор отказывался дать лестную оценку этой школе, не заслуживавшей ее ни в каком отношении.

Вскоре разразился скандал тайных вероотступничеств. Произошло изгнание иезуитов; господин де Местр был призван к порядку путем конфиденциальных и благожелательных указаний. Он пытался оправдаться в глазах императора, и е. в. обещал ему забвение всего произошедшего¹. Тем не менее, дальнейшее пребывание этого посланника при русском дворе, при столь неблагоприятных auspiciis, было бы неуместно; и е. в. с удовлетворением узнал бы о назначении ему преемника, но, конечно, при условии, чтобы отозвание этого человека, преклонного возраста и обремененного заботами о семье, не повредило его будущности. Уже то, что самая вина его была покрыта данным ему обещанием, казалось императору достаточным основанием, чтобы быть ему полезным. К тому же е. и. в. убежден, что граф де Местр, благодаря своей честности и своим знаниям, может еще оказать важные услуги своему королю, особенно в области государственного управления.

В случае, если посланник вернется в Турин, е. и. в. представляется желательным, чтобы вы, князь, воздерживались от бесед с ним о положении России и мероприятиях к его улучшению. Излияния такого рода, предаются ли им в беседах, делают ли их предметом приятельской переписки,—влекут за собой очень серьезные неудобства и могут скомпрометировать не только отдельных лиц, но иногда даже достоинство правительства, представителями которых эти лица являются.

И на самом деле, ведь не путем поверхностных замечаний—плода случайных и беглых мыслей—можно надеяться оказывать плодотворное влияние на положение государства и способствовать его прогрессу. Только религиозная мораль, как принцип, и проверка на опыте, как средство, могут способствовать развитию нравственных сил нации.

Подробности, которые я только-что имел честь сообщить вам, князь, по приказанию е. и. в., были признаны необходимыми, чтобы указать вам точку зрения, которой, согласно воле императора, вы должны придерживаться при наблюдениях за всем, что относится как к внутреннему состоянию страны, где вы находитесь, так и к лицам, вас окружающим, подчиняя неизменному правилу осторожности и умеренности те заявления, которые вам придется, в зависимости от обстоятельств, делать в качестве посланника нашего августейшего монарха. Имею честь быть и т. д.

Арх. Внешн. Пол. М. И. Д., Канц., 11294, лл. 16—19.—Проект секретной депеши, представленной Александру I и им утвержденной; на полях пометки: «Быть по сему» и «Отправлена 7 апреля с камер-юнкером Обресковым».

¹ Имеется в виду разговор между Александром и Местром, в котором последнему было обещано забвение всего происшедшего. См. об этом во вступительной статье, стр. 613.

КН. КОЗЛОВСКИЙ—ГР. НЕССЕЛЬРОДЕ

ЕГО СИЯТЕЛЬНОСТИ ГРАФУ НЕССЕЛЬРОДЕ

Граф,

Турин, 1/13 июня 1816 г.

Выполнив со всем старанием волю е. и. в., я должен исполнить обязанность, предписываемую мне совестью и незыблемым правилом, гласящим,

П. Б. КОЗЛОВСКИЙ
Анонимная гравюра 1846 г.

Козловский

что свидетель защиты не должен молчать, когда он может представить что-нибудь в пользу обвиняемого. Справедливость в. с.—верная порука в том, что вы обратите особенное внимание е. и. в. на настоящую депешу, а великодушие нашего государя не оставляет сомнений насчет того, как она будет принята. Если вызвать неудовольствие монарха великой державы—всегда тягостное несчастье, то оно становится еще тягостнее, если этот монарх известен своим великодушием еще более, чем своим могуществом. Поэтому важно, чтобы император выслушал все, что я могу сообщить в оправдание графа де Местра и что будет изложено мною с величайшим беспристрастием.

Я всегда старался не упустить возможности узнать содержание депеш графа де Местра—дипломата, чрезвычайно много бывающего в с.-петербургском свете, хорошо осведомленного и могущего сообщить очень многое, вообще человека, отличающегося многоречивостью как в писаниях, так и в разговоре. Я могу вас уверить, граф, что все его депеши и все его личные письма к друзьям, в частности, к семье Бариоль, продиктованы одним господствующим чувством поклонения и безграничной привязанности к императору и убеждением, что ни один народ не может равняться с русским в стойкости, верности и благожелательности к иностранцам.

Я не буду говорить ни о его депешах, касающихся вопросов общей политики, ни о его мнении на этот счет, так как только слепой мог не видеть, насколько политика нашего кабинета была полезна королю, его повелителю. Не буду я говорить и о том, с каким удовлетворением он высказывается в своих последних донесениях по поводу того, как поддерживались интересы короля в вопросе о Новаре и Алессандрии¹. Я ограничусь, граф, только депешами его, относящимися к нашим внутренним

делам, и о них и буду говорить. Как только император прибыл в Петербург, граф де Местр послал донесение, полное силы и красноречия, о том, как е. и. в. был встречен, и о нетерпении, с каким его ожидали; о его простоте среди такого поклонения, о достойных уважения проявлениях его привязанности к своей августейшей матери, о его посещении князя Салтыкова, о том, с каким рвением император приступил к делам, которых, за его отсутствие, конечно, должна была накопиться целая масса, наконец, о мудрости, с которой е. и. в. примирил выгоды своей империи с интересами народа, только-что перешедшего под его власть². Самый усердный из слуг императора не мог бы быть более проникнут признанием его добродетелей и его славы. Перехожу к его депешам, освещающим его религиозные убеждения, крайность которых была первой причиной, навлекшей на него неудовольствие императора. Я видел его депешу с отчетом о нашем Библейском обществе, и в ней, смею уверить в. с., не было ни одного замечания, которое было бы направлено, если можно так выразиться, лично против России³. Его критические замечания показались мне, в сущности, повторением того, что я слышал по этому вопросу в Лондоне, и в частности, от одного прелата, столь же ученого, как и верующего. Когда я однажды сказал ему, что купил себе английскую библию, чтобы сравнить ее с славянской и латинской, этот прелат—речь идет об архиепископе Йоркском—ответил мне, что «изучение библии должно непременно основываться на толковании, подобно тому, как это делается при изучении Пиндара и Гомера. Не говоря о том, что святой энтузиазм пророков делает некоторые места библии туманными, недостаточное знание еврейского языка создает необходимость в таком комментарии. При изучении библии следовало бы разделить не только оба завета, а также и часть историческую—книгу бытия и книгу Маккавеев, часть иносказательную—книги Ездры и Песнь песней, и, наконец, часть нравоучительную. В сущности, только эта последняя часть должна распространяться для всеобщего ознакомления среди всех христиан, а все остальные нужно предоставить людям, которые имеют уже предварительные знания, которые знакомы с воззрениями древних, которые занимаются *ex professo* (по обязанности) догматами или историей нашей религии и призваны просвещать других. Подобно с этим мнением, хороший катехизис, основанный на нравственности и примере нашего господина, очень краткий, очень ясный и подражающий простоте евангелия и деяний апостолов, был бы полезнее для большинства христиан, чем чтение полной библии, которую читали бы без понимания и которая по самому своему объему недоступна для всех классов общества». Те же самые мысли, выраженные почти теми же словами, составляют в итоге замечания графа де Местра по этому поводу, если не считать, что он добавляет еще один корректив: он думает, что, если распространение библии и не даст того благоприятного результата в отношении религии, который дал бы простой катехизис, то, по крайней мере, оно не преминет послужить на пользу русскому языку в смысле его улучшения.

Вот, граф, точный отчет о том, что граф де Местр когда-то писал по этому предмету. Это, естественно, приводит меня к мнениям графа де Местра об иезуитах, к чему и перехожу. В интересах истины было бы важно, чтобы вы учли два периода, т. е. то время, когда граф де Местр говорил только от своего имени, и то, когда он мог получить сведения о том, как смотрят на это дело при его дворе и вообще в Италии. Я не осмелился

тогда писать вам о том тяжелом впечатлении, которое произвело здесь изгнание иезуитов, и откровенно сообщить вам, что аргументы, внушенные мне депешей в. с. от 26 декабря 1815 г. по этому вопросу, не нашли одобрения даже среди моих протестантских коллег и что я имел успех только у тех, кто, подчиняя религиозные убеждения политике, были уверены, что мотивы, приведенные в указе, не подлинные мотивы, а выставлены только для того, чтобы завуалировать какие-то политически-преступные планы иезуитов⁴. Повторяли без конца, что невозможно ссылаться на пример изгнания этого ордена из различных государств, когда иезуитов обвиняли в упадке религиозной морали и в нерадении к делу спасения душ, которым они жертвовали ради мирских выгод, — невозможно, говорили, ссылаться на этот пример, чтобы оправдать их изгнание из России, мотивированное совершенно противоположной причиной, т. е. избытком усердия; а если закон империи запрещает даже духовенству господствующей церкви вербовать прозелитов, то это варварский закон, и его нужно отменить, как противоречащий самому духу евангелия. Указывали, что католические священники по самой сути своей — миссионеры и не могут, не становясь отступниками, принять обязательство отталкивать сердца, склоняющиеся на убеждение, что правительство не будучи вправе требовать от них моральных жертв, неприемлемых для духовных лиц, могло, самое большее, запретить своим подданным, исповедующим другую религию, доверять им воспитание своих

EXPULSION DES JÉSUITES DE SAINT-PETERSBOURG.

Publié par Pagnerre, éditeur

ИЗГНАНИЕ ИЕЗУИТОВ ИЗ ПЕТЕРБУРГА

Гравюра 1830-х гг.

Исторический музей, Москва

детей; что, наконец, в Англии и в Женеве, в странах, которым часто ставилась в упрек политическая нетерпимость, ни одному священнику не запрещается проповедывать истины, которые он считает необходимыми для спасения душ.

Эти доводы, повторяемые на тысячу ладов, были еще подкреплены словами графа Фунсиаля, португальского посла, бывшего здесь и в Милане проездом из Лондона в Рим. Он сказал, что священник при их лондонском посольстве обращал в католичество до тридцати человек ежегодно и что это не встречало никаких возражений; что среди прозелитов насчитывалось много знатных лиц и в том числе лэди Бьюкингэм, дом которой был постоянно полон англиканских духовных особ, и они не находили нужным возражать, считая это исключительно делом совести. Эти речи, граф, как и многие другие, заставили некоторых лиц предполагать, что императору пришлось принести жертву в угоду слепым предрассудкам наименее просвещенной части своего народа. Желая пресечь подобные подозрения, я говорил с графом де Валлезом в духе депеши в. с. и, конечно, ничего не упустил для того, чтобы показать ему, как и некоторым другим министрам, это дело в настоящем его свете. Мне неопределенно ответили, что не им судить о том, что монарх считает нужным делать в своем государстве, но статья в прилагаемой при сем газете, появившаяся на следующий же день после сообщения об относящемся к иезуитам указе, покажет в. с. полностью их тайную мысль⁵. К тому же я знаю, что беспокойство кардинала Консальви⁶ при известии об этом событии не имело границ; он написал во Флоренцию, чтобы самым настоятельным образом узнать подробности о судьбе тех, кто открыто исповедывал свои новые религиозные убеждения. Итак, я хочу сказать, граф, что эти толки не могли не получить отзвука в душе графа де Местра, и его поведение с того времени, как они стали ему известны, заслуживает меньшего порицания. Я имею к тому же основание думать, что хотя король и не пожелал высказать мне свое личное мнение, он, тем не менее, сообщил своему посланнику в собственноручном письме о своем огорчении по поводу происшедшего. Теперь остается определить, насколько граф де Местр проявил инициативу в этом деле и как он его осветил в самом начале. Осмелюсь заверить в. с., что впервые я узнал об изгнании иезуитов из депеш графа де Местра, посланных через австрийского курьера. Их было несколько по одному и тому же вопросу. В первой он казался взволнованным под влиянием страсти и страха. Он оплакивал суровость, с которой обошлись с иезуитами. Он писал, что «они, встав утром, узнали, что коллегия закрыта, что у дверей каждого из них—стража и что они должны без всякого приготовления уехать в 24 часа, несмотря на суровое время года»⁷. В третьей депеше, написанной два дня спустя, он исправляет все, что было ошибочного в его первом донесении, и, между прочим, говорит, что в отношении иезуитов была проявлена величайшая заботливость, что их снабдили необходимыми вещами, шубами и шапками для дороги и что выслали их только до границ Полоцкой и Могилевской губерний. Во всех этих донесениях, несмотря на волнующую его страсть, нет ни одного порицания особе е. в. Он говорит, что уже во время первого возвращения императора в Россию ему указывали на недопустимость того, что иезуиты склоняют к отступничеству от православия, но что, однако, император, по своей мягкости, не принял никаких крутых мер; что в последнее время вероотступничество одного из родственников князя Голицына вызвало такой скандал,

что император должен был, несмотря на доброту своего сердца, принести эту жертву общественному негодованию. Что, каково бы ни было личное мнение е. и. в. по этому вопросу, у нас существует еще много глубоко невежественных людей, даже среди тех, чьи манеры вовсе не подают повода это думать, которые считают, что нужно поднять как можно более шума из-за вопроса, который в наши дни считается обычно делом совести каждого человека. Что для многих было чрезвычайно удобно разыгрывать усердных и нетерпимых патриотов за счет бедных, беззащитных священников; что некто, отнюдь не строгий к самому себе, выказал святое негодование в отношении своей невестки, которую он считал развращенной новым учением. Что, наконец, император не мог пренебречь настойчивыми и неоднократно представленными и что, несмотря на все эти настояния, монахам, тем не менее, ничего не сделали, а только перевезли их со всей заботливостью в место, где они не будут больше предметом ненависти⁸. С этим донесением, за достоверность которого я могу поручиться, не шли вразрез и все последующие донесения графа де Местра, что должно, мне кажется, смягчить приговор императора в отношении посланника, который в столь щекотливом деле для человека, убежденного в превосходстве своих религиозных верований, тем не менее, не преминул отдать дань поклонения великодушью нашего государя.

Для меня весьма важно, граф, чтобы господин де Местр ни в каком случае не узнал о том, что мне были известны некоторые из его донесений, а также, что я осведомлен об огорчении, испытанном королем по поводу изгнания иезуитов, которых он собирался восстановить у себя. Здесь были крайне сдержанны и не сделали мне никаких намеков, если не считать статьи вышеупомянутой газеты, косвенно говорящей об этом.

Кончая эту депешу, я должен решительно заявить, что не пристрастие руководило моим пером, что у меня не было других сношений с графом де Местром, кроме простой литературной переписки, подобной той, которую я поддерживаю с некоторыми литераторами в разных странах, и что далеко не всегда я был им доволен. Вы сами могли заметить в одном из моих последних донесений, что я не остался равнодушным к легкомысленной манере, с которой он отозвался обо всех нас в своей ноте по поводу дела о Люседио⁹, и что, следовательно, все то, что я говорил, я высказал, слушаясь только собственной совести и руководствуясь неизменными принципами справедливости. Если я вдался в подробное обсуждение этого вопроса, я считал себя уполномоченным на это как депешей в. с. от 26 декабря 1815 г., так и последующими депешами, которыми в. с. почтили меня. Я несколько не опасаясь вызвать этим неудовольствие е. и. в. Я знаю, что всякое оправдание, в особенности, если дело касается человека, достойного уважения, всегда найдет отклик в его сердечной доброте. Впрочем, я сообщил только о фактах, за достоверность которых я могу поручиться, и я не признаю возможным иначе служить моему государю, как только с самою добросовестною точностью выполняя его волю (в чем до сих пор я имел счастье успевать), никогда не скрывая в своих донесениях правды и избегая всяких умолчаний и оглядок на самого себя.

Честь имею быть с глубочайшим уважением вашего сиятельства и т. д.

Князь Петр Козловский

Арх. Внешн. Пол. М. И. Д., Канц., 11293, лл. 75—81.

¹ Эти итальянские области после войны были захвачены Австрией и очищены только по настоянию России в начале 1816 г. Особенного удовлетворения по по-

воду защиты Россией интересов короля в депешах Местра этого периода не заметно.

² Козловский излагает депешу Местра конца 1815 г. (без даты). Местр, действительно, очень хвалит здесь Александра, называя его «великой душой». Но Козловский умалчивает, что далее подчеркнуты нерусское происхождение царской семьи и неспособность русских должным образом ценить достоинства своих государей. (*Maïstre, Oeuvres, XIII, pp. 179—184*).

³ Повидимому, речь идет о депеше от 14/26 сентября 1815 г. (*Maïstre, Correspondance diplomatique, II, pp. 119—121*).

⁴ В указе были приведены следующие мотивы изгнания: иезуиты, «не сохраняя долга благодарности и не оставаясь смиренными духом, как христианский закон повелевает, и кроткими в чужой стране жителями... стали порученных им юношей и некоторых лиц из слабейшего женского пола отвлекать из нашего и прельщать в свое вероисповедание», чем сеяли «раздоры и вражду между семействами» и отделяли «дух отпавших... от духа отечества». После этого, говорилось в указе, «не удивляемся мы более, что сообщество сих монахов от всех держав изгнано и нетерпимо было»—см. Полн. собр. зак., т. XXXIII, № 26036.

⁵ К настоящей депеше князя Козловского приложен номер газеты «*Gazzeta Piemontese*» от 8 февраля 1816 г., № 17, на котором отчеркнута заметка, где под видом корреспонденций из Пекина сообщалось об отмене китайским императором законов о веротерпимости и намекалось на принятые Александром I меры против иезуитов.

⁶ *Son s a l v i*—кардинал, статс-секретарь папского престола.

⁷ Это—изложение депеши Местра от 21 декабря 1815 г. Но Козловский умалчивает об оценке, которую здесь дает Местр изгнанию иезуитов; по его мнению, это—уничтожение католического культа в России. (*Maïstre, Oeuvres, XIII, pp. 202—204*).

⁸ Это—депеша от 24 декабря 1815 г. Однако, в ней говорится еще о том, что выиграли от изгнания иезуитов только иллюминаты, социиниане и т. п. (*i b i d.*, pp. 205—210).

⁹ *Л ю с е д и о*—аббатство около Турина. Оно было уступлено Наполеоном губернатору Пьемонта кн. Боргезе, женатому на его сестре, в обмен на лучшие художественные произведения музея Боргезе в Риме. В 1815 г., после возвращения Пьемонта Сардинии, сардинское правительство секвестровало Люседдио, но четыре державы (Англия, Россия, Австрия и Пруссия) вступились за права Боргезе, уже в 1814 г. порвавшего с Наполеоном. Дело кончилось продажей Люседдио Пьемонту. На вырученные деньги Боргезе выкупил обратно большую часть произведений, проданных Наполеону. Речь идет о ноте, поданной Местром гр. Нессельроде в начале 1816 г. (*Maïstre, Oeuvres, XIII, pp. 230—242*).

КН. КОЗЛОВСКИЙ—ГР. НЕССЕЛЬРОДЕ

ЕГО СИЯТЕЛЬНОМУ ГРАФУ НЕССЕЛЬРОДЕ И ПР. В ПЕТЕРБУРГ

Граф,

Турин, 15/27 марта 1817 г.

Наконец-то граф Брузаско уезжает; он сказал мне, что в начале мая будет в Петербурге. По моему мнению, необходимо попытаться его изолировать—Брузаско дебютант, и надо думать, что, как и все дебютанты, он будет стараться сверх меры. Он прошел школу узкой, но лукавой политики графа де Валлеза, и, следовательно, его нужно рассматривать, как второстепенного агента Англии. Он будет даже в этом отношении хуже английских чиновников, так как превосходная английская конституция, широко распространенное в стране просвещение и либеральное образование, которое получают там все почти состоятельные люди, придают большей части англичан известную возвышенность души, не позволяющую им впутываться в мелкие интриги, собирать всякие светские сплетни и злонамеренно преувеличивать вещи, не имеющие никакого значения. Отчасти по тем же основаниям, граф, я писал как-то раньше и подтверждаю это теперь, что отозвание графа де Местра не является благоприятным для наших интересов, так как его широкое образование и его долгий опыт умеряли в нем пристрастие к интриге, которым были и всегда будут

в большей или в меньшей степени заражены посланники туринского двора. Я достоверно знаю, что копии донесений графа де Местра постоянно сообщались графу д'Алье, посланнику короля в Лондоне, и что во время войны, чтобы сделать эту зависимость более действенной, ему особо предложено было посылать прямо в Лондон вторые экземпляры своих донесений. Надо признать, граф, что, питая расположение к отдельным личностям, граф де Местр не уважал русской нации, но это неважно—он почитал императора, и так как правление находится в руках нашего повелителя, то высокого мнения графа де Местра о государе было достаточно для того, чтобы его

№ 38

Turin ce 29 Juin 1816

Monsieur le Comte

Monsieur le Comte

Qu'on veut empêcher de mesurer les talents de son Excellence Impériale, je dois en acquiescer de tout cœur que ces impressions par ses conditions, et par le principe étroit, qui est au fait point, qu'un homme a de l'esprit, le bien, quand il a quelque chose à alléguer en faveur de l'innocence. L'équité de l'homme excellent se voit en lui-même, qu'elle rendra bien plus l'attention particulière de Sa Majesté Impériale sur cette affaire, et les garanties de l'Europe. Mais un homme sur la manière dont elle est accueillie. Si le malheur de l'empire se en l'absence d'un grand Empire est toujours malade, et le devient beaucoup quand le bonhomme est tout un jour. On peut plus juger, même que l'on s'en peut. Il est de son intérêt, qui le désespère, et le rend tout ce que je suis de la justification des Comte de Montebello, et ce que je dois avec les plus

et les principes, et l'innocence de l'empire. Le genre de l'homme à la disposition de tout ce qui doit être en lui, je en y suis en confiance, sans pour les dépenses de l'Etat. Cependant en date du 16 Décembre 1815— qui par cette date. Elle en un homme en deux fois. Je n'ai pour la commission approbation d'aucun point de vue à Sa Majesté Impériale. L'innocence de l'homme, tout ce qui porte le caractère d'une justification, surtout quand il s'agit d'un homme d'illustre renommée, sans aucun accident, sans doute par son côté. Je n'ai d'ailleurs rapporté que des faits, sans je puisse garantir l'innocence, et je en certain aucun autre caractère de l'homme. Cependant, que de toutes les plus simples de aptitude. Dans l'opinion de Sa Majesté, ce en quoi j'ai en le bonheur jusqu'en de l'empire, et de en jamais distingué les faits, dans mes rapports, sans aucun équivoque, ni aucun doute sur son innocence.

Sur l'honneur d'être avec les plus hautes conclusions

de l'Etat Impériale

Monsieur le Comte

Antoine de Métré
Le Comte de Métré

à S. Excellence le Comte de Montebello

ДЕПЕША П. Б. КОЗЛОВСКОГО К НЕССЕЛЬРОДЕ ОТ 13/1 ИЮНЯ 1816 Г.

Первая и последняя страниц

Архив внешней политики, Москва

депеш не были совсем злостными¹. Поэтому-то он писал в 1812 г. своему лондонскому коллеге, «что не следует рассчитывать на нашу армию, на наших генералов и еще меньше на настроение народа, который имеет только численное значение, но что нужно полагаться на характер императора, на его твердое решение продолжать войну и на превосходство его дарований, которые помогут побороть страх русских и преодолеть неспособность наших генералов»².

Как ни тяжела эта картина для национального самолюбия, но, тем не менее, надо признать, что конец совершенно сглаживал дурное впечатление, которое могло произвести начало, и я считаю себя вправе утверждать, что политический шпионаж графа де Местра не был для нас неблагоприятен по возможным своим последствиям.

Из всего этого следует, что посланник короля Сардинии будет всегда в большей или меньшей степени вреден или полезен, в зависимости от того, как будет он осведомлять британский кабинет... Должен также высказать в. с., что я предпочел бы, чтобы вместо простого поверенного в делах и дебютанта в них назначили бы графа Джифлента в качестве посланника и т. д.

Князь Петр Козловский

Арх. Внешн. Пол. М. И. Д., Канц., 11296, лл. 27, 30. Печатается в извлечениях.

¹ Восхваление Александра I, хотя и в менее восторженном тоне, чем об этом говорит Козловский, содержится, например, в письме Местра к графу Фронту от 26 июля (7 августа) 1812 г. (*Oeu vres compl ètes*, XII, pp. 166—188). Однако, в следующем письме к тому же Фронту об Александре говорится: «Настоящий враг России это—правительство, это—сам император, поддавшийся соблазну современных идей и, в особенности, немецкой философии, которая является ядом для России» (*i b i d.*, p. 196).

² Цитируемая князем Козловским фраза Местра взята из депеши последнего от 2/14 июня 1813 г., отправленной королю через Лондон, где она попала в руки русского посольства и была сообщена в копии канцлеру 24 сентября (6 октября) 1813 г. Повидимому, депеша была известна и кн. Козловскому, имевшему, как он сам писал, возможность какими-то путями ознакомиться с дипломатической перепиской Местра. Депеша эта, не вошедшая в *Oeu vres compl ètes*, была опубликована в России по копии, сохранившейся в архиве князя Воронцова—см. «Архив князя Воронцова», т. XV, М., 1880, стр. 483.

Интересно отметить, что со всей перепиской по делу об отзывании Местра из Петербурга князь Козловский знакомил секретаря французского посольства в Турине, графа Габриака, который, в свою очередь, сообщал полученные сведения своему правительству—см. письма гр. Габриака к герцогу Ришельё из Турина от 10 июня 1816 г. и 16 января 1818 г., напечатанные в приложении к *C a r n e t s*, pp. 232—236.

АЛЕКСАНДР I—КОРОЛЮ САРДИНИИ ВИKTOPУ-ЭММАНУИЛУ I

[17/29 ноября 1817 г.]

Мы, Александр Первый, божией милостью император и самодержец всероссийский и пр. и пр. высочайшему и могущественному государю Виктору-Эммануилу, божьей милостью королю Сардинии и пр. и пр.

Получив письмо по поводу отзыва чрезвычайного посланника и полномочного министра при нашем дворе, первого президента и кавалера графа Жозефа де Местра, мы с особым удовольствием свидетельствуем, что этот посланник, выполняя при нашем дворе возложенные на него обязанности, всегда с усердием старался поддерживать дружбу и доброе согласие, которые так счастливо связывают нас. Такой образ действий, равно как прекрасные качества посланника заслужили ему наше благоволение, и мы считаем приятной для себя обязанностью поручить его милостивому вниманию в. в.¹. За сим мы молим бога, да хранит он в. в. своим святым и высоким заступничеством.

Дан в Москве 17 ноября 1817 г., царствования же нашего в год семнадцатый.

Вашего величества любящий брат

Александр

Печатается по копии, хранящейся в семейном архиве графов Местр во Франции.—Текст сообщил М. Rouët de Journal.

¹ Местр покинул Петербург 15/27 июня 1817 г. и выехал в Кронштадт, откуда должен был отправиться морем в Кале. 16/28 он отплыл из Кронштадта на 74-пушечном корабле «Гамбург» (*C a r n e t s*, p. 201).

По возвращении в Турин Местр получил звание государственного министра и был назначен на должность управляющего государственной канцелярией—должность, которую он занимал уже в Сардинии в 1799 г. (*C a r n e t s*, p. 206).

III. ПИСЬМА ЖОЗЕФА ДЕ МЕСТРА К С. С. УВАРОВУ

Из публикуемых здесь шести писем Местра к С. С. Уварову (1786—1855), хранящихся в архиве последнего в Историческом музее в Москве, первое уже появлялось в печати: его напечатал (не совсем исправно) сам Уваров в своих «*Etudes de philologie et de critique*» (СПб. 1843, pp. 53—65), но в дальнейшем оно осталось в полной мере забытым всеми исследователями и издателями Местра. Остальные письма были до сего времени совершенно неизвестны; сам Местр нигде не упоминает об Уварове и о своем знакомстве с ним. Уваров был в эту эпоху попечителем С.-Петербургского учебного округа и президентом Академии наук. Из ответных писем Уварова найдено пока только одно.

Старое представление об Уварове, как о либерале александровской эпохи, эволюционировавшем в сторону реакции, совершенно не выдерживает критики и недавно встретило очень решительный отпор со стороны С. Н. Дурылина. Но на наш взгляд, сам С. Н. Дурылин, правильно охарактеризовав отношения Уварова к русскому правительству, сильно перегнул палку в противоположную сторону и дал, в общем, очень преувеличенную, несоответствующую действительности характеристику, изобразив его человеком, попавшим «из камер-юнкеров, танцующих на посольских балах в Париже и Вене, в президенты Академии наук»¹.

Дурылин прав, характеризуя Уварова, как честолюбивого карьериста. Прав он и в том, что опубликованный в 1810 г. и составивший предмет письма Местра от 26 ноября (8 декабря) «*Projet d'une Académie Asiatique*» Уварова отражает завоевательные устремления России на Восток. Сам Уваров нисколько не скрывает политического характера своего проекта. «Россия,—говорит он,—имеющая столь близкие отношения с Турцией, Китаем, Персией, Грузией, могла бы не только содействовать в огромной степени общему просвещению, но и удовлетворить свои самые заветные интересы; никогда государственная польза еще так не согласовалась с великими целями нравственной цивилизации»². В полном согласии с этим, восемь лет спустя, открывая кафедру восточных языков в Педагогическом институте, Уваров провозгласил, что Россия, «опирающаяся на Азию, повелевающая целой третью сего пространныго края», нуждается в овладении восточными языками и должна усвоить лозунг: «побеждать просвещением, покорять умы кротким духом религии, распространением наук и художеств, образованием и благоденствием побежденных»³. То же самое говорил Уваров в письме к Сперанскому от 1 декабря 1819 г.: «Распространение восточных языков должно произвести и распространение здравых понятий об Азии в ее отношении к России. Вот поприще огромное, еще не озаренное лучами разума, новое поле славы неприкосновенной, источник новой национальной политики»⁴.

Во всем этом видна ясно выраженная политическая мысль. И выражена эта мысль в словах, вполне соответствовавших терминологии александровского правительства. Укрепляя свою гегемонию в Европе на развалинах империи Наполеона, это правительство прекрасно понимало, что гегемония эта требует более гибких методов, чем открытая политика силы и завоевания. Отсюда фразы о необходимости считаться с «духом века» и учитывать значение той «нравственной силы, которая называется общественным мнением». Отсюда и заявления Уварова, что теперь нельзя господствовать «одною силою меча», а надо «побеждать просвещением».

7 марта 1817 г. А. И. Тургенев писал брату Сергею об Уварове: «Он, кажется, и сам не ясно знает, чего он хочет и какой цели старается достигнуть в отношении к Востоку. Я не примечаю в нем стремления к истинной пользе, а более жадность к бумажному бессмертию и к той славе, которую дают немецкие и французские ученые общества и книгописатели. Он легко переходит от одного образа мыслей к другому и... от собственного убеждения к чужому...»⁵. А. И. Тургенев был неправ: Уваров знал, чего он хотел. Нельзя также упрекать его в переходе «от одного образа мыслей к другому».

На протяжении 1810—1820 гг. Уваров сохранял вполне определенную политическую и идеологическую позицию. Но кое-что А. И. Тургенев все же почувствовал правильно: он заметил, что не глубокое внутреннее убеждение руководило Уваровым в выборе позиции, а что-то другое. Это «что-то другое» были, конечно, огромное честолюбие и «жадность» не только к «бумажному бессмертию», но, прежде всего, к власти и влиянию. Позиция Уварова всегда была правительственной. И «*Projet d'une Académie Asiatique*» и другие работы Уварова, а также и печатаемые здесь письма Местра к нему и его ответные письма дают возможность определить эту идеологию.

Конечно, Уваров не был ученым. Он был образованным дилетантом. Но дилетантами были и А. И. Тургенев, и Д. Н. Блудов, и многие другие люди, сыгравшие роль в умственном движении той эпохи. Дилетантизм Уварова, его юношески-самоуверенное презрение к «покрытым пылью трудам» старых ориенталистов достаточно резко подчеркивает Местр в первом из публикуемых писем. Если, затем, Клапрот и Фесслер помогли Уварову в тех частях его «*Projet*», где нужно было специальное знание еврейской и китайской литературы, то все-таки основные части проекта, его сущность— дело самого Уварова. Работа отличается блестящим стилем, в ней видны знакомство с соответствующей ученой литературой и определенное мировоззрение; выводы же автора, его суждения по вопросам востоковедения заимствованы целиком у специалистов.

Такова мысль Уварова, что индийская литература—«самая древняя, самая интересная и наименее известная из всех» литератур азиатских народов, что из соединения поэзии и философии в Индии родилась «религия, следы которой встречаются во всех религиях древнего мира», что «все религии Азии черпали из индийского источника»⁶. Эту мысль Уваров повторил и в своем вышедшем в 1812 г. «*Essai sur les mystères d'Eleusis*». Здесь Уваров, доказывая, что элевсинские мистерии были не египетского, а индийского происхождения, утверждает, что Восток— и именно Индия— «колыбель религиозных традиций и философских учений»⁷. Местр нашел в этой мысли Уварова доказательство его чрезмерного увлечения Востоком. Но мысль была Уваровым заимствована у одного из его немецких учителей. Источник этот верно указан рецензентом наполеоновского «*Journal de l'Empire*». Здесь читаем: «Русский камергер, г. Уваров, опубликовал проект Азиатской академии; идея прекрасна, но проект г. Уварова производит очень неопределенное впечатление: автор воображает, вместе со своим другом Фридрихом Шлегелем, что все знания и все языки к нам пришли из Индии»⁸.

Действительно, именно Фридрих Шлегель в своем «*Über Sprache und Weisheit der Indier*» проводил мысль об исключительной роли Индии в развитии человеческой цивилизации. Что касается мнения Уварова о происхождении элевсинских мистерий, то источник этого мнения указан им самим: это английский ориенталист Вильфорд, у которого он заимствовал и все доказательства.

Таким образом, дилетантский характер обоих произведений Уварова несомненен. Но им нельзя все же отказать в известном значении. «*Projet d'une Académie Asiatique*» должен быть учтен историками русского востоковедения. Автор рецензии в «*Göttingische Gelehrte Anzeigen*», обстоятельно изложив весь проект Уварова, пришел к выводу о невозможности его осуществления в России в ближайшее время, но признал за автором заслугу постановки идейной задачи, которую осуществить может лишь время⁹. Гёттингенское ученое общество избрало Уварова своим почетным членом. В России Жуковский в письме к А. И. Тургеневу высказал, что проект «делает честь изобретателю, но едва ли может быть очень полезен в России». Осуществление было бы возможно, если бы мы «стояли на высшей ступени образования; но где же у нас образование и где наша ученость?». Тем не менее, Жуковский перевел «*Projet*» на русский язык, а Уваров нашел его перевод прекрасным¹⁰.

Второе издание «*Essai sur les mystères d'Eleusis*» было сочувственно отмечено в английской печати¹¹. Во Франции знаменитый ориенталист Сильвестр де Саси, по

С. С. УВАРОВ
Портрет маслом О. Кипренского, 1813 г.
Частное собрание, Москва

просьбе автора проредактировав книгу и сделав в ней стилистические исправления, выпустил ее в 1816 г. третьим изданием¹².

Прочитав «*Projet d'une Académie Asiatique*», Местр пришел к выводу, что автор стоит на хорошей дороге. «Хорошая дорога» означала, прежде всего, отрицательное отношение к XVIII веку, который для Местра был «самой постыдной эпохой человеческого духа», когда «вся система мировой цивилизации сдвинулась со своих естественных основ». И Местр выразил надежду, что Уваров будет провозглашать «добрые старые принципы» и внедрять «в русских отвращение к преступным сумасбродствам прошлого века». Похвала и надежда Местра были вызваны, главным образом, позицией Уварова в вопросе о происхождении речи. Уваров решительно отвергает теорию о том, что дикое состояние было первоначальным состоянием человеческого общества, что человек стал развиваться под влиянием борьбы за существование и что показателем этого развития явилось возникновение речи. Называя эту теорию «одновременно сухой и романтической» и замечая вскользь, что «без божественного вмешательства» проблема речи неразрешима, Уваров утверждает, что в истории человечества заметны «следы лучшего состояния и доказательства вырождения человеческого рода». По его мнению, «первые понятия, переданные божеством вместе с речью, были просты и истинны, примененные к простому состоянию человеческого общества... Золотой век поэтов есть смутное воспоминание об этом лучшем веке», который характеризуется «знанием первоначальных понятий—даром столь же божественным, как и речь». И именно на Востоке, «колыбели человеческого рода, следовательно, первом хранителе первоначальных знаний, первом месте лучшего состояния человечества, первом свидетеле его упадка, нужно искать древнейшие обломки его истории. И именно там найдут факты, наиболее пригодные для уничтожения систем современных философов»¹³.

Таким образом, востоковедение должно было служить целям борьбы с «системами современных философов». Все эти рассуждения Уварова целиком соответствовали взглядам Местра¹⁴.

Но Уваров заимствовал эти взгляды из немецких источников. У Фридриха Шлегеля высказано убеждение, что «золотой век» человечества позади, и именно на Востоке, где существовала когда-то лучшая порода человечества. И этот взгляд Шлегеля был принят в эту послереволюционную эпоху не только идеологами дворянской реакции, но и представителями умеренного буржуазного либерализма. Так, М-те де Сталь видела доказательство справедливости этой мысли в том, что «нравственная культура древнейших народов была более поэтической, более благоприятствовала развитию искусств», чем культура позднейших народов¹⁵. Уваров, повидимому, познакомился с Фридрихом Шлегелем в 1808 г., когда последний поселился в Вене. Из личного общения со Шлегелем и из чтения его трудов Уваров должен был почерпнуть мысль, что центром духовной жизни человека является религия, что поэзия и философия—ее факторы, что в религии область таинственного, мистического (всякие мистерии и мифы)—главное. Но Шлегель, подобно своему брату Августу-Вильгельму, увлекавшийся средневековьем и идеализировавший феодальную культуру, именно в 1808 г. в Вене принял католицизм. Уваров не последовал за ним по этому пути. Напротив, он с похвалой отзывался о трудах немецких экзегетов и проявил, по выражению Местра, особую «нежность» к Гердеру, «одному из самых опасных врагов христианства». В действительности Гердер, конечно, не был врагом христианства, а, напротив, защищал идею провидения и его обнаружения в истории человечества. Но он был протестантом и относился свободно и критически к религиозным традициям.

Уваров вообще отзывался с похвалой о немецкой мысли и ее попытках со времени реформации по-новому изучать библию. Эти симпатии Уварова, его рассуждения о влиянии платоников на христианских писателей, его явное предпочтение индий-

ской поэзии и литературы еврейской библии вызвали резкое осуждение Местра, считавшего Библию «книгой единственной во всех отношениях». По его мнению, Моисей сказал все по вопросу об «основных началах истории человечества... с ним мы знаем все, что должны знать об этих великих предметах; а без него не знаем ничего»¹⁶.

Повидимому, ответное письмо Уварова содержало в себе защиту Гердера от нападок Местра. Последний в письме от 14 декабря уже прямо заявляет о своем «мизогерманизме» и называет протестантизм разрушителем спасительных принципов, провозглашенных католицизмом. Еще более резкие суждения находим в письме от 17 июня 1814 г. Здесь протестантизму и янсенизму—всем и всяческим сектам—противопоставляется цельность иезуитизма. На заявление Уварова, что он не протестант, не иезуит, не янсенист, не иллюминат, Местр ответил, что протестантизм и янсенизм в мировоззрении Уварова содержатся, хотя и «не вполне» и «не явным образом».

Уваров ответил на письмо Местра 19 июня; это письмо мы можем в выдержках присоединить к письмам Местра. Здесь Уваров довольно прозрачно обвиняет последнего в фанатизме, противопоставляя ему свое право «члена греческой церкви»—«спокойно пройти между обеими партиями» (т. е. янсенистами и иезуитами), свою «умеренность в характере и принципах». В качестве такого, если можно так выразиться, «беспартийного» христианина, Уваров считает себя в праве защищать Пор-Роаяль и атаковать иезуитов за властолюбие, коммерческую алчность, интриги, богословские крайности и т. п. Самые похвалы иезуитам у Уварова не лишены некоторой иронии, но он снова отмежевывается от «XVIII века» и в лирических тонах призывает католическую церковь отбросить «заблуждения и запальчивость, от которых она не очистилась, свои мелкие раздоры, свои низменные слабости, свои исчерпанные споры, свои старые претензии» и взять «лиру Орфея» для покорения «дикарей» из «цивилизованного мира». Он зовет ее к отказу от своей исключительности и к объединению вокруг себя инаковерующих во имя общей цели—борьбы с материализмом и революцией.

Теперь для нас ясны пункты сближения и расхождения в мировоззрении обоих полемистов. Оба они стоят на почве антиреволюционной, антиматериалистической идеологии, оба—противники «XVIII века». Но для Местра истина далеко позади этого века. Реформация и все последующее умственное и религиозное движение для него—предтечи революции. Уваров же, черпая из немецких источников, ищет в экзегетике и романтизме компромисса между религиозной традицией и новыми исканиями. Противопоставляя эту традицию материалистическому отрицанию, он в то же время в религиозном разномыслии современной ему немецкой мысли, в разнообразии учений и верований видит какое-то положительное явление и идет к тому религиозному эклектизму, который был характерным явлением для мистики эпохи возникновения Священного союза; правда, его эклектизм несколько отличается от эклектизма мистиков, он даже проникнут католическими симпатиями, но католицизм в его интерпретации должен потерять свои характерные черты и сам стать эклектизмом. И вот почему Местр, отмечая у Уварова этот эклектизм и склонность к рационализации на ряду с «добрыми, старыми принципами», заявляет ему: «С XVIII веком нельзя вступать в сделки, лучше быть якобинцем, чем фейаном, лучше разделять его печальную славу разрушителя, чем стоять во весь рост между двумя вражескими армиями и служить и той и другой мишенью для пуль и издевательств».

То же следует сказать и о политических взглядах Уварова. Он—консерватор, но консерватор с прогрессивной окраской. Начав службу в 1801 г., он, подобно Блудову и Дашкову, подвергся влиянию группы «молодых друзей» Александра I, в идеологии которых совмещались мечты о сильной аристократии с симпатиями к капиталистическому хозяйству. Эти взгляды могли только укрепиться в Уварове во время его пребывания за границей и, в частности, от общения со Штейном. С 1810 г. Уваров сближается с «карамзинистами»—Жуковским, Тургеневым, Блудовым и Дашковым.

В 1813 г. в брошюре «Eloge funèbre de Moreau» он высказывается за восстановление во Франции «законного правительства, при котором могущественные барьеры обеспечивали бы гражданскую свободу лиц». Та же «делка с XVIII веком», программа сочетания легитимизма и умеренной свободы изложена Уваровым в брошюре 1814 г. «L'Empereur Alexandre et Bonaparte», где короли и народы призываются к взаимным пожертвованиям: первые—деспотизмом, вторые—анархией¹⁷.

С 1815 г. Уваров—член литературного общества «Арзамас». Идея «делки» между старым и новым определяла политическое мировоззрение большинства арзамасцев. Типично для них убеждение А. И. Тургенева, что «История» Карамзина «послужит нам краеугольным камнем для православия, народного воспитания, монархического управления и, бог даст, русской возможной конституции»¹⁸. Н. И. Тургенев определил политическую физиономию большинства «Арзамаса» словами: «Здесь тористы»¹⁹, то-есть консерваторы английской складки.

И в своей шумевшей речи 1818 г. Уваров, отражая варшавскую речь царя, в которой прозвучали конституционные мотивы, сформулировал центральную мысль «торизма»—«равновесие всех политических сил», т. е. «делка» между монархией, аристократией и «средним состоянием»²⁰.

Воцарение реакции изменило политическую физиономию Уварова. Из «ториста» он стал глашатаем и практиком «православия, самодержавия и народности».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Литературное Наследство», № 4—6, 1932, статья С. Н. Дурылина «Русские писатели у Гёте в Веймаре», глава «Друг Гёте», стр. 190.

² «Projet d'une Académie Asiatique». St.-P., 1810, pp. 8—9.

³ «Речь президента импер. Академии наук, попечителя С.-Петербургского учебного округа в торжественном собрании Главного педагогического института 22 марта 1818 г.», СПб. 1818, стр. 21—22.

⁴ «Рус. Старина», 1896, X, стр. 188.

⁵ Архив бр. Тургеневых в ИЛИ АН, № 382, л. 33 (обор.).

⁶ «Projet d'une Académie Asiatique», pp. 35—39.

⁷ Цитир. по 2-му (1815 г.) изданию «Essai», p. 29.

⁸ «Journal de l'Empire», 11 avril 1811.

⁹ «Göttingensche Gelehrte Anzeigen», 23 März 1811, 47 Stück, SS. 457—464.

¹⁰ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, изд. «Русского Архива», М., 1895, стр. 81—82. Перевод В. А. Жуковского (с пропусками сравнительно с оригиналом) был напечатан в «Вестнике Европы», 1811, стр. 27—52 и 96—120. Письмо Уварова к Жуковскому от 21 апреля 1811 г. см. «Рус. Архив», 1871, I, стр. 158.

¹¹ «The Classical Journal» поместил обстоятельное изложение работы Уварова в 3-х книгах: June 1816, XIII, № XXVI, pp. 399—406; XIV, № XXVII, sept. 1816, pp. 165—175; XV, № XXIX, march, 1817, pp. 117—123, и назвал ее весьма ценным произведением ученого автора.

¹² Исправлений было немного. «Г-н Уваров,—пишет Саси в предисловии,—пишет на нашем языке с легкостью поистине замечательной, а его стиль оставляет желать очень немногого даже самому требовательному читателю».

¹³ «Projet d'une Académie Asiatique», pp. 11—15.

¹⁴ См. «Soirées de Saint-Pétersbourg», Brux., 1837, t. I, pp. 85—92 (deuxième entretien). В этом вопросе Местр следует за Сен-Мартеном, утверждавшим, что человек первых веков обладал истинной мудростью, основанной на связи с богом.—«Oeuvres posthumes», Tours, 1807, II, p. 10 et suiv.

¹⁵ «De l'Allemagne», P., 1852, p. 472.

¹⁶ «Lettres et opuscules inédits», 4-me éd., P., 1861, t. I, p. 158.

¹⁷ «L'Empereur Alexandre et Bonaparte», pp. 36—37.

¹⁸ Письмо к С. И. Тургеневу от 30 февр. 1816 г. в книге: Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. Институт литературы АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 204.

¹⁹ Там же, стр. 35—40. Подробно о «торизме» арзамасцев см. в статье «Братья Тургеневы и дворянское общество Александровской эпохи».

²⁰ Речь президента Академии наук, цит. изд., стр. 40—52.

МЕСТР—С. С. УВАРОВУ

С.-Петербург, $\frac{26 \text{ ноября}}{8 \text{ декабря}}$ 1810 г.

Милостивый государь,

Я прочел с величайшим удовольствием ваш «Проект Азиатской академии». Он делает честь вашему уму и вашему патриотизму. В общем мне понравилось все, начиная с посвящения, и я нахожу лаконизм его очень хорошего тона. Стиль труда превосходен, я думаю, что самый придирчивый человек не найдет в нем и тени экзотеризма¹. Проект сам по себе весьма полезен, и если даже он будет отложен по обстоятельствам момента, то идея его, во всяком случае, должна быть сохранена правительством. Эта идея особенно хороша тем, что она вполне соответствует общему движению умов, которое очень важно направить в сторону общественного блага. Вы сможете весьма способствовать этому, если у вас хватит мужества не поколеблёмо следовать по прямому пути, на который вы вступили; и ваши первые шаги на этом пути доставили мне большое удовольствие.

Начало цивилизации вашей страны совпало, к несчастью, с самой постыдной эпохой человеческого духа². Отсюда и произошло то, что некоторые из ваших соотечественников стали невразумительно бормотать богохульства и что вообще вся система цивилизации оказалась сдвинутой со своих естественных основ. Вы призваны выполнить прекрасную миссию, и, я надеюсь, вы ее выполните, провозглашая во всеуслышание добрые старые принципы и способствуя всеми силами внедрению в русских отвращения к преступным сумасбродствам прошлого века. С величайшим удовлетворением ознакомился я с тем, как вы разрешаете важнейший вопрос о происхождении общества и о происхождении речи. Вы на хорошей дороге, и я от всего сердца желаю, чтобы вы нашли на ней всю славу, какую можно только пожелать. Тогда с полным правом вы сможете сказать: «*Juvat integros accedere fontes*»³, ибо это будет, действительно, девственная слава, которою никто до вас не венчался в вашей стране. Но прошу вас, будьте осторожны. С XVIII веком нельзя вступать в сделки: лучше быть якобинцем, чем фейаном⁴, и лучше разделить его печальную славу разрушителя, чем стать во весь рост между двумя вражескими армиями и служить и той и другой мишенью для пуль и издевательств.

Эта мысль была мне внушена некоторыми местами вашего «Проекта», по поводу которых я, с вашего разрешения, выскажу несколько замечаний с единственной целью доказать вам, как высоко я ценю ваш талант и с каким вниманием я вас прочел.

Стр. 1. «Покрытые пылью труды»⁵. Вот одна из характерных черт этого проклятого века: презрение ко всему, что уже сделано, и восхищение перед всем, что еще делается; вы, наверное, не подумали о книге Гайда «*de Religione Persarum*», классическом произведении, хвалить которое излишне⁶; о «Восточной библиотеке» Гербело⁷; о великолепном труде о. Мараччи⁸ об Алькоране, переведенном на латинский язык и напечатанном в Риме с текстом и комментариями, заимствованными у арабских писателей, труде, который оставил последующим исследователям лишь заслугу быть его переводчиками, что и делалось, иногда даже без ссылки на источник, как поступил англичанин Саль⁹, которого считали в этой области за классического писателя. Вы позабыли о «*China illustrata*»

о. Кирхера¹⁰, человека, быть может, наиболее осведомленного в различных областях знаний, об истории Китая о. Дюгальда¹¹, об истории о. де Майа¹², о «Путешествиях» Шардена¹³ и, главным образом, о собрании «Lettres édifiantes» («Назидательных писем»)¹⁴, известность которых растет с каждым днем, по мере того, как все больше и больше признается за их авторами строжайшая добросовестность; и действительно, даже самая недоброжелательная критика никогда не смогла уличить их в недостатке добросовестности и т. д., и т. д., и т. д. Разрешите добавить только одно: хороши труды, лишь покрытые пылью, т. е. труды тяжелые, а мы нашими легковесными трудами погубили все.

Ibid., стр. 1. «Труды немецких писателей о библии» сопоставляются с трудами Калькуттского общества¹⁵. Между тем, трудно найти что-либо более противоположное, ибо первые содержат все, что только есть наиболее дерзновенного и пагубного для религии. Они особенно возбудили против себя негодование Англии. Ее газеты были полны возмущения по этому поводу, и г-н Делюк—женевец, ставший англичанином¹⁶, недавно писал следующее: «Без сомнения, глава об ангелах будет занесена в число слабых мест Бэкона некоторыми мнимыми христианами наших дней, которые в своей экзегетике, или толковании священного писания, устраняют из него не только духов, но и всякое вдохновение и т. д. («Précis de la philosophie de Bacon», т. I, стр. 189—190). Итак, вы оказываете им слишком много чести, причисляя их (стр. 10 и 11) к писателям, труды которых способствовали изучению священного писания. Меня в особенности удивила ваша нежность к Гердеру¹⁷, одному из самых опасных врагов христианства, ловкому и преступному комедианту, проповедывавшему евангелие с кафедры, а Спинозизм в своих писаниях¹⁸.

Стр. 16. «Бог, по учению Пифагора, не что иное, как неуловимая материя»¹⁹.

Будьте уверены, что Пифагор, славный предшественник Платона, никогда не говорил этого. Утверждая, что разум—д в и ж у щ е е с я ч и с л о, он изъял, насколько это во власти человеческого языка, всякую идею материальности. К тому же, читая греческих философов, нужно быть очень осторожным с их терминами: они употребляют слово материя (ὕλη) в особом смысле, и здесь легко ошибиться; но это завело бы меня слишком далеко.

Стр. 22. «Неоценимые преимущества анализа»²⁰.

Не восприняли ли вы случайно идею нашего века, вообразившего, что слово анализ представляет собою нечто совершенно отличное, новую систему, которой наши предшественники не знали? Г-н де-Жерандо²¹ в своем труде о «происхождении идей» говорит буквально, вслед за сотней других французов, что все дело в том, чтобы переделать человеческое мышление...

«L'entreprise est fort belle
Et digne seulement ou d'un ange ou de vous».
[Затея эта прекрасна
И достойна только ангела или вас.]

Дело в том, что ум человеческий остался тем, чем всегда был, и в отношении его возможностей нет места никаким открытиям и не существует никаких новых методов, никакого «novum organum»²² и т. д. Бог дал нам раз навсегда один-единственный рычаг для нашего пользования; смешон тот, конечно, кто употребляет рычаг для того, чтобы снимать капусту

в своем огороде, однако, рычаг остается рычагом, а тот, кто называет его «пович organum» потому, что пользуется им для новых целей, просто шарлатан.

Стр. 26. «Г-н Бэлли и т. д.»²³.

Г-н Бэлли принадлежит к числу авторов, больше всего моловших вздор об азиатских древностях; он отнес знаменитые таблицы Тривалора к эпохе Кали-Юга²⁴. К счастью, оказалось, что они были написаны в XII веке нашей эры и даже вполне добросовестно так датируются. С этим вопросом покончено с тех пор, как г-н Бентлей²⁵ в последних томах «Азиатских исследований» превосходно осветил истинный характер азиатской астрономии, которого не понимал Бэлли.

Стр. 28. «Мы призваны восстанавливать, а не строить заново» и т. д.²⁶.

К счастью для ваших друзей и также, надеюсь, для вашей родины, вы еще молоды и, следовательно, проживете достаточно, чтобы увидеть, или, по крайней мере, уверовать, что всевышний архитектор допускает разрушать только для того, чтобы строить заново.

Стр. 29. «Блаженный Августин говорит, что он усмотрел тайну троицы в книгах платоников».

Примите, милостивый государь, благосклонно совет человека, умудренного опытом, никогда не цитировать с чужих слов, особенно, когда это касается вопросов первостепенной важности. Нужно было указать место, где блаженный Августин говорит то, что вы ему приписываете; а если даже он видел или предвидел троицу у Платона, он видел только то, что и всякий другой может видеть. Если вспомнить все, что сказано о платоновской троице Бэллем и Кедворсом в Англии, Пето и Бальтусом во Франции, Мосгеймом в Германии²⁷ и т. д., то вопрос будет исчерпан. Платон, которого Цицерон называл «Deus ille noster Plato»²⁸, но которого очень трудно читать, является настоящим предтечей христианства и в качестве такового должен был очень нравиться первым сторонникам этой религии; но каждый справедливый человек должен, в конце концов, согласиться с мнением лучшего апологета нашего времени (аббата Бержье)²⁹, что вместо того, чтобы упрекать отцов-предникейцев³⁰ в том, что они п л а т о н и з и р о в а л и, гораздо правильнее было бы обвинить платоников в том, что они х р и с т и а н и з и р о в а л и.

I b i d., «Исповедь», гл. XIX, XX.

Так как «Исповедь» блаженного Августина³¹ разделена на 13 книг, то цитировать одни главы — все равно, что не цитировать ничего. Нужно было сказать: книга VII, главы 20 и 21.

Я возвращаюсь снова к вашему утверждению, что религиозные понятия (христианства) были п р о п и т а н ы п л а т о н и з м о м. Я, не колеблясь, бросаю вызов всему свету и утверждаю, что никто не сможет доказать это. Как раз наоборот, платонизм, к великому ущербу для церкви, б ы л п р о п и т а н христианством, а это большая разница (см. прекрасную диссертацию Мосгейма «Turbata per novos Platonicos ecclesia»).

Предположим, что блаженный Августин сказал бы: «Я увидел троицу у Платона» (чего он, конечно, буквально так не говорил). Значило ли бы это, что святой заимствовал догмат у Платона? Нисколько, это значило бы только, что он с удовлетворением отыскал свой догмат в трудах великого философа.

Мы видим совершенно ясно у Платона единство бога, духовность и бессмертие души, награды в иной жизни, ад и чистилище, действенность

молитвы и жертвоприношений за умерших, первородный грех, необходимость божественного заступничества, наконец, троицу; все это более или менее ясно выражено, но всегда очень необычно и всегда недостаточно. Неудивительно, что первые христиане превозносили до небес этого философа и что, в конце концов, вследствие склонности к преувеличению, свойственной человеческому уму, они нашли в его произведениях то, чего там вовсе не было; это можно утверждать с достоверностью, но, конечно, никогда не удастся доказать, что платонизм проник в христианство до такой степени, чтобы внести в него или заменить в нем некоторые догматы.

Стр. 27. «Когда Греция оскудела великими людьми» и т. д.

Грецию времен Платона отнюдь нельзя назвать «оскудевшей» людьми, и совершенно недопустимо считать «промежуточной фигурой между эпохой гения и эпохой духа» и в соответствии с этим называть «одним из последних великих людей Греции» человека, современниками которого были Софокл, Еврипид, Сократ, Фукидид и т. д., а преемниками—такие люди, как Аристипп, Антисфен, Филолай, Архит, Евдокс, Аристотель, Ксенофонт, Архимед и т. д.³², Демосфен, Исей, Аристофан, Менандр, Стесихор, и т. д.³³, Паррасий, Апеллес, Зевксис, Лисипп, Пракситель, Скопас, Тимант, Тимофей³⁴ и т. д., наконец, Александр Великий. Какое же это оскудение, милостивый государь!

Не сердитесь, добрый и любезный автор, если я продолжу еще свои нападки по этому поводу.

Стр. 27. «Платон развил способность анализировать». Я повторяю, что совершенно не понимаю термина «способность анализировать», если только это не то же самое, что способность рассуждать, которой обладают все люди со времен Адама. Понимаете ли вы под словом а н а л и з искусство расчленять идеи и как бы превращать их в разрозненные нити, вместо того, чтобы пользоваться ими, не разъединяя, целым пучком, словом, понимаете ли вы под этим искусство «умножать», как вы говорите, суждения там, «где гений видит одно только целое»? (Поистине, печальный талант!) Но если это так, то вы не смогли сделать большей ошибки, потому что философия Платона прямо противостоит этому мелкому жанру; а если она впадает в него, то тем хуже для нее. Каждый раз, когда Платон придирается к мелочам, он становится ненужным и, откровенно говоря, даже скучным, но когда он бросает свой а н а л и з и становится восточным, он прекрасен и бесценен. Вы сами говорите, что он «облекает свои идеи всеми чарами поэтического воображения». Это утверждение явно не согласуется с предыдущим. Самым мощным а н а л и т и к о м, в самом полном и почтенном смысле этого слова, был его ученик, последователь и соперник—Аристотель, который беспрестанно противоречил своему учителю, но зато ведь поэтом он никогда не был.

Стр. 29. «Быть может, найдется нить в лабиринте человеческого разума»³⁵.

Помнится, в вашем возрасте я тоже думал, что понимаю подобные фразы³⁶. Теперь я ясно вижу, что они лишены всякого смысла; скоро и вы будете того же мнения. Скажите, пожалуйста, что человеческий разум может и должен надеяться узнать о человеческом разуме? Е г о с у щ н о с т ь, е г о с и л у и п р е д е л е г о в о з м о ж н о с т е й. Не правда ли, ведь невозможно придумать еще четвертую проблему? Или вы думаете, что в Бенаресе или Калькутте найдется, чтобы выбраться из этого лабиринта, нить, которой мы не обладаем в Европе? В таком

случае, поспешите в Азию, любезный друг, и, если возможно, возвращайтесь с вашим клубком в Европу до моей смерти.

Стр. 35. «Еврейская литература отличается от всех других тем, что она не обещает никаких новых открытий».

Как я ни стараюсь, я никак не могу найти в этом утверждении смысла, который не заслуживал бы порицания. Если под л и т е р а т у р о й вы понимаете д о к т р и н у, то какого открытия можно ждать от доктрины, полученной путем откровения? Она есть то, что она есть, и ничего большего или меньшего она не может дать. Если же слово л и т е р а т у р а вы принимаете в его обычном смысле, то ясно, что язык, мертвый со времен вавилонского пленения, не дает никаких надежд на открытия, и потому такое ваше утверждение не очень великое открытие. Дальше вы говорите, что «индусская литература — самая древняя и самая привлекательная из всех». Конечно, вы были вправе отказать евреям в л и т е р а т у р е, в точном смысле этого слова, но раз вы выше произнесли это слово, последующее утверждение недопустимо; а что касается вашего признания превосходства значения и интереса индусской литературы над литературой греков, римлян, итальянцев, французов, англичан и немцев, то, право, мне кажется, вы должны признать свое несколько чрезмерное увлечение Востоком. Еще сильнее оно дает себя знать в предпоследней строчке той же страницы, где вы храбро утверждаете, что «все религии Азии черпали из индусского источника»³⁷. Неужели вы соблазнились такой мыслью? На следующей странице я читаю, что сходство индусских преданий с писаниями Моисея «не ускользнуло от внимания английских ученых». Оно не ускользнуло бы от внимания всякой грамотной горничной. Вы добавляете: «Это поразительное сходство не только не вредит должному уважению к священному писанию» и т. д. Еще бы! Это все равно, как если бы вы сказали: «Это доказательство не только не опровергает истины теоремы» и т. д.

Продолжаю. «Это сходство не только не вредит...», оно только доказывает, что «оба черпали из общего источника основных понятий». Опять эта злосчастная идея общего источника, последнее прибежище этих философов (мнимых философов), которых вы как раз осуждаете на стр. 12 и которые, не зная, как уйти от нового доказательства, почерпнутого в открытиях, сделанных в индусских книгах, ищут спасения в каком-то о б щ е м и с т о ч н и к е, чтобы устранить первенство Моисея. Даже Вольней не только растерялся, но до такой степени потерял голову, что серьезно утверждал, что наш Х р и с т о с был создан по образу индусского К р и ш н ы³⁸. Это просто неподражаемо!

Совершенно не верно, что «основные понятия были даны человеческому разуму» (i b i d., стр. 36); они были открыты глазам и ушам человека. Эти понятия—факты, сохраненные нам избранной нацией, поставленной хранительницей божественной сокровищницы, и, следовательно, по этому одному эта нация не может быть поставлена не только ниже, но даже наравне ни с какой другой. Доказательством того, что вы колеблетесь внутренне в принципах, является ваше робко высказанное утверждение: что «мы считаем Библию основой откровения» (i b i d., стр. 36). Значит, вы не осмеливаетесь сказать: да, это основа откровения. Но если вы не смелы в ваши годы, то когда же вы станете смелым? Берегитесь, прошу вас, безоговорочно утверждать, что «провидению угодно было допустить, чтобы основные понятия (стр. 37) видоизменились или

были забыты людьми»; очевидно, вы подводите евреев под общее проклятие, т. е. вы принимаете немецкую систему, которая в библии видит только восточных к н и ж н и к о в. Надеюсь, что вы не дошли до этого и не согласны с немецкой книгой, когда-то напечатанной в Гамбурге под заглавием «Еврейская мифология», но вы даете повод так думать, и это-то меня огорчает.

От нападок по существу перейду к придирам по поводу отдельных выражений, например, «общая грамматика» не может означать «происхождение и образование речи» (стр. 15). Это выражение означает исключительно о б щ и е з а к о н ы р е ч и д л я в с е х я з ы к о в, и под этим названием пор-роаяльцы опубликовали свою довольно известную грамматику³⁹.

Не знаю, почему «археология» должна означать только «историю искусства» (стр. 21). Новые словари, как и само слово, говорят, что это — н а у к а о д р е в н о с т я х.

Вы часто говорите М о р о и (стр. 37, 39). Я всегда читал М е п и. Сын солнца, по мнению некоторых индусских ученых, сын Брамь, по мнению других, древнее, быть может, Моисея, по мнению Джонса, все еще несколько опьяненной Азией, но по мнению Бенгеля и Пинкертон, да и по здравому смыслу, честный законовед XII века⁴⁰.

Мне совсем неизвестен бог Стр е п и т у с (стр. 39). [Память мне, как будто, подсказывает Крепитус, но у меня нет книг под рукой, чтобы проверить. Вы могли бы упомянуть еще более смешных богов: бога Ф а р с и н у с, бога С у б и г у с, богиню П е р с у н д у и т. д. «В с е б ы л о б о г о м, к р о м е с а м о г о б о г а» (Боссюэт).

Затем опечатки: внимание вместо намерение (стр. 32), С п е н е р вместо С п е н с е р, Е п и м е т р и о вместо Е п и м е т р о (4-я табл.).

Надеюсь, что вы отнесетесь к этим мелким порицаниям с благожелательностью, равной той, какая их продиктовала. Я, быть может, единственный человек в Петербурге, который вас прочел. Похвалы без знания предмета могут мало вам польстить, а прямота моей критики ручается за искренность моих похвал. Ваш труд дает много и обещает еще больше. Стилль очень хорош; его находили слишком цветистым, но я не разделяю этого мнения; да если бы и встретились преувеличения подобного рода, я одобрил бы их, так как отсутствие роскоши в вашем возрасте сулит бедность для зрелых лет. Вы очень мудро сумели отойти от некоторых предрассудков сегодняшнего дня (например, в вопросе о схоластиках⁴¹). Я не только восхищаюсь, но просто люблю ваше мужество, оно помогает вам держать голову выше века, но, скажу с той же откровенностью, ногами вы увязли еще довольно глубоко в его липкой грязи. Поверьте мне, поскорее переходите в зрелый возраст и выбирайтесь совсем из этой грязи, иначе вы не будете любимы ни э к з е г е т а м и, ни нами. Вы стоите, как Геркулес i n b i v i o⁴², решайтесь и идите направо. Если сравнить, хотя бы даже с такой второстепенной точки зрения, как слава, имена XVII века с именами следующего века, выбор будет не труден.

На этом я хотел было закончить, но, не знаю почему, у меня нехватает сил остановиться и хочется сказать еще несколько слов об Азии.

Азия—страна, вызывающая энтузиазм, потому что она всегда была страной чудес; от нее исходят, я сказал бы, какие-то пары энтузиазма, которые кружат головы не только туземцам, но, в большей или меньшей степени,

и головы самых спокойных европейцев и даже тех, что созерцали Азию только издали. Что касается вас, который называет христианские догматы «мнениями, нами чтимыми» (стр. 24),—выражение, над которым я усердно советую вам поразмыслить, вы далеко не так холодны, когда дело касается Зороастра. О нем вы говорите без всяких колебаний, как говорили бы о Цицероне или Вергилии, и так, словно вам известно, что он действительно жил и когда именно. Между тем, по этому вопросу существуют сотни гипотез, и особенно забавна неуверенность относительно того, к какой эпохе причислить годы его жизни; одни считают ее древнее эпохи Авраама, другие же относят к эпохе Дария, сына Гистаспа (не далее). Но будем говорить только о действительной ценности Зенд-Авесты⁴³, которую вы находите нужным восхвалять в таких пышных выражениях (стр. 2). Хотите свидетельство католика? Я процитирую вам аббата де ла Шапель⁴⁴. Приведа самые неопровержимые свидетельства о поведении г-на Анкетилля⁴⁵ в Индии, о его занятиях и познаниях, он приходит к выводу, со сдержанностью, подобающей его сану, «что не следует покупать произведения г-на Анкетилля и даже читать их» (*Défense de l'histoire véritable etc. 1770, стр. 325*). Предпочитаете вы свидетельства протестантов? Прочтите убийственное письмо, написанное г-ну Анкетиллю кавалером Джонсом⁴⁶, прочтите диссертацию, читанную 18 сентября 1780 г. в Гёттингенской академии ученым Мейнерсом⁴⁷. Там вы прочтете: «Что нет, повидимому, никаких данных, свидетельствующих, что персы обладали хоть одной строкой Зороастра. Что существующая Зенд-Авеста является подделкой. Что в ней встречаются явные следы юдаизма, христианства и арабские слова, проникшие в персидский язык в VII веке; что г-н Анкетиль, проявивший во время пребывания в Индии легкомыслие и ветренность, оказался игрушкой в руках двух священников низшего ранга и что он не знал ни слова из древних языков и т. д., и т. д.». Может быть, вы предпочтете прислушаться к суждениям Вольтера? Как видите, я снабжаю вас самыми разнообразными оценками. «Зенд-Авеста,—говорит Вольтер,—отвратительный ворох хлама, из которого нельзя прочесть и двух страниц, не проникнувшись жалостью к человеческой природе. Автор ее—опасный безумец. Нострадамус⁴⁸ и какой-нибудь лекарь по моче⁴⁹—здравомыслящие люди по сравнению с этим бесноватым». Надеюсь, довольно. О Зенд-Авесте, как и о всех индусских книгах, можно сказать то же, что так остроумно сказал г-н Фонтан⁵⁰ об Алькоране: «Это библия, переделанная в „Тысячу и одну ночь“». Воздадим Азии должное, но, прошу вас, не будем уступать нашего места. Когда вы говорите об «очень любопытной параллели между космогонией Мону (Меню) и космогонией Моисея», которому вы отводите второе место (стр. 39), мне кажется, что я слышу об очень любопытной параллели между жизнью Агриколы и Сандрильоны⁵¹. Английские ученые, которых вы часто цитируете, никогда не писали в предположении такого равенства, в чем вы, кажется, очень склонны заподозрить Джонса; Вильфорд и Маурис⁵² в Англии, в особенности, толковали индусские книги и предания только для того, чтобы выявить в них некоторые элементы Моисеева закона, растворенные и потонувшие в море сумасбродства. Впрочем, кто знает, не пришло ли время, когда Иафет должен обитать в шатрах Симы? В Англии уже давно заметили, что это пророчество, как будто, идет быстрыми шагами к своему осуществлению. Мы, европейцы, остаемся

тем, чем мы всегда были: «*Audax Iapeti genus*!»⁵³. Итак, вперед! Будем жить, как добрые родственники, с потомками Сима. Будем дружно работать над построением великого здания науки, объединим наши силы. От всего сердца призываю вас быть в числе тружеников, не щадите своих трудов.

«*Vous me verrez au moins dans ce champ glorieux
Vous animer toujours de la voix et des yeux.*»

[Меня, по крайней мере, вы всегда увидите на этой ниве славы
Поощряющим вас голосом и взглядом.]

Я многого жду от вас, милостивый государь, для вашей родины, и потому, что я многого жду, я так чистосердечно указал свои *d e s i d e r a t a*. Самое горячее из них—приобрести вашу дружбу. Располагайте моей и присоедините также, прошу вас, уверение в чувствах глубочайшего к вам уважения и почтения, которые я сохраню на всю жизнь.

Местр

Автограф.—Исторический музей, Москва. Альбом «Письма знатных иностранцев к графу С. С. Уварову».

¹ Эзотеризм—термин, употреблявшийся в религиозной литературе для обозначения «истин» и «знаний», передававшихся массе, в отличие от эзотеризма, обозначающего «истины», сообщавшиеся лишь небольшому кругу посвященных. Строгое различие между тем и другим проводилось особенно в масонских кругах. Отсюда это заимствовал Местр, который «формально принимал самую идею эзотеризма». См. E. Dermenghem, *Joseph de Maistre mystique*. P., 1923, p. 193.

² С точки зрения Местра, этой эпохой был XVIII век.

³ «Приятно приближаться к чистым источникам»—стих Лукреция, взятый Уваровым в качестве эпиграфа к «*Projet d'une Académie Asiatique*».

⁴ Т.-е. лучше быть крайним, чем умеренным или представителем «золотой середины».

⁵ Здесь имеется в виду следующее место в проекте Уварова: «В последние годы XVIII века совершилась великая революция во всех представлениях об истории человеческой цивилизации. Восток, еще недавно всецело предоставленный лживым рассказам нескольких авантюристов и покрытым пылью трудам небольшого числа эрудитов, был единогласно признан колыбелью всей мировой цивилизации». Интересно, что рецензент Уварова в «*Journal de l'Empire*» от 11 апреля 1811 г. тоже ставил ему в вину оскорбительный тон по отношению к «покрытым пылью трудам эрудитов».

⁶ *H u d e* (1636—1703)—известный английский ориенталист, профессор еврейского и арабского языков в Оксфордском университете, автор «*Historia religionis Persarum*», 1 vol., 1700.

⁷ *Herbelot* (1625—1695)—французский ориенталист, профессор сирийского языка (в Collège de France), автор «*Bibliothèque orientale*, P., 1697.

⁸ *Maracci* Луи (1612—1700)—итальянский арабист, подготовивший издание корана под названием «*Alcorani textus universus*», Padua, 1698.

⁹ *Sale* Джордж (1680—1736) перевел коран на английский язык, снабдив его примечаниями и комментариями.

¹⁰ *Kircher* Афанасий (1602—1680)—немецкий иезуит, опубликовавший в 1666 г. «*China monumentis, qua sacris, qua profana illustrata*», переведенную впоследствии на французский язык. Кирхер был одновременно физиком, математиком, ориенталистом, филологом; он считал, что им открыто значение иероглифов.

¹¹ *Duhalde* Жан-Батист (1674—1743)—французский иезуит, опубликовавший «*Description de l'empire de la Chine et de la Tartarie chinoise avec un atlas*, 4 vol., 1735.

¹² *De Moyria de Mailla*, или *Mailla*с Жозеф-Мари (1676—1748)—французский иезуит и миссионер. Автор «*Histoire générale de la Chine*», 12 vol., V., 1777—1783, с картами и гравюрами, опубликованной после его смерти.

¹³ *Chardin* Жан (1643—1713)—французский путешественник. Первое полное издание его «*Voyage en Perse et aux Indes*» вышло в Голландии около 1711 г. и состояло из 13 томов.

¹⁴ «*Lettres édifiantes et curieuses écrites des missions étrangères*», 1702—1781, 43 vol. Это—собрание известий католических миссионеров из всех стран мира, составленное иезуитами *Legobien*, *Duhalde* и др.

¹⁵ Азиатское общество в Калькутте было основано в 1784 г. знаменитым английским ориенталистом Уильямом *Jones* (1746—1794), труды которого были использованы немецкими философами и филологами. Он перевел «Сакунталу» (1789) и «Законы Ману» (1794).

¹⁶ *Deluc* Жан-Андре (1727—1817)—физик и натуралист, род. в Женеве. Автор «*Précis de la philosophie de Bacon*», 2 vol., P., 1801. Он в течение 44 лет был чтецом английской королевы.

¹⁷ *Herder* Иоганн-Готфрид (1744—1803)—знаменитый немецкий мыслитель, один из виднейших представителей сентиментальной реакции против рационализма и предшественник романтизма. По протекции Гёте был сделан проповедником и консисторским советником при дворе герцога Веймарского.

¹⁸ В своей книге «*Gott*» (1787) Гердер, критикуя философию Спинозы, в сущности, защищал последнего от церковных богословов, доказывая, что, по его учению, бог есть источник всякого бытия, а познание бога и любовь к нему—основа всякого совершенствования. Для Местра всякая защита Спинозы, основоположника научно-критического изучения библии, была преступным спинозизмом.

¹⁹ Вот полностью эта фраза Уварова: «Бог, по учению Пифагора, не что иное, как неуловимая материя, эфир, огонь, распространенный повсюду, приводящий все в движение и называемый поэтому душой мира».

²⁰ Говоря о «неоценимых преимуществах анализа», Уваров считает, что «применение аналитического метода к произведениям разума было последним результатом человеческой мысли».

²¹ *Gérand* Жозеф-Мари, барон де (1772—1842)—профессор административного права в Париже, автор «*Théorie des signes et l'art de penser dans leurs rapports mutuels*», 4 vol., P., 1800,—труда, в котором он пытался примирить сенсуалистическую философию Кондильяка с католическим учением. Местр имеет в виду другое его произведение: «*La génération des connaissances humaines*», P., 1802.

²² «*Novum Organum*» (в русск. перев. Бибикина 1874 г. «Новый Органон»)—одно из главных сочинений знаменитого английского философа *Бэкона* (1561—1626). Бэкон защищал в нем эмпирический и индуктивный метод познания вещей, отстаивая для опытной науки право на самостоятельное, независимое от метафизики и богословия существование.

²³ *Baillie* Джон (1766—1823)—английский ориенталист. Уваров кратко упоминает о его исследованиях в области древнеиндусской астрономии.

²⁴ *Калли-Юга*—индусское слово, означает «железный век». Эта индусская эра относится к 3101 г. до нашей.

²⁵ *Bentley* Ричард (1661—1742)—английский критик и полемист, профессор Кембриджского университета, переводчик Горация.

²⁶ На стр. 26—29 Уваров сравнивает современное ему состояние человеческой мысли с эпохой платонизма в древней Греции. И тогда и теперь господство «нескольких привилегированных умов», блестящих, изредка появлявшихся гениев сменилось кропотливой, часто невидной и неуловимой работой человеческого ума. Но платонизм предвещал грандиозную революцию, перестройку в области знаний, мыслей, идей. «Мы же, утомленные кровавыми эксцессами, совершенными во имя человеческого разума, больше не ждем никаких обновляющих его потрясений. Мы призваны защищать величественные развалины, восстанавливать, а не строить заново».

²⁷ *Will* Джордж (1634—1710)—английский теолог, автор «*Defensio Fidei Nicenae*» (1683); *Cudworth* Ральф (1617—1688)—английский теолог, в своей работе «*True Intellectual System of the Universe*» (1678) сравнивает троицу Платона с христианской троицей; *Petau* Дени (1683—1752)—французский иезуит, преподаватель богословия в Сорбонне с 1618 г.; *Baltus* (1667—1743)—французский иезуит; *Mosheim* Лаврентий (1694—1755)—немецкий протестантский теолог, профессор Гёттингенского университета, его труд: «*De rebus christianorum ante Constantinum Magnum commentarii*» (1753).

²⁸ «Наш бог Платон».

²⁹ *Bergier* (1718—1790)—французский теолог, посвятивший свою жизнь борьбе против философов XVIII века. Его труды: «*Traité historique et dogmatique de la vraie religion*», 13 vol., P., 1780, и «*Dictionnaire théologique*», 2 vol., P., 1789. Местр в много раз в сочинениях и письмах восхвалял аббата Бержье. См., напр., «*Origine divine des Constitutions*» (*Maisire*, Oeuvres, t. I, p. 1). В 1813 г. он рекомендует своему сыну Родольфу читать «*Désisme réfuté par lui-même*», прибавляя: «Именно этой книгой аббат Бержье начал свою благородную деятельность» (*Maisire*, Oeuvres, t. XII, p. 367).

³⁰ Отцами «предникейцами» («*pères antenicéens*») Местр называет церковных писателей, защищавших догмат троицы в эпоху, предшествовавшую Никейскому собору (325 г. н. э.).

³¹ **А в г у с т и н** (354—430)—крупнейший писатель западной церкви. «Исповедь»—его автобиографическое произведение, проникнутое глубоким самоанализом. К христианству Августин пришел именно через платонизм.

³² **Греческие философы:** **А р и с т и п п** (род. ок. 430 г. до н. э.)—основатель киринейской школы; **А н т и с ф е н** (род. ок. 442 г. до н. э.)—основатель школы киников; **Ф и л о л а й** (500—420 до н. э.)—пифагореец; **А р х и т Т а р е н т с к и й** (430—369)—пифагореец и друг Платона; **Е в д о к с К н и д с к и й** (409—356)—астролог, ученик Архита.

³³ **Греческие ораторы и писатели:** **И с е й** (IV век до н. э.)—учитель Демосфена; **С т е с и х о р** (636—556)—поэт и лирик, указан Местром, очевидно, по ошибке, так как жил раньше Платона.

³⁴ **Греческие художники:** **П а р р а с и й** (431—404); **З е в к с и с** (464—398); **Т и м а н т** (IV в. до н. э.), соперник Паррасия. **Греческие ваятели и архитекторы:** **Л и с и п п** (ум. ок. 316 н. э.); **С к о п а с** (IV век н. э.). **Греческий музыкант и поэт Т и м о ф е й** (446 до н. э.).

³⁵ Уваров выражал надежду, что «нить в лабиринте человеческого разума» найдется при изучении Востока—этой «огромной и чудесной страны».

³⁶ Намек на свои исследования по франкмасонству. См. также ниже примечание 12-е к письму от 12 ноября 1812 г.

³⁷ Уваров говорит, что еврейская литература оставила единственный памятник: священное писание. В Индии же, по его мнению, не только была самая яркая и интересная литература, но из соединения поэзии и философии образовалась «религия, следы которой имеются во всех религиях древнего мира».

³⁸ **V o l n e y** (1757—1820)—французский ученый. **К р и ш н а**—восьмое воплощение одного из лиц «Тримурти» (индусской троицы).

³⁹ **П о р - Р о а л ь** (Port-Royal)—монастырь, основанный в 1204 г. около Шеврёза. С 1636 г. при монастыре поселился кружок ученых, работавших над вопросами религии, языка, литературы и воспитывавших молодежь. Они стали центром оппозиции иезуитам. Упомянутая Местром грамматика под названием «Les lois générales du langage pour toutes les langues» была составлена **Л а н с е л о**, о котором см. ниже, в примеч. 6-м к письму Уварова от 19 июня 1814 г. К кружку пор-роаяльцев принадлежал, между прочим, знаменитый **П а с к а л ь**. В числе учеников был **Р а с и н**, написавший историю Пор-Роаяля.

⁴⁰ **М а н у**—по индусским преданиям, мифический прародитель человеческого рода, которому приписывали составление древнего кодекса законов. **Д ж о н с** в 1794 г. перевел законы Ману на английский язык; **Б е н т л е й**—см. выше, примеч. 25; **P i n k e r t o n** Джон (1758—1826)—ему принадлежит «General Collection of Voyages and Travels» (1808—1813).

⁴¹ Средневековая схоластика, т. е. философия, преподававшаяся тогда в школе, подвергалась резкой критике философов XVIII в.

⁴² На распустье.

⁴³ **З е н д - А в е с т а** (**З е н д**—комментарий, объяснение; **А в е с т а**—основа, основной текст)—название священных книг маздеизма, религии поклонников огня в древнем Иране, основание которой приписывалось **З о р о а с т р у**. В XVIII веке считали, что Зороастр жил в эпоху Дария, сына Гистаспа (VI в. до н. э.). Это мнение было основано на сходстве имен Гистаспа с неоднократно упоминаемым в Зенд-Авесте **Гюстаспом**.

⁴⁴ **D e l a C h a p e l l e**, аббат (1710—1789)—автор «Histoire véritable des temps fabuleux».

⁴⁵ **A n q u e t i l - D u r e g g o n** (1731—1805)—французский ориенталист, переводчик Зенд-Авесты.

⁴⁶ См. выше, примеч. 15-е и 40-е.

⁴⁷ **M e i n e r s** Кристоф (1747—1810)—профессор философии в Гёттингене.

⁴⁸ **Н о с т р а д а м у с** Мишель (1503—1566)—знаменитый врач, астролог и предсказатель. Его сын, Мишель младший (ум. 1574),—тоже астролог и предсказатель.

⁴⁹ **M é d e c i n d e s u r i n e s**—лекарь по моче—кличка врача-шарлатана, определявшего все болезни на основании мочи больного.

⁵⁰ **D e F o n t a n e s** Луи (1757—1821)—писатель и политический деятель; при Наполеоне стоял во главе Université Française с 1808 по 1812 гг.

⁵¹ **А г р и к о л а**—римский полководец I в. н. э. «Жизнь Агриколы» написана Тацитом в 97—98 гг. н. э.; **С а н д р и л ь о н а**—из сказки Перро (русс. Золушка).

⁵² **W i l f o r d** Френсис (ум. 1822)—английский ориенталист. В 1804 г. он обнаружил, что был жертвой мошенничества одного индусского жреца, указывавшего ему на наличие египетских имен в священных книгах Индии; **M a u r i c e** Томас

(1754—1824)—английский историк, автор «Antiquités Indoues» в 7 т. (1791—1793) и «Histoire de l'Indoustan» (1795—1799) в 3 томах.

⁵³ «Смелый род Иапета» (Гораций. I кн. Од, III, 27).

МЕСТР—С. С. УВАРОВУ

Милостивый государь,

С.-Петербург, 2/14 декабря 1810 г.

Неотложные занятия лишали меня до настоящего времени удовольствия ответить на ваше письмо от 27-го. Я это делаю в письменной форме, чтобы быть лучше понятым.

Моя неизменная приверженность к католицизму достаточно известна. По моему мнению, человек, который не ухватится за этот якорь, будет всю свою жизнь колебаться из стороны в сторону. Внешняя сторона этой религии проста и народна, но принцип ее высокофилософичен и полностью согласуется с природой человека.

Протестантизм же я считаю по преимуществу разрушителем¹ или, правильнее говоря, главным врагом этого спасительного принципа; итак, не скрою, что у меня врожденная неприязнь ко всему, что от него исходит. Протестантизм, по моему мнению, я з в а , х и т р о у м н о в ы з в а н н а я для удаления из религии некоторых наростов, которые исчезли бы при помощи простой перевязки. А так как немцы прибавили еще к этой несчастной системе свою извращенную философию, свое отвращение ко всякой догме, свой фальшивый энтузиазм, свою заказную чувствительность, свою страсть к парадоксам и свой отвратительный стиль, то, признаюсь, к моему общему отвращению ко всему, что исходит от протестантов, присоединился еще такой м и з о г е р м а н и з м², что если бы от меня зависело сжечь все, что Германия создала в XVIII веке, я, не колеблясь ни на секунду, поступил бы по примеру Омара³, вполне убежденный в том, что действительные потери (достаточно большие, но вполне возмещаемые) полностью вознаградились бы уничтожением этой отравы. Правда, я мало читал в подлиннике этих немецких учителей⁴, но все-таки некоторых из них я прочел и никогда бы не решился цитировать кого-либо из них с чужих слов, не проверив. Впрочем, у меня есть много способов познакомиться с ними в общих чертах и не читая их. Во-первых, того множества цитат, которые сыплются со всех сторон на человека, отдавшего науке, вполне достаточно для того, чтобы со временем составить собственное мнение. Во-вторых, хотя отдельный ученый-католик может ошибаться в оценке того или другого человека, того или другого факта и т. д., однако, если все они сходятся в оценке какого-либо важного вопроса, им можно верить, их суждение ценнее всякого отдельного мнения. Наконец, к такой оценке я присоединяю мнение разумных протестантов, главным образом—англичан, которые являются чем-то вроде среднего пропорционального между католической строгостью и протестантским «риенизмом» («Rienisme»)⁵.

Уверяю вас, мне нечего менять в высказанном мною мнении об епископе веймарском⁶; я прочел только две его книги: во-первых, его большой труд (заглавие которого невозможно перевести ни на один человеческий язык) «Мысли о философии истории человечества»⁷ и его «Диалоги о Спинозе». Трудно было бы собрать больше преступных сумасбродств, чем их имеется в первом из этих трудов, который явно противоречит повествованию Моисея и всем принципам христианства. Передо мной статья «La Revue des Revues»,

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ С. С. УВАРОВА

„ПРОЕКТ АЗИАТСКОЙ АКАДЕМИИ“

Петербург, 1810 г.

P R O J E T
D'UNE
ACADEMIE ASIATIQUE.

..... Jovet integros accedere foutes
LUGRET.

ST. - PETERSBOURG,
DE L'IMPRIMERIE D'ALEXANDRE PLUCHART et Comp.
1810.

напечатанная в Лондоне в «Anti-Jacobin» (juillet, 1804, № 73). Я в ней читаю: «This infidel divine» (говоря о Гердеде) и дальше: «Herder's system as far as it is intelligible is nothing else than the ancient Pantheism»⁸. Не только общий дух сочинения плох, но все оно полно отвратительных построений, смешанных со всевозможными бреднями современной геологии. Поистине, я не знаю худшей книги.

Вы говорите, что «не одно и то же проповедывать спинозизм и утверждать, что Спинозу плохо знали». Конечно, это не одно и то же в теории и вообще говоря, но на практике это может быть то же самое, и я спешу воспользоваться этим случаем (как говорим мы, дипломаты), чтобы отметить безумие гордыни, первым порождением которой является неверие («initium omnis peccati superbia»)⁹. Какой разумный человек может поверить или даже только допустить, что в течение двух веков Спиноза никем не был понят? Что такой верующий человек, как Бейль¹⁰, который так основательно его опровергал, что такие люди, как Жакело¹¹, Лами¹² и столько других, не поняли его? Что они сражались, подобно Дон-Кихоту, с ветряными мельницами? Что они ошибались до такой степени, что приняли добропорядочного деиста за настоящего пантеиста, и что сам Вольтер (потому что в этом вопросе все мнения сходятся) не ведал, что говорил, когда вложил в уста Спинозы, беседующего с богом, шуточные слова: «Между нами, я полагаю, что вы не существуете».

«Начиная с 1787 года, — говорит Гердер, — произошли большие перемены на философском горизонте Германии. Имя Спинозы, которое было предметом всеобщего отвращения, оказалось поднятым на такую высокую степень почитания, что даже имена Лейбница и других выдающихся гениев (trefflicher Geister) померкли перед его именем (кто может сдерживать свое негодование?). Действительно, в Германии злоупотребляли этой системой под именем трансцендентального спинозизма; что касается меня, — я буду придерживаться золотой середины... Спинозизм ставит

себе целью только свободу и спокойствие духа... и активное блаженство... Спинозизм, в сущности, есть не что иное, как развитие слов св. Павла: «*in ipso vivimus, movemur et sumus*»¹³ (здесь опять нужно большое терпение). Почтенный Спиноза не нуждается в апологии пред мудрыми людьми». И дальше он прибавляет в своем отвратительном германском стиле: «Этот диалог будет ручкой того священного сосуда, из которого он приносит несколько капель на алтарь своей молодости». О! Как же ему не любить Спинозу и не быть ему благодарным, если он публично признает его своим учителем и, не зная, как выразить ему свою благодарность, говорит, что он исходит от Спинозы (по крайней мере, я не знаю, как перевести иначе: «*Wagum ich von Spinoza ausging, lag theils*» etc.).

Впрочем, так как он претендует на умеренность, то и заявляет, что не принимает никакого определенного решения. «Я вовсе не собираюсь, — говорит он, — не имея на то полномочий (в этом, по крайней мере, он прав), стать судьей между двумя партиями. Диалог ничего не решает и не может ни в ком вызвать гнева». «К тому же, — прибавляет достойный епископ, — я вовсе не хочу спорить о божестве» («*Denn über Gott werde ich nicht streiten*»). В самом деле, какая терпимость у человека, который сказал в своем цитированном выше большом труде, что он «недоумевает, как могла возникнуть мысль, что осуществимо распространение одной религии по всей земле, которая кругла и непрерывно вращается». Верх вкуса и благочестия! Боссюэт¹⁴ и даже Кларк, Диттон, Шерлок¹⁵ и другие говорили иначе, и я не думаю, чтобы этим великим людям случилось вопрошать: как возможно представить себе какой-либо предмет вне бога («*fremden ihm zum Verstehen gegebene Objekte*») — предисловие к диалогу). Но веймарские епископы не похожи на епископов Франции и даже на епископов Англии.

Гердер написал этот диалог (*Herders Gott. Einige Gespräche über das Spinoza-System. Gotha, 1800, in 12°*) в 1787 г., и так как предвидел тогда свою близкую кончину, он желал насладиться еще одним прекрасным летом, чтобы окончательно отделать свою «Адрастею»¹⁶, и этой милости «он ожидал от законов природы, поскольку они зиждятся не только на мудрости, осторожности и доброте, но и на внутренней необходимости», а так как ему было «предназначено даже в его жизни* повиноваться необходимости, а не свободной воле, то отсюда следует, что, если его труд угоден вечной истине, она даст ему силы закончить его».

Я кончаю, ибо время драгоценно и для вас и тем более для меня, так как у меня его остается много меньше, чем у вас. Мне бы ничего не стоило умножить количество цитат, но, мне кажется, их достаточно, чтобы ответить на странный вызов, который вы мне бросаете: найти в «любом из трудов Гердера» хотя бы «страницу», «фразу» и т. д. Когда вы мне говорите: «Если бы вы захотели обратиться к источникам» и т. д., вы заставляете меня думать, что, по вашему мнению, я берусь судить о человеке, не зная его. Я знаю очень мало, но я никогда не говорю о том, чего я не знаю основательно. Никогда я не прочел книги, даже альманаха, без того, чтобы не сделать выписок¹⁷, так что, несмотря на мою абсолютную книжную нищету, я все же в состоянии цитировать слова и страницы из тех авторов, о которых говорю. Я читал немцев (по-немецки) меньше, чем других, потому что я принялся за них слишком поздно и не могу

* «*In meinem Leben selbst*». Он хочет, очевидно, сказать: даже в делах своей жизни. Но кто из писателей этой секты знает или умеет выразить то, что он хочет сказать, или хочет сказать то, что он думает?

читать их свободно, но говорю только о тех, которых знаю, и это знание стоило мне тяжелого труда. Мне неизвестен ни один из тех, на которых вы ссылаетесь, кроме Эйхгорна¹⁸, который пользуется репутацией у б и й цы священного писания. Вы заставили меня улыбнуться вашим «возрождением восточной литературы». Я бы хотел посмотреть, как ваши э к з е г е т ы будут сражаться с Беллармином¹⁹, Каппелем, Эрпениусом, Буксторфом, Мараччи, Убиганом²⁰ и др. Мы увидели бы прекрасное зрелище.

Впрочем, никто больше меня не почитает немцев, как ученых. Я восторгаюсь их точностью, их терпением, их глубиной, но я искренне сожалею, что все эти прекрасные качества испорчены безбожным пирронизмом²¹; фальшивым энтузиазмом, духом парадоксальности и необузданной склонностью ко всему причудливому.

Вот все, что я хотел сказать вам, и на этом я кончаю. Я хотел только оправдаться перед вами в подозрении, которого боюсь больше всего на свете, а именно: что я говорю о предмете, которого не знаю. Впрочем, я не могу достаточно выразить мое восхищение перед тем философским доброжелательством, с каким вы приняли мои замечания. Я вижу, что вы прекрасно поняли мои намерения и оценили их по заслугам. Вамнисколько не нужны наставления, но если бы вы даже и нуждались в них, я не имел бы никакого права давать их вам. Лишь видя ваши колебания в некоторых вопросах, я счел возможным выразить пожелание, чтобы вы всецело перешли на одну сторону, и желание это—признак моего уважения. И это неважно, получены ли мои замечания до или после напечатания вашего труда. Ваша работа свидетельствует лишь об избытке таланта, у которого еще много времени, чтобы созреть и показать свои силы.

Остаюсь с полным уважением и почтением, милостивый государь, ваш всенижайший и всепокорнейший слуга

Граф де Местр

Автограф.—Исторический музей, Москва. Альбом «Письма знатных иностранцев к графу С. С. Уварову».

¹ Протестантизм в определении Местра: «восстание индивидуального разума против всеобщего разума», «смертельный враг всякого суверенитета», «религиозный санкулотизм». (Maistre, Oeuvres, VIII, pp. 64, 67 et 97).

² Мизогерманизм—отвращение ко всему германскому.

³ Омар (634—644)—арабский калиф, который после взятия в 642 г. Александрии, согласно позднейшим известиям, достоверность которых сомнительна, сжег ее знаменитую библиотеку.

⁴ Местр начал изучать немецкий язык в Лозанне в мае 1793 г., т. е. в возрасте 40 лет. (Maistre, Carnets, I, pp. 31, 124).

⁵ «Риенизм»—словообразование от *rien*—ничего, для обозначения чисто отрицательного характера протестантизма, как протеста против католической церкви, не создавшего взамен отрицаемого учения ничего положительного.

⁶ Гердер—см. примеч. 17 и 18, 15 и 16 к предыдущему письму и 7 и 16 к настоящему.

⁷ Подлинное наименование этого значительнейшего произведения Гердера: «Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit», Riga, 1784—1791, 4 Bd. Здесь Гердер применяет к истории свою основную мысль о необходимости генетического объяснения умственной жизни человека. Человек—продукт природы, и законы исторического развития таинственны, подобно законам природы. Гердер не допускал возможности сверхъестественного вмешательства в ход исторического процесса и отвергал применение категории цели к объяснению этого последнего.

⁸ «Этот неверующий богослов»... «Система Гердера, поскольку ее можно понять, является не чем иным, как древним пантеизмом».

⁹ «Начало всякого греха—гордыня».

¹⁰ Валуе Пьер (1647—1706)—французский философ и критик, занимал до смерти кафедру философии и истории в Роттердаме. Наиболее известен его «Dictionnaire historique et critique».

¹¹ Jaquetot Исаак (1647—1708)—французский теолог-кальвинист; после отмены Нантского эдикта уехал в Германию и умер пастором в Берлине.

¹² Lamy Бернар (1640—1715)—философ и эрудит, член духовной конгрегации «Оратория», последователь Декарта. Его «Entretiens sur les sciences» (Lyon, 1684, I vol.) «читал и перечитывал сотню раз» Ж.-Ж. Руссо («Confessions», Partie I, Livre VI. Oeuvres, éd. 1839, t. I, p. 228). В своем «Projet d'éducation» Руссо рекомендовал взять «Art de parler» Лами в качестве пособия для изучения диалектики (i b i d., t. V, p. 308). Главный его труд «Apparatus ad Biblia Sacra», I vol., Grenoble, 1687.

¹³ «Мы им живем, движемся и существуем»—из речи апостола Павла к афинянам.—«Деяния апостолов», гл. 17, ст. 28.

¹⁴ Bossuet Жак-Бенин (1627—1704)—знаменитый французский богослов и проповедник, защитник католицизма и борец против протестантизма.

¹⁵ Clarke Самуэль (1675—1729)—английский философ, противник материализма (Гоббса) и Спинозы; Ditton Гемфри (1675—1715)—английский математик и теолог; Sherglock (1678—1761)—английский богослов, лондонский епископ.

¹⁶ «Диалоги о Спинозе» входят составной частью в произведение Гердера «Gott». Кроме указанного Местром издания, см. Werke, 1853, Band 31, SS. 79 und folgende. «Адрастея» (1801). Полное название: «Adrastea. Begebenheiten und Charaktere des achtzehnten Jahrhunderts». Это—очерки истории Европы в начале XVIII века.

¹⁷ Эти выписки Местр делал в особых тетрадах, с которыми не расставался ни в Лозанне, ни в Сардинии, ни в России.

¹⁸ Eichhorn Иоганн-Готфрид (1752—1827)—немецкий ориенталист, профессор Иенского и Гёттингенского университетов, кроме трудов по востоковедению, занимался новой историей и историей немецкой литературы.

¹⁹ Bellarmini Роберто (1542—1621)—итальянский теолог, иезуит, кардинал. Местр изучал его труды с особенной тщательностью.

²⁰ Carrel Луи (1585—1658)—протестантский теолог и эрудит, профессор еврейского языка и богословия в Сомиорской академии; Erpenius (Thomas van Erpen, 1584—1624)—знаменитый голландский ориенталист; Buxtorf Иоганн (1589—1664)—знаменитый немецкий гебраист; Maracci—см. прим. 8-е к предыд. письму; Noubigant Шарль-Франсуа (1686—1783)—известный гебраист и комментатор библии.

²¹ Пиррон (ум. около 270 г. до н. э.)—греческий философ, скептик, проповедывавший, что мы о вещах ничего знать не можем, а потому должны воздерживаться от суждений о них и усвоить себе полное равнодушие.

МЕСТР—С. С. УВАРОВУ

С.-Петербург, $\frac{21}{2}$ марта 1811 г.
апреля

Милостивый государь,

Податель настоящего письма—некий Зихерман, польский еврей из раввинской семьи, несколько лет тому назад принявший христианство. Им интересуются здесь многие почтенные особы; графиня Потоцкая¹ его рекомендовала е. с. графу Алексею Разумовскому², а я по рекомендации герцога Серра-Каприола³, со своей стороны, пытался быть ему полезным у вашего тестя. Впрочем, Зихерман и сам представит вам прекрасные аттестации и среди них от графа Яна Потоцкого⁴, который и со мной говорил о нем с интересом. Граф Разумовский пообещал место этому несчастному человеку, который лишился средств к существованию из-за своего обращения, разгневавшего его родителей; но, конечно, вполне правильно, что это дело было отложено до вашего возвращения, чтобы оно прошло установленным порядком⁵. Разрешите же, милостивый государь, рекомендовать вам этого человека, который давно мечтает получить возможность скромного существования и которому нужно только ваше милостивое ходатайство перед министром. Это будет доброе, полезное и достойное дело.

Спешу воспользоваться случаем, милостивый государь, чтобы приветствовать вас по случаю счастливого возвращения. Как только я узнал

о нем, я распорядился доставить к вам том сочинений кавалера Джонса⁶, который вы любезно мне доверили.

Остаюсь с глубоким уважением, милостивый государь, ваш всенижайший и всепокорнейший слуга

Граф де Местр

¹ Повидимому, жена графа Яна Потоцкого, о котором см. ниже.

² Р а з у м о в с к и й Алексей Кириллович, граф (1748—1822)—министр народного просвещения; на его дочери, графине Екатерине Алексеевне, был женат С. С. Уваров.

³ С е р р а - К а п р и о л а, герцог (1752—1822)—неаполитанский посол при русском дворе, проживший в России свыше 30 лет, был женат на княжне Анне Александровне Вяземской, дочери екатерининского генерал-прокурора.

⁴ П о т о ц к и й Ян, граф (1757—1815)—польский аристократ, писатель-славист. Местр, состоявший с ним в переписке, нередко упоминает о нем.

⁵ Т. е. через Уварова, как попечителя С.-Петербургского учебного округа.

⁶ Д ж о н с—см. прим. 15-е и 40-е к первому письму.

МЕСТР—С. С. УВАРОВУ

12/24 ноября 1812 г.

Я прочел с чрезвычайным удовольствием труд г-на Уварова об елевсинских мистериях. Он с начала до конца написан в превосходном духе и с такой чистотой стиля, что даже самый гордый, как говорил Цицерон, французский слух не сможет найти в нем и легкого следа экзотеризма.

Автор не преминул опереться на текст Цицерона, который всегда казался мне решающим (стр. 44). Читая труд, я ждал этой цитаты¹.

Гейне², огромные познания которого никто не уважает больше меня, хотя он, как и вся его школа, впадает в истерику перед каждой одухотворенной идеей, опровергает мнение Варбуртона³ о VI книге «Энеиды» (стр. 25)⁴. Однако, я не думаю, чтобы английский ученый был не прав или совсем

ESSAI
SUR LES MYSTERES
D'ELEUSIS

Сем. Антике

À S. PETERSBOURG

1812

ШМУЦТИТУЛ КНИГИ С. С. УВАРОВА
„ОБ ЭЛЕВСИНСКИХ МИСТЕРИЯХ“

Петербург, 1812 г.

не прав. Если память меня не обманывает, сам Гейне приводит в этом интересном вопросе аргументы против самого себя. Вергилий сказал: «Mens agitat molem»⁵. Мне кажется, нет ничего менее эпикурейского⁶; все-таки, я оставляю вопрос *in medio*⁷.

Стр. 11. У Гомера нет ни одной мистической идеи⁸—весьма верно и весьма важно. Однако, я не знаю, заметил ли почтенный автор в «Илиаде» несколько образчиков действительно головокружительной религиозной метафизики.

Стр. 27. Автор, как мне кажется, не очень любит этимологию, он готов видеть *v i x* в *P a k s c h a*. Поощряемый такой уступчивостью, я решаюсь сказать ему, смеясь сам над собой и уверенный насмешить и его, что *πάξ* есть просто-напросто *P a x* римлян, язык которых имеет так много сходства с санскритским. Итак, *κβύξ ἔμ πάξ* обозначает желание, бог и мир⁹. Чего только нельзя сделать с этими тремя словами, добавив к ним две-три части речи.

Стр. 55. Прекрасное и правильное замечание о новом «облике политеизма» в эту эпоху¹⁰. Неоплатоники позаимствовали из всех систем понемногу, чтобы создать этот облик и, конечно, не обошли и христианства при этом вынужденном заимствовании. Итак, они принялись *х р и с т и а н и з и р о в а т ь*, что дало повод сначала из хитрости, а затем по невниманию говорить, что христианство *п л а т о н и з и р о в а л о*. А я от всего сердца говорю вместе с остроумным автором: «*exoriare aliquis*¹¹».

Стр. 8. «Малые мистерии бесспорно предшествовали большим». Мне очень хотелось бы увидеть подробное обоснование этого положения, которое, мне кажется, противоречит природе вещей. Всякая «голубая ложа» не может быть, мне кажется, ничем иным, как предварительной степенью «внутренней ложи», и является чем-то в роде подготовительной ступени, где шотландские рыцари готовят учеников¹². Однако, ввиду того, что я не изучал этого внутреннего вопроса, я ничего не утверждаю, а только выражаю сомнение.

Я благодарю автора за сообщение, что блаженный Иероним¹³ упоминает о Будде (стр. 26); я поищу этот текст, взятый, повидимому, из вторых рук.

Стр. 46 и 51. Автор сможет найти в знаменитой речи Демосфена «О государстве» доказательство его глубокого презрения к посвященным и посвящению¹⁴.

Я бы никогда не кончил, если бы захотел детально перечислять все мысли, которые показались мне заслуживающими особенного внимания. Я могу только поощрить автора «голосом и жестом» и просить его продолжать неустанно трудиться. Он никогда не найдет человека, с большей искренностью и доброжелательством его одобряющего и приветствующего, чем я.

Граф де Местр

На особом листке я помещаю список типографских опечаток, чтобы показать автору внимание, с каким я его читал.

Стр. 21. В примечании *φιλοτιμότερον* и т. д. мне кажется невозможным, чтобы здесь в цитату не вкралась ошибка.

Стр. 27. Строка 21 *Vices*. Читай *Vicis* или еще как-нибудь иначе.

» 35. » 11 *apportèse* » *aporrhèse*

» 38. » 20 *ἐπιβώμρ* » *ἐπιβώμος*

потому что исправляющий должность священника при алтаре называется по-гречески *ἐπιβώμος*, а не *ἐπιβώμρ*, что нарушало бы аналогию, а так

как все предыдущие существительные стоят в именительном падеже, то и последнее должно быть тоже в именительном.

Стр. 69. Строка 26. *Tam in antiquis litteris inveniri* и т. д. Нерман должен был бы написать «*Tam in antiquis litteris hospitem*» или еще как-нибудь иначе.

I b i d. Строка 23. *Ebranlée*. Читай *ébranler*
» 8. *κνεράζω* » *κνεράζω*

Адрес: Милостивому государю г-ну Уварову,
камер-юнкеру двора е. и. в.

Автограф.—Исторический музей, Москва. Альбом «Письма знатных иностранцев к графу С. С. Уварову».

¹ Уваров цитирует следующие слова Цицерона, обращенные к афинянам: «Во всем, что произвели и распространили среди людей великолепного и божественного ваши Афины, нет ничего великолепнее мистерий, возвышающих нас от грубой и дикой жизни к истинной человечности: они посвящают нас в истинное начало жизни, потому что они поучают не только жить с удовольствием, но и умирать с лучшими надеждами».

² Н е у п е (1719—1812)—профессор Гёттингенского университета, переводчик Тибулла, Пиндара, Вергилия и других античных писателей.

³ W a r b u r t o n Уильям (1698—1779)—английский прелат, духовник короля и теолог, решительный противник папства. Местр писал про него: «Один из наиболее ожесточенных фанатиков, когда-либо существовавших, основавший перед смертью кафедру для доказательства, что папа—а н т и х р и с т» (*Maistre, Oeuvres, II, p. 389*). Уваров называет его «изобретательным».

⁴ В VI гл. «Энеиды» Вергилия рассказывается о схождении Энея в ад. Уваров, приводя мнение Варбуртона, что эта глава «была точным воспроизведением церемоний и даже тайн доктрины посвящений», со своей стороны, полагает, что Вергилий «был знаком с некоторыми обрядами, применявшимися в мистериях».

⁵ «Мысль приводит в движение массу» («Энеида» Вергилия, VI, ст. 727). Обозначает примат духа над материей.

⁶ Уваров находит, что мировоззрение Вергилия было эпикурейским, т. е. материалистическим и враждебным мистериям, знание которых он почерпнул из чтения философов пифагорейской школы. Между тем, приводимая Местром цитата из Вергилия свидетельствует о его идеалистическом мировоззрении.

⁷ «Посередине», т. е. неразрешенным.

⁸ По словам Уварова, «поэмы Гомера являются, несомненно, самыми древними документами по истории Греции. Нигде он не упоминает о мистериях; более того: у Гомера нет никакого следа мистических идей».

⁹ Уваров указывает, что при окончании богослужения в Элевсине молящихся отпускали со словами: *κονέβιμα*. Слова эти, по его мнению, санскритского происхождения и употребляются браминами при окончании религиозных церемоний. Это—*K a p s k a* (предмет наших наиболее сильных желаний), *O m* (односложное слово, употребляемое индусами в начале и конце церемоний) и *P a k s h a* (соответствует латинскому слову *v i x* и означает перемену, поворот, ряд, строй и т. д.).

¹⁰ Уваров говорит, что политеизм в последнее время своего существования хотел побить христианство его же оружием: «сторонники политеизма пожелали облагородить свою веру, придав ей моральное величие, которого она никогда не имела».

¹¹ *E x o r i a r e a l i q u i s n o s t r i s e x o s s i b u s u l t o r*—да восстанет когда-нибудь из наших костей мститель («Энеида», IV, ст. 625).

¹² По мнению Уварова, эпоха наибольшего развития малых мистерий—это эпоха организации греческих республик. В дальнейшем речь идет о масонских ложах шотландской системы. Около 1735 г. в старом английском масонстве наступило разложение. Недовольные легкомысленным характером, какой в это время имели масонские организации, отделились и стали создавать свои ложи, назвав себя последователями шотландской системы. При этой системе в масонстве было создано большее, чем прежде, количество степеней, причем участникам низших степеней, так называемых «голубых лож», внушалось, что высшие степени открывают какие-то таинственные, доступные лишь немногим истины. Местр с юного возраста был масоном. В 1778 г. он покинул ложу «Trois Mortiers», к которой принадлежал, и примкнул к шотландской системе. Об отношении Местра к масонству см. (1) *G e o r g e s G o u a u, La pensée religieuse de J. de Maistre, P., 1921*; (2) *E m i l e D e r m e n g h e m, J. de Maistre mystique,*

P., 1923; La Franc-Maçonnerie, P., 1929; (3) Auguste Viatte, Les sources occultes du romantisme. 2 vol., P., 1926; (4) Paul Vulliaud, J. de Maistre franc-maçon, P., 1926; Les Rose-Croix Lyonnais au XVIII siècle, P., 1929; (5) René J o h a n n e t, Joseph de Maistre, P., 1932; (6) F. V e r m a l e, J. de Maistre franc-maçon («Annales révolutionnaires», 1912); La Franc-Maçonnerie Savoisienne à l'époque révolutionnaire, P., 1912; Lettre de J. de Maistre au baron Vignet des Etoles sur la Franc-Maçonnerie. 1793 («Annales historiques de la Révolution Française», 1934); L'activité maçonnique de J. de Maistre («Revue d'hist. litt. de la France», 1935).

¹³ Блаженный Иероним—христианский «святой» IV в.; перевел с греческого языка на латинский труды церковных писателей Оригена и Евсевия.

¹⁴ Уваров ссылается на речи Демосфена, как на доказательство морального падения людей его эпохи, оразившегося и на мистериях, в которые теперь посвящали даже куртизанок.

МЕСТР—С. С. УВАРОВУ

Милостивый государь,

С.-Петербург, 10/22 декабря 1813 г.

С большим удовольствием прочел и перечел я ваш труд, который вы так любезно прислали мне¹. Я нахожу, что он столь же хорош по мысли, как и по форме, и не знаю, как благодарить вас за то значение, которое вы придаете моему слабому суждению. Самая тема книги представляла существенные трудности, которые доставят вам, быть может, некоторые огорчения. Но, поскольку трудности эти не зависят от вас, я советую вам не обращать никакого внимания на критику, которая последует. Я более подробно говорил об этом с одной доброй и почтенной дамой—моим другом, а она, вероятно, в свою очередь, будет говорить с вами об этом, и поэтому я ничего больше не прибавлю.

Письмо к императору вполне достойно труда, который оно сопровождает. Стиль его так же благороден и чист, как и мысль². Я не сомневаюсь, что е. и. в. останется очень доволен сочинением.

Считайте меня неизменно в числе лиц, наиболее интересующихся вашим талантом и вашими успехами, и примите самое искреннее уверение в привязанности и глубоком уважении, с которым честь имею быть, милостивый государь, ваш всенижайший и всепокорнейший слуга

Граф де Местр

Автограф.—Исторический музей, Москва. Альбом «Письма знатных иностранцев к графу С. С. Уварову».

¹ Речь идет, конечно, о работе Уварова: «Eloge funèbre de Moreau», St.-Petersbourg, 1813. Моро Жан-Виктор-Мари (1763—1813)—французский генерал, участник революционных войн, противник Наполеона, изгнанный им из Франции в 1804 г. за участие в заговоре Пишегрю. После этого Моро жил в Америке, откуда вернулся в 1813 г. и принял участие в войне против Наполеона. В сражении под Дрезденом он был смертельно ранен. Местр писал Блакасу 24 августа 1813 г. о возвращении Моро, что этот человек во многом виноват, но «может более всех содействовать восстановлению короля Франции» (см. E. D a u d e t, pp. 257—258).

² Очевидно, Уваров послал свою брошюру Александру I при письме, которое показал Местру; это единственное, что можно здесь предположить, так как печатный текст брошюры не содержит в себе никакого письма.

МЕСТР—С. С. УВАРОВУ

Милостивый государь,

С.-Петербург, 17/29 июня 1814 г.

Наконец-то я могу присесть и спокойно поблагодарить вас за присланные вами вчера замечания, в равной мере мудрые и любезные, по поводу моего небольшого труда, который я поспешил послать вам¹.

Могу вас уверить, что вы доставили мне величайшее удовольствие: «Veniam petimus debimusque vicissim»². Я даже не представляю себе, чтобы можно было наслаждаться одной похвалой без критики. Каким образом, скажите, тот бедняк, которого хвалят, мог бы почерпнуть уверенность в искренности похвал, если бы их не подкрепляла критика?

Я хочу пересмотреть вместе с вами те места, которые вызвали ваши замечания.

Пропускаю § VII³, потому что вы находите его достаточно исправленным или объясненным § XII-м. Говоря: «написанное—ничто», я хотел только сказать, что без такой прекрасной одухотворенности, без этого не-написанного духовного добавления все было бы напрасно и т. д.

Вы желали бы, чтобы я подробнее развил §§ XVII и XVIII⁴. Это невозможно, милостивый государь, подумайте хорошенько: ведь мне пришлось бы сделать целую книгу из этих двух глав. В произведениях, которые трактуют о массе разных предметов, нужно особенно заботиться о пропорции и выбирать только то, что я называю светящими точками. Я питаю большую нежность к § XVII, который вызвал возглас одобрения вашего любезного и остроумного друга—г-жи Свечиной. Она увидела в нем то самое, что мне хотелось в него вложить,—важную истину, выраженную нежно и патетически⁵; вы же увидели в нем только слишком сжато высказанную мысль. Я очень уважаю вас обоих, что же мне думать? Подождем впечатления большинства читателей.

Я признаюсь вам в своих слабостях. Место, где я при помощи Платона беру протестантизм за шиворот, одно из тех, где я особенно доволен собой⁶. Я вижу, что вы его не отметили. Это дело такта, тут уж ничего не скажешь. Друзья, о которых вы мне говорите, считают, что § XXII⁷ «является спорным». О, конечно! Надеюсь, вы не считаете меня слишком самонадеянным человеком. А я был бы самонадеянным и даже очень самонадеянным, если бы имел претензию убедить. Не знаю, может ли вообще человек быть настолько счастливым, чтобы хоть раз в жизни услышать о себе, а тем более сказать самому себе, что он прав. После того, как случается хорошо поспорить и многое опровергнуть, идешь спать, и совесть, которая никогда тебя не покидает, располагается рядом; тогда вспоминаешь, пока гордость спит за отсутствием зрителей, весь свой день: «Я читал, я слышал сегодня то-то и то-то... Я хвалился, я отрицал вот то и утверждал вот это. Я назвал такую-то вещь так-то. А уж не глупец ли я?». И почтенная дама, которая всегда тут и никогда не спит, отвечает вам: «Да, дорогой мой, это именно так».

В делах такого рода настоящий писатель не должен простираť свои претензии за пределы этих ночных успехов. Он должен был бы потерять рассудок, чтобы желать публичных покаяний.

Мне кажется, что я крепко схватил протестантизм поперек туловища, но я обнял его в обоих смыслах этого слова⁸. Я назвал его «благородным врагом, милым противником». Я с любовью заклинал его «принять во внимание» и т. д.⁹. Мне кажется, что я поступил, как надо, что я уверен в полной своей добросовестности. Я всегда прекрасно уживался с протестантами, у меня есть среди них хорошие друзья. Я часто задумывался над вопросом об услугах, которые мог оказать протестантизм. Не так давно я писал: «Он может быть превосходным лекарством, хотя ничего не стоит, как пища»,—нет ничего более верного. Тысячи честных людей

обязаны жизнью и здоровьем сулеме; но из этого вовсе не следует, что из нее нужно варить суп.

Реформа, мой любезный и ученый друг, нечто очень реальное, но она вся заключена в огромной главе постановлений Тридентского собора—«De reformatione». Среди нас—вот где произошла реформа, и, с этой точки зрения, большое спасибо сулеме! Когда некоторая часть человечества откалывается от христианского единства под предлогом реформы, оно само деформируется, а нас реформирует¹⁰.

Это изречение вернее оракула Калхаса.

Вы делаете мне честь, когда находите §§ XXVIII и XXXV красноречивыми. Между тем, первый является только переходным. Мое тщеславие, у которого глаза более зорки, чем у меня самого, не сумело найти в них того, что послужило предметом вашего одобрения¹¹.

Мы подходим теперь к этому ужасному примечанию на стр. 66¹², которое причинило вам столько огорчений. Но позвольте мне выразить in limine¹³ крайнее удивление относительно странного подозрения, возникшего у вас по этому пункту. Откуда, скажите на милость, взяли вы, что я говорю здесь о Пор-Роаяле? Nemmeno per ombra¹⁴. Разве дом есть секта? Как католик, я имею право осуждать янсенизм¹⁵, как всякую другую ересь. Он так же был предан анафеме, как и другие ереси; этим все сказано. Однако, я признаюсь, что питаю особое отвращение к ереси Янсения, потому что она в одно и то же время самая ужасная, самая нелепая и самая низкая из всех. Я ненавижу фальшь и лицемерие, которые положены в ее основу. Еще недавно я писал: «Протестант—это военный, и, как всякий другой военный, он среди бела дня идет приступом на крепость, которую я защищаю; но янсенист—это солдат взбунтовавшегося гарнизона, он наносит мне удар кинжалом в спину в то время, когда я выполняю свой долг на валу». Если Пор-Роаяль пропитался этой системой, тем хуже для него. Но когда я говорю «гносная секта», я даю лишь полную и хладнокровную оценку самой ереси, не называя и не помышляя даже о том или ином объединении, которое имело несчастье выпить из этого кубка¹⁶.

Я в должной мере уважаю Паскаля, устраняя, однако, из его облика все наносное, все, чем наделила его чрезвычайно могущественная и активная партия. Я не могу судить о нем, как о математике; однако, я имею право смеяться над его циклоидой, которая даже на мгновение не остановила на себе внимания иностранной науки. Я считаю его познания превосходными для того времени¹⁷. Это сказал Лейбниц: вынужденный сослаться на авторитет, я не нахожу лучшего. Как теолога, я уважаю его так же, как Аббадия, Кларка, Диттона, Шерлока, Леланда и т. д.¹⁸. Пожаловаться на меня он не может.

Смешной педантизм и крайняя посредственность Пор-Роаяля¹⁹ не подлежат больше сомнению, равно как и то, что он нанес смертельные удары церкви, государству и литературе. Когда вы сами изрыгнете XVIII век²⁰, вы не будете больше в этом сомневаться; но это вещь не легкая*.

Я не возражаю против вашего суждения о конце § XXXVI²¹, в нем действительно замечается некоторая запальчивость. Будем только называть вещи точными именами. Д у х п а р т и и вовсе не одно и то же,

* Это может показаться несколько дерзким, но не переделывать же столько страниц? Пожалуйста, зачеркните это.

что дух секты. Они различаются так же, как род и вид. Иезуит—это янычар католической церкви, восторженный приверженец христианского единства. Дух, присущий этому, даже в своих заблуждениях диаметрально противоположен духу секты, и эта черта и отличает главным образом этот орден от секты или корпорации, с ним соперничающих. Пусть, сколько угодно, обвиняют иезуитов, пусть направляют против них десятки тысяч *in folio*, все равно, придется признать очевидную, как солнце, истинность того факта, что орден никогда не противился ни одному постановлению власти церковной или гражданской. Мы видели тому поразительный пример в знаменитом вопросе о китайских обрядах. Мнения самых уважаемых лиц (в том числе и Лейбница) были на их стороне. Очевидная польза для дела, интересы ордена, дух партии, гордость, принятые обязательства, явная надежда на успех, словом, все, что может ослепить человека, все объединилось, чтобы побудить их к сопротивлению; однако, они подчинились—все, как один, и тотчас же и навсегда. Я не говорю уже об их книгах и об их выступлениях вонне, но даже в интимной дружеской беседе мне часто приходилось говорить им: «Возможно ли?» И всегда мне отвечали: «Не стоит поднимать этот вопрос; власть высказалась, надо подчиниться»²².

Не читали ли вы когда-нибудь письмо знаменитого Ла Нёвиля²³, относящееся к моменту упразднения ордена? Ничего нет прекраснее и трогательнее. «Будьте осторожны,—говорит он своим собратьям,—не надо ни жалоб, ни упреков. Проведем в жизнь то, что мы проповедывали» и т. д.

А на ряду с этой покорностью, посмотрите на Паскаля, который, выказывая неуважение к галликанской церкви и папскому престолу, позволяет себе писать дословно следующее: «То, что осуждено в совете корбля, одобрено на небесах». Прекрасный католик!

Я сказал, что иезуиты воспитали весь век Людовика XIV²⁴, как я бы сказал, например, что «весь Петербург ждет е. и. в.»²⁵, хотя кучке негодяев и еще гораздо более многочисленной толпе равнодушных до этого нет никакого дела. Однако, и в данном случае я готов признать свою вину и, если это выражение кажется общим, я охотно смягчу его.

По поводу декларации 1682 г. я скажу вам очень немного. Я знаю, что этот презренный и опасный клочок церковной истории насчитывает еще много сторонников²⁶. Я сумел бы расправиться с ним, если бы был к тому призван, но один разум без союзников бессилен или почти бессилен.

Совесть внушила галликанской церкви изъять эту декларацию из своих регистров²⁷. В ожидании лучшего, удовлетворимся этим немым приговором. Ваш француз (кто бы он ни был) просто не знает, в чем дело, я в этом уверен. Впрочем, говоря, что он не знает, я вовсе не хочу сказать, что он невежествен. Будьте осторожны! Это совсем не одно и то же. Я не желаю никого оскорблять, даже людей мне неизвестных. Тем не менее, я думаю, что, когда законная власть посылает преступника на виселицу или на каторгу, [я] отнюдь не оскорбляю, говоря: «Вот ведут мошенника».

В заключение вы заверяете меня, что вы не протестант, не иезуит, не янсенист, не иллюминат. Не иезуит и не иллюминат—с этим я согласен. Не протестант и не янсенист—прошу прощения, но этого признать не могу. Вы протестант не вполне и не яв-

ным образом, но больше, чем сами думаете, и это неизбежно, в силу непреодолимого закона божественного... [не разобрано].

В связи с этим мне пришла в голову счастливая мысль. Напишите мне письмо, не говорю п р о т и в (вы этого не сможете и не захотите), но п о п о в о д у места, которое вас так испугало в моем сочинении. Может быть, достаточно было бы придать письму, которое вы сделали честь мне написать, п л ю щ а р о в с к у ю ф о р м у²⁸. А в конце концов, поступайте, как хотите, я вам отвечу. Мы могли бы озаглавить этот спор, как спор Лимборха и Оробио, *Amica collatio*²⁹, соблюдая в нем все формы хорошего тона, все знаки внимания, что так естественно между двумя светскими людьми, любящими и уважающими друг друга. Я не сомневаюсь в том, что спор всем бы понравился и был бы даже очень полезен.

Размышлял я также над письмом под заглавием «Письмо иностранного посланника к русскому дворянину по поводу» и т. д.³⁰ (оно касалось бы одного из самых важных вопросов вашего публичного права). Вы бы ответили на него, что вам заглагорассудилось, но нужно выбирать; нам не следует, как говорится, гнаться за двумя зайцами сразу.

Вы заканчиваете свое превосходное письмо, со свойственной вам остротой ума, вопросом, повергшим меня в трепет, подобно тростнику. «Как вновь подняться на Синай?». Если бы вы просто спросили меня, как взобраться, я не знал бы, что ответить. Но на вопрос, как вновь подняться, я отвечаю с редким глубокомыслием: в н о в ь в з о й д я. Каждый человек, который спустился, может вновь взойти по пройденному откосу, лишь бы человек был жив. Но, если он сбросился вниз? Можно соорудить перила или поставить лестницы. Но если он переломал себе ноги? Пусть вылечится. Но если он безногий калека? Пусть заставит людей, которые наверху, втащить себя,—одним словом, никогда не надо отчаиваться. Но я хорошо вас понимаю и высоко вас ценю. Позвольте на сегодня закончить уверениями в моей благодарности, желании вступить с вами в умственное общение и в чувствах самого истинного уважения и привязанности, с которым остаюсь весь ваш

Местр

Адрес: Милостивому государю господину Уварову,
камер-юнкеру двора е. и. в.,
куратору Санктпетербургского университета.
В его деревню.

Автограф.—Исторический музей, Москва. Альбом «Письма знатных иностранцев к графу С. С. Уварову».

¹ Речь идет о сочинении «*Essai sur l'origine divine des constitutions*», начатом Местром еще в 1793 г. в Лозанне и оконченном в 1809 г. в Петербурге. Только пять лет спустя Местр решил напечатать эту работу, находясь, по его словам, «в состоянии раздражения против конституционного бешенства своего века» в связи с опубликованием во Франции конституционной хартии 1814 г. (*Maître, Oeuvres*, XIII, p. 41). Печатание этой брошюры предполагалось в Петербурге, почему она должна была пройти через цензуру, подчиненную Уварову, как попечителю учебного округа. Уваров сообщил автору свои замечания, и настоящее письмо является ответом на эти замечания. «Читая мою брошюру, вы заметили,—писал Местр по выходе ее в свет,—единственное и мягкое исправление, которого потребовала от меня полупротестантская цензура» (*ibid.*, XII, pp. 437—439). В 1814 г. «*Essai*» было переиздано во Франции (в одной книге с новым изданием «*Considérations sur la France*»). Французская цензура усмотрела в этой работе косвенное порицание Людовика XVIII, только-что утвердившего хартию. Более того, хвала по адресу Неккера (в § VIII «*Essai*»), которого эмигранты считали

ответственным за революцию 1789 г., должна была показаться особенно несвоевременной. «Essai» не понравился в высших кругах. Это повлекло за собой неблагоприятные последствия для самого Местра. В то время, когда его друг Блакас становился наиболее влиятельной фигурой во французской политической жизни, Местр был вправе рассчитывать, что Людовик XVIII вознаградит его за услуги, оказанные им во время эмиграции, предоставлением какой-нибудь высокой должности. Но ничего подобного не произошло. Несвоевременная публикация «Essai» была предложением, оправдывающим королевскую неблагодарность.

¹ «Мы сегодня проявляем терпимость, а завтра сами нуждаемся в ней» (Г о р а ц и й, *Ars poëtica*).

² Параграф VII объясняет, что английская конституция не есть писанная конституция. «Настоящая английская конституция заключается в том общественном духе, удивительном, единственном, непогрешимом, выше всякой похвалы, который ведет все, который спасает все. Написанное—ничто».

³ Параграф XVII касается вопроса об объединении церковью протестантской и католической, более всего занимавшего Местра. См. F. V e r m a l e, J. de Maistre émigré, livre VI—«Le rêve religieux de J. de Maistre».

В параграфе XVIII, говоря об образе правления во Франции, Местр доказывал, что Франция, как страна плотно населенная, должна быть государством монархическим. Это положение было очень популярно в XVIII веке.

⁴ Местр в своем «Mémoire sur la Franc-Maçonnerie adressé au duc de Brunswick» (éd. Emile Dermenghem, I vol., P., 1925) высказал еще в 1782 г., что целью франкмасонства является осуществление внецерковной иерархии единства христианства, т. е. объединение католицизма, протестантизма и православия.

⁵ Это параграф XIX: «Тот, кто воображает, что может построить на одном писании ясную и устойчивую доктрину,—большой глупец».

⁶ Параграф XXII нападает на протестантизм: «Мы одни верим в слово, тогда как наши милые противники [протестанты] упорно верят только в п и с а н и е».

⁷ E m b r a s s e г—значит не только «обнять», «поцеловать», но и «объять», «охватить».

⁸ Параграф XXII оканчивается следующей фразой: «...ожидая всегда с трогательным нетерпением минуты, когда его сторонники, выведенные из заблуждения, бросятся в наши объятия, открытые им уже около трех столетий».

⁹ Т р и д е н т с к и й с о б о р (1545—1562) провозгласил незыблемость всех догматов католицизма и осудил вероучения протестантов; вместе с тем, на соборе разработан ряд мероприятий по поднятию церковной дисциплины, улучшению духовного образования и т. д.—это Местр и называет реформой.

¹⁰ Параграф XXVIII резюмирует любимую мысль Местра: «Человек не может сделать конституцию, и никакая законная конституция не может быть написана». Параграф XXXV содержит похвалу миссионерам вообще и миссионерам-иезуитам в особенности.

¹¹ Параграф XLI (M a i s t r e, Oeuvres, I, p. 280, note), где Местр говорит о Паскале и «его гнусной секте».

¹² «На пороге», т. е. вначале.

¹³ «Нет и тени», т. е. нет и намека на это.

¹⁴ Я н с е н и з м—секта в католической церкви, основанная голландским богословом Янсением (1585—1638). Основным догматом янсенизма было отрицание свободы воли и вера в предопределение. В этом янсенисты сходились с протестантами кальвинистского толка. Янсенисты основали в Пор-Роаяле кружок антииезуитского направления.

¹⁵ Местр воспроизвел впоследствии всю свою аргументацию против янсенизма в книге «Du Rare», пятый раздел которой должен был называться «De l'Eglise Anglicane» и был издан отдельно под этим названием в 1820 г. (M a i s t r e, Oeuvres, III).

¹⁶ П а с к а л ь Блез (1623—1662)—сторонник янсенизма и Пор-Роаяля. Против иезуитов были написаны им «Lettres provinciales» и «Apologie des Casuistes», кроме того, имели большое значение его «Pensées», написанные в защиту религии. Именно это его произведение внушало Местру то уважение, о котором он здесь говорит. Паскаль в юности определился, как талантливый математик. Его исследование о ц и к л о и д е имело большой успех и оказало влияние на Лейбница. В главе «Eglise Anglicane», посвященной Паскалю и озаглавленной «Pascal considéré sous le triple rapport de la science, du mérite littéraire et de la religion», Местр писал: «Паскаль (говорит Лейбниц) открыл несколько глубоких и необычайных для того времени истин о циклоиде... и предложил их в виде проблемы; но Wallis в Англии и P. Lallouère во Франции и еще другие нашли средство их разрешить» (M a i s t r e, Oeuvres, III, p. 54).

¹⁷ A b b a d i e Жак (1654—1727)—протестантский теолог, род. во Франции, жил

и работал в Германии и Англии. Его труды имели одинаковый успех у католиков и протестантов; Le Land Джон (1691—1766)—английский теолог, известный своей полемикой против атеистов и деистов; об остальных см. примеч. 15-е к письму от 14 декабря 1810 г.

¹⁹ См. аналогичный отзыв в «Eglise Gallicane» (Maistre, Oeuvres, III, pp. 29—30).

²⁰ «Я изрыгну тебя, говорит писание, обращаясь к равнодушию» (Maistre, Oeuvres, III, p. 30).

²¹ Параграф XXXVI весь посвящен восхвалению ордена иезуитов.

²² Иезуиты-миссионеры в Китае при пропаганде католицизма шли на ряд послаблений китайцам-язычникам, как-то: выпустили 2-ю заповедь, допускали почитание предков и поклонение их теням, давали крещеным языческие имена, разрешали браки с 6—7-летнего возраста, а при совершении браков—языческие обряды. Против таких уступок восставали францисканцы и доминиканцы. Иезуиты отстаивали свою позицию. Отношение Рима все время менялось в зависимости от влияния той или другой стороны. Борьба длилась более ста лет, пока, наконец, в 1742 г. булла папы Бенедикта XIV не запретила окончательно всякие уступки (И. Н. А., Исторический очерк католической пропаганды в Китае. Казань, 1885, стр. 17—19). Местр аналогичным образом характеризует иезуитов в «Eglise Gallicane»: они—«янычары католической церкви» (Maistre, Oeuvres, III, p. 61), «никогда никакая власть не видела их неповинующимся» (ibid., p. 207).

²³ La Neuville (1692—1775)—провинциал ордена иезуитов, автор «Observations sur l'Institut de la Société de Jésus» (1761). Вместе со своим братом он был одним из наиболее знаменитых ораторов-иезуитов XVIII в.

²⁴ Ср. Maistre, Oeuvres, I, p. 374.

²⁵ Т. е. Александра I из-за границы после победы над Наполеоном.

²⁶ Декларация церковного собора 1682 г. во Франции, провозгласившая принципы так называемого галликанизма, т. е. известной независимости французской церкви от папы. Признавая главенство папы, декларация, однако, заявляла, что его власть ограничена соборами. Местр обстоятельно коснулся этой декларации в письмах к Блакасу в 1817 г. См. Daudet, p. 223 et suiv.

²⁷ См. в «Eglise Gallicane»: «Известно, что все постановления французского духовенства были внесены в огромное и драгоценное собрание его Записок (Mémoires)... Столь знаменитая, столь важная декларация, прогремевшая во всей Европе, была исключена и никогда не была внесена в это собрание» (Maistre, Oeuvres, III, p. 147).

²⁸ Придать письму плюшаровскую форму («une forme pluchartique»)—т. е. напечатать его. Плюшар—издательская и типографская фирма в Петербурге, издавшая, между прочим, брошюру Местра, о которой идет речь в настоящем письме.

²⁹ Van Limborch Филипп (1633—1712)—голландский теолог; Orobio Исаак-Бальтазар (1616—1689)—испанский философ и врач еврейского происхождения, эмигрировавший в Амстердам вследствие преследования евреев в Испании. Они вели между собою полемическую переписку о христианстве и иудействе в дружественном тоне. Ван Лимборх опубликовал ее под заглавием: «De veritate religionis christianae a mica collatio erudito judaico» (1687).

³⁰ Любимая Местром форма для его публицистических выступлений.

С. С. УВАРОВ—МЕСТРУ¹

[С.-Петербург] $\frac{19 \text{ июня}}{1 \text{ июля}}$ 1814 г.

Я много размышлял о письме, которое вы, граф, сделали мне честь написать, и считаю нужным, прежде чем предавать в той или иной мере наш спор гласности, вернуться к одному вопросу, который я не мог в моем первом письме развить с должной полнотой.

Различие в нашем положении неизбежно заставляет нас совершенно по-разному рассматривать янсенизм и иезуитов. То, что вы изучали, как важный и почти основной вопрос вашей веры, было для меня только вопросом, представляющим, правда, крупный интерес, но интерес чисто исторический и философский и даже, если хотите, археологический. Я всегда придавал большое значение изучению различных видов церковной истории. Я почти не знаю другой отрасли человеческого знания, которая привлекала бы меня больше, чем

теология; она всегда казалась мне торжеством человеческого ума; я пытался изучать ее по источникам и, насколько это было в моих силах, вносил в это изучение дух, отрешенный от всякой предвзятости и свободный от предрассудков, обычных у светских людей; но если вы, как член римско-католической церкви, имеете право предавать анафеме янсенистов и с полным убеждением становиться на сторону иезуитов, то я, как член греческой церкви, имею право спокойно пройти между обеими партиями и даже считать и ту и другую народами на религиозной системе Европы; одним словом, подвергнуть хладнокровному исследованию то, что вы можете рассматривать только сквозь призму религиозного чувства. Не делайте отсюда вывода, что я не отдаю целиком и полностью справедливости вашей точке зрения; я просто хочу обратить ваше внимание на то, что а priori мы должны видеть разные стороны этого вопроса.

Это вступление относится, естественно, и к моему замечанию к странице 66 вашего красноречивого труда. Я ясно видел, что название «гносной секты» относилось именно к самому янсенизму; но я ограничился упоминанием о Пор-Роаяле, и противопоставил его противникам с точки зрения народного просвещения. Было бы неуместным с моей стороны защищать секту, покинутую всеми здравомыслящими людьми и самое название которой следовало бы избегать произносить, чтобы не будить воспоминания о времени, постыдном для всех партий. Итак, отнюдь не следует касаться темного вопроса о благодати². Оставим в покое блаженного Августина и даже этого бедного епископа ипрского, который и не подозревал того, что он зажигает факел гражданской войны³. Пять тезисов были осуждены всеми и даже Арно⁴. С этих пор вплоть до чуда диакона Париса⁵ следует непрерывный ряд слабостей, взаимных насилий, нелепостей всякого рода, злоупотреблений властью, недоразумений; все это, вместе взятое, причинило, без сомнения, много зла Франции и галликанской церкви.

Пор-Роаяль, по моему мнению, является одним из учреждений Франции, принесшим веку Людовика XIV больше всего славы и добра; мне совершенно непонятно, какое зло причинила литературе конгрегация, давшая Расина, Паскаля, Лансело⁶, Арно, Лемэтра⁷ и других.

Если вам угодно будет сделать из этого простого и полного изложения моих чувств вывод, что я заражен янсенизмом, то я приму наименование янсениста, как принимал в своей жизни и многие другие. Умеренность характера и принципов создает наибольшее количество врагов и является свойством, которое легче всего не признавать.

Я всегда хвалил протестантам красоты католической системы; я постоянно указывал им, что протестантизм не представляет собой ни церкви, ни государства, что он только конвульсия человеческого разума, и они объявили меня католиком. Католикам же я говорил, что злоупотребления их системы естественно привели к протестантизму; и они считают меня протестантом. Мне случалось давать в полусерьезной и полуиронической форме отпор иллюминатам, и они заклеили меня наименованием неверующего и современного философа. Наконец, вы считаете меня янсенистом, потому что я отказываюсь предавать анафеме Пор-Роаяль. *Quot capita, tot sensus*⁸.

Считая себя на стороне этих добродетельных и несчастных отшельников, я в то же время готов отдать и е з у т а м дань уважения, которой они заслуживают. Если бы господа из Пор-Роаяля или вообще янсенисты умели, подобно иезуитам, подчиняться гражданской и церковной власти, их роль была бы благороднее, чище и более христианской. Эта покорность общества Иисуса является одним из наиболее прекрасных деяний, которыми отмечена его история. Если прибавить к этому о г р о м н ы е услуги, оказанные им народному просвещению, миссионерство, Парагвай⁹—этого хватит, чтобы стереть обвинения, которые могли бы предъявить к нему правительства за его неустанное властолюбие, за его алчность, за дух интриги, делавший его наушником при королях, за его богословские крайности, за лукавство, за умственное притворство и т. д. и т. д. Эти обвинения—отнюдь не обвинения XVIII века. Когда иезуиты были изгнаны из Франции в 1594 г., из Венеции в 1606 г., из Англии в 1604 г., им приписывали политические преступления¹⁰, и это обвинение, справедливо ли оно или ложно, не имеет ничего общего с «Системой природы»¹¹. Вынося столь суровый приговор тем, кто осудил иезуитов, вы выступили не только против светской, но и против самой церковной власти. А чтобы вас не шокировала свобода, с которой я говорю, еще раз прошу вас помнить, что святейший Синод не давал мне никаких предписаний по этому вопросу.

Я часто отмечал, раздумывая над этой столь избитой антитезой—иезуиты и янсенисты, что, разбирая их распри или становясь в них на ту или другую сторону, многие ограничивали этим свои исследования. Мало внимания было обращено на монашеский орден, неизмеримо более почтенный, более мудрый, более знаменитый, который не интриговал, не поставлял духовников королям, не занимался спорами о благодати, но сохранял в тиши любовь к высшим знаниям и поднимал целину истории, как и ланды Франции; я говорю о бенедиктинцах, в частности, о конгрегации святого Мавра, бессмертной конгрегации, настоящей гордости французской церкви; мирная, скромная и добродетельная конгрегация, которая сумела оградить себя от всяких крайностей и приобрести всеобщее одобрение; чья память распространяет еще аромат святости и знаний, которых больше не встретишь, конгрегации, о которой невозможно думать без умиления. Я не знаю ничего более прекрасного, более религиозного, более полезного, чем эта община. В этом-то отношении монашеские ордена и спасли мировую цивилизацию. Лицемерие и чудеса господина Париса казались весьма ничтожными по сравнению с такими заслугами¹².

Разрешите добавить еще одно соображение, чтобы не было никаких недоразумений. Если бы я был католиком, я старался бы теперь уничтожить даже самый след этих постыдных раздоров. Перед римской церковью лежит целый новый мир, который она может завоевать или потерять. Ничто не послужило, мне кажется, ей в такой степени на пользу, как последние годы XVIII и первые XIX веков. Она очистилась в горниле страданий, и венец мученичества ей очень к лицу. Все умы стремятся к одному общему центру, многие сами того не подозревая, но довольно равномерно, хотя и разными и даже противоположными путями. Крещение кровью, которого другое крещение является только прообразом, умиротворило человеческий род; но во многих странах, где процветала католическая религия, остались одни развалины. Перед ней открывается

обширное поприще. Пусть она отбросит остатки заблуждений и запальчивости, от которых еще не очистилась, свои мелкие раздоры, свои низменные слабости, свои исчерпанные споры, свои старые претензии и возьмет лиру Орфея, которой так хорошо пользовались парагвайские миссионеры. Она говорит с дикарями среди цивилизованного мира . . .

[С. Уваров]

¹ Это письмо печатается по копии, сообщенной в выдержках редакции «Литературного Наследства» директором Bibliothèque Slave в Париже г. Руэ де Журнелем. Как пишет г. Руэ де Журнель в письме в редакцию от 16/XII 1935 г., он лично снял эту копию с подлинника, хранящегося в семейном архиве графов Местр, несколько лет тому назад, когда работал над биографией С. П. Свечиной, причем опустил несколько отдельных фраз, не представлявших, на его взгляд, никакого интереса. Восстановление в настоящее время этого документа полностью встретило затруднение в том, что семейство Местров переменяло место жительства и живет теперь вдали от Парижа. Публикуемое письмо является ответом на предыдущее письмо Местра от 17/29 июня 1814 г.

² Имеется в виду основное положение янсенизма, заимствованное у Августина, что «спасение» человека совсем не зависит от его дел, а только от «силы божественной благодати».

³ Янсений был епископом в Ипре в 1636—1638 гг.; главное сочинение его (об учении Августина) было напечатано уже после его смерти: из этой книги его противниками иезуитами были извлечены пять тезисов янсенизма, осужденные в 1649 г. Сорбонной.

⁴ Arnaud Антуан (1612—1694)—знаменитый теолог, один из главных деятелей янсенизма и Пор-Роаяля, полемист против иезуитов («De la fréquente communion») и протестантов («Perpétuité de la foi» etc.).

⁵ Paris Франсуа (1690—1727)—янсенистский диакон. После его смерти янсенисты распространили слух о «чудесах», творящихся на его могиле. Это вызывало такое стечение народа на кладбище, что правительство, в интересах порядка, вынуждено было прекратить туда доступ (1732).

⁶ Lancelot Клод (1615—1695)—знаменитый грамматик, видный деятель Пор-Роаяля. Его главные труды: «Nouvelle méthode pour apprendre la langue grecque» (1655), «Nouvelle méthode pour apprendre la langue latine» (1656), «Grammaire générale et raisonnée» (1660) etc. Последний из этих трудов есть та самая грамматика пор-роаяльцев, о которой говорит Местр в первом письме, стр. 689.

⁷ Le Maître de Sassis Луи-Исаак (1613—1684)—теолог и директор Пор-Роаяля. Во время преследования янсенистов был арестован (1666) и заключен в Бастилию, где занялся переводом библии.

⁸ «Сколько голов, столько и умов».

⁹ Парагвай был в XVI веке испанской колонией. С 1698 г. сюда стали проникать иезуиты. Под видом организации миссионерской деятельности они основали здесь свое государство и постепенно добились почти полной независимости. В 1754—1758 гг. между ними и испано-португальскими войсками была война, закончившаяся их изгнанием из страны. Уваров, проповедывавший, что надо «побеждать просвещением», «покорять умы кратким духом религии», мог только сочувствовать иезуитской системе колониальной политики.

¹⁰ Иезуиты были в первый раз изгнаны из Франции в 1594 г. после покушения Шателя на Генриха IV, которое они одобряли, как покушение на короля-еретика. Изгнание из Англии было не в 1604 г., а в 1605 г., после «Порохового заговора», т. е. попытки взорвать парламент и короля, в которой участвовали иезуиты, недовольные королем Иаковом I.

¹¹ «Système de la nature» («Система природы»)—произведение известного французского философа-материалиста Гольбаха. Книга эта, вышедшая в 1770 г., является одним из наиболее крупных произведений предреволюционного материализма и атеизма.

¹² Орден бенедиктинцев, возникший еще в V веке, в эпоху распада Западной Римской империи, отличался очень строгим уставом. Впоследствии обогащение монастырей во многом изменило первоначальный характер ордена. Некоторое его возрождение было в XVI веке, после Тридентского собора. Тогда возникла во Франции конгрегация св. Мавра, известная рядом трудов по истории церкви, в частности, изданием сочинений церковных писателей.

IV. ПИСЬМО ЖОЗЕФА ДЕ МЕСТРА К КН. А. Г. БЕЛОСЕЛЬСКОЙ-БЕЛОЗЕРСКОЙ

Признаков, по которым можно было бы определить адресата публикуемого письма, немного. Адресатка—княгиня, хорошая знакомая Местра, имеющая дачу на Крестовском острове. У нее есть сестра, которой Местр пишет тоже длинные и обстоятельные письма и которой, в частности, он написал подробно о своем житье в Полоцке, откуда отправлено и публикуемое письмо. Местр упоминает в нем о сыне своей корреспондентки, маленьком князе Эспере. Это упоминание и позволяет с безошибочностью установить адресата письма.

Уезжая из России, Местр написал 2/14 мая 1817 г. прощальное письмо княгине Белосельской-Белозерской. Из этого письма узнаем, что княгиня уже некоторое время жила в Москве и Местр очень сожалел об отсутствии возможности лично проститься с ней. Но, по его словам, он всегда как бы видел ее перед собой, бывая у ее сестры. Прося ее нежно обнять за него ее «дорогого Эспера» («votre cher Hesper»), он прибавлял, что подробности его отъезда из России она узнает от графа Лавалья.

Все это убеждает нас в том, что неизвестная корреспондентка Местра—княгиня Анна Григорьевна (1767—1846), вторая жена князя Александра Михайловича Белосельского-Белозерского (1752—1809), бывшего русского посла в Турине, известного мецената. От этого брака у нее был сын Эспер, впоследствии генерал-майор (1802—1846).

О знакомстве с князем А. М. Белосельским-Белозерским Местр упоминает еще в одном письме, от осени 1804 г., но, сопоставляя это знакомство с другими (Кочубей, Строгановы, Чичагов, братья Толстые и др.), он называет его «менее полезным». Действительно, Белосельские-Белозерские стояли в стороне от двора и политики; очевидно, потому знакомство с ними и было «менее полезно». Тем не менее, как видно из печатаемого письма, с княгиней Местра связывала дружба. Сестра княгини, Александра Григорьевна, и муж последней, граф И. С. Лаваль, также были друзьями Местра.

Публикуемое письмо написано во время поездки Местра в Полоцк по поручению Александра I. Оно отличается живостью и остроумием и блещет той особенной светской любезностью, которая так свойственна эпистолярному стилю Местра.

А. Г. БЕЛОСЕЛЬСКАЯ-БЕЛОЗЕРСКАЯ
Портрет маслом Е. Вижэ-Лебрён, 1797 г.

МЕСТР—КН. А. Г. БЕЛОСЕЛЬСКОЙ-БЕЛОЗЕРСКОЙ

Княгиня,

Полоцк, 9/21 июня 1812 г.

Я сознаю здесь всю истинность слов госпожи Севинье о том, что ни один месяц не проходит без перемен. Сперва я думал, что до Полоцка они не дойдут¹, но ошибся. Май прошел хорошо, но я не поручусь за июнь, судя по тому, как он [Наполеон] принялся за дело. Как бы то ни было, княгиня, месяцы, протекшие со времени моего отъезда из столицы, показались мне очень долгими, а вы занимаете такое исключительное место среди всего, что влечет меня туда, что я не могу отказаться от удовольствия напомнить вам о себе, в ожидании возможности лично побеседовать с вами на Крестовском. Я говорю о Крестовском наугад, ибо, сказать по правде, вовсе не уверен, когда смогу приехать. Я думал, что все мои прекрасные планы осуществляются, так сказать, de plain-pié[d]. Я удивительно ошибся, ибо в то самое время, княгиня, когда я имею честь писать вам, я нахожусь в полном неведении о том, удалось ли моей жене выехать. Я получил только заверения в ее добрых намерениях, в коих, как вы и представляете себе, я нисколько не сомневался, но плоды их пребывают еще в сфере возможного. Я подробно писал обо всех этих тревогах вашей сестре и не стану повторяться. В недалеком будущем мне нужны будут ваше и ее сердца, чтобы разделить мою радость или печаль. Если в паспортах будет отказано, мое положение будет плачевно, ибо слово никогда всегда ужасно. Меня усердно обнадеживают, но я склонен ждать отказа,—быть может, по благодатной привычке, усвоенной мной лет двадцать назад,—ожидать всего худшего².

Здесь нет ни развлечений, ни какого-либо общества. А потому мне не остается ничего лучшего, как писать, что называется, черным по белому и бесполезно умножать тома, оставленные у вас. Однако, я сделал небольшую, стодвадцативерстную прогулку. Я съездил в Витебск представиться их королевским высочествам, правителям Белоруссии. Меня осыпали милостями, но я не смог поухаживать за герцогиней, которая из-за сильной простуды и довольно опасной болезни сына не выходила из своих покоев. Меня любезнейшим образом уговаривали продлить свое пребывание там, но ничто не могло меня удержать. Право, иной раз приходится верить предчувствиям. Я выехал из Полоцка в субботу 31 мая, а возвратился в понедельник 3-го, в два часа пополудни³. И представьте себе, княгиня, что ожидало меня у подъезда? Мой бедный Родольф, который прилетел за 200 верст, чтобы повидаться со мной, который мог подарить мне всего лишь два жалких дня, из коих один провел, беснуясь от нетерпения. Итак, я пробыл с ним сутки и не вполне уверен, успел ли я его обнять⁴. Еще менее я уверен в том, что такие свиданья благотворны. Я весьма сомневался в этом, когда сажал бедного юношу в телегу.

Сколько страшных мыслей нахлынуло на меня в тот миг! Так проходит жизнь, и, как сказал Шатобриан, все мы пьем из чаши горечи, в которую провидение подмешивает изредка несколько капель меда, чтобы позабавить нас.

Как бы то ни было, княгиня,—вперед, с закрытыми глазами! События вне нашей власти. Если бы для счастья необходимы были новости, я был бы в наихудшем положении, ибо до нас едва-едва дошла весть об убийстве Генриха IV. Природа тут соответствует всему остальному: в настоящее время в полоцких огородах еще не найти овощей для супа. Иной

не читали

Нравное bien и в 'la lettre' de ce que dit M. D. Sanguet, qui son me-
decine jadis au milieu de nos jours. J'ai eu l'honneur de me présenter
à Polak, mais je me souviens, et lui s'en fait bien aller, et je me
souviens par exemple de qu'il a le souvenir d'être d'y grand je souviens
reprochant ces mots bien longs, et lade la phrase, depuis que j'ai qu'il s'en
rapporte, et vous savez que j'ai si dirigé par moi-même à vous, en attendant
que je ne puis en rapporter le plaisir de me rappeler moi-même à vous, en attendant
que je puisse vous parler de d'un peu plus près de Chénier, — je dis à vous
l'égard de Chénier; car en vérité, je suis pour la manière convenable de
Mélange de nos jours. Je souviens que tous mes beaux projets s'écroulent
pour avoir été de leur part, je me suis étonné de temps, car, dans le
moment où j'ai l'honneur de vous écrire, M. Chénier, j'ignore absolument
d'aucun genre, je suis que le zèle de la bonne volonté de
vous savez que je ne devrais pas, mais le résultat est encore dans le
région des profits, j'ai dit à vous ces quelques-uns à d'un vous savez, je
me ne regrette rien. Vous peu de temps, j'ai un grand besoin de voir d'un cœur
pour partager en ma part en votre affaire. Si les Professeurs sont effrayés, ma
division sera défectuelle, car ce n'est pas un moyen de faire, on me
trouve beaucoup, mais j'indique vers le contraire, peut être pour l'honneur
habiter que j'ai pour d'un grand nombre de moi-même en moi.
Il y a si tant de fois, et tant de fois de moi-même qu'on me

est un de ces livres. Pourquoi seulement du premier, et de l'autre dans
l'honneur, et tel qui ne peut pas en dire, et surtout une œuvre — à
propos de Chénier, et une de l'autre place, une jeune femme,
Mme Chénier, que les femmes sont pour nature. Je n'ai pas seulement
écrit ces choses (avec un volume) mais de plus. Souviens. Vous savez les
histoires de ce genre les plus authentiques, vous connaissez toujours les
mémoires pour qu'on en cite Chénier, et pour bien qu'il y ait dans ces
autres publications qu'on peut s'étonner de Chénier; qui devint bien avec
Chénier — cependant, pourquoi n'a pas un autre, que les dévotionnaires
pour pour bien aujourd'hui de Chénier, dans le fragment, même de
souviens si j'ai écrit quelque chose en faveur. Ce qu'il y a de bien sur cela
qu'il y a une femme jadis écrite. Souviens. Souviens. Souviens.
Pour faire, et je ne recommence à recommencer de sa dévotion que
l'autre se souviens sans cesse. Agitez, Madame Chénier, car
souviens que me devrais pas qu'on

Vous m'avez dit
Souviens de l'autre, au
Monsieur

Polak 21. Juin 1812

Vous m'avez dit
Souviens de l'autre, au
Monsieur

ЖОЗЕФА ДЕ МЕСТРА К БЕЛОСЕЛЬСКОЙ-БЕЛОЗЕРСКОЙ ОТ 21/9 ИЮНЯ 1812 Г.

Первая и последняя страницы

Публичная библиотека, Ленинград

раз я думаю, что в Пьемонте коса уже вернулась к себе в сарай, а серп собирается выйти из него. Ах, пусть они косят и жнут! Я больше не вмещаюсь в это. Единственное, о чем я прошу их,—это не скосить моих последних надежд. Я уверен, что не докучаю вам, говоря обо всех этих отцовских заботах; вы—мать, а потому мне нечего опасаться.

Сегодня герцог—губернатор—торжественно приезжает в Полоцк, чтобы присутствовать завтра на открытии академии, которое будет сопровождаться всеми гражданскими и духовными церемониями, какие только можно себе представить.

Говорят, на торжество соберется много польского дворянства, но я еще никого не видел⁵. Открытие этой академии—событие не малое, и философ найдет, над чем поразмыслить во время торжества. Кто бы сказал об этом Клименту XIV и всем христианнейшим, католичнейшим и благочестивейшим Бурбонам, которые вырвали у него буллу, приставив нож к горлу?⁶ В наш век опасно пророчествовать, если только не иметь верных связей с небесами. Между тем, человек всегда будет пророчествовать—это одна из его маней. Вечно недовольный настоящим, он бросается в будущее и, если не верит в бога, обращается к колдунье. Кстати, о колдунях—не об иезуитах: не замечали ли вы, княгиня, что женщины от природы, не сказал бы ч а р о д е й к и (это вульгарно), а более того—к о л д у н ь и? Во всех наиболее д о с т о в е р н ы х историях такого рода вы неизменно найдете тысячу колдуний на четыре-пять колдунов. Как видно, в женской природе есть небольшая дьявольская частица, которая должна бы нас отпугивать, а между тем, ни у кого это не вызывает страха, и я сам чего бы ни дал я, чтобы пообедать сегодня на Крестовском, ничуть не заботясь о том, о ч а р о в а н л и я или о к о л д о в а н. Несомненно, однако, что я ни за что не согласился бы подвергнуться изгнанию бесов. Целую милого маленького князя Эспера и надеюсь на благосклонное внимание его матушки, которую я люблю и почитаю безмерно.

Примите, княгиня, выражение этих чувств, которые иссякнут только вместе с вашим нижайшим, покорнейшим слугой и преданным другом

Местром

Позвольте мне, княгиня, просить вас передать мое почтение г. Спада⁷.

Автограф.—Публичная библиотека, Ленинград. Из рукописей, поступивших в 1936 г. (по акту № 62/4).

¹ О н и—т. е., повидимому, войска Наполеона.

² В 1812 г. Местр ожидал прибытия в Петербург своей жены и дочерей, но этому приезду помешали военные действия.

³ Местр выехал из Полоцка в пятницу 31 мая в 4 часа дня в сопровождении камердинера и лакея; 1 июня в 10³/₄ час. утра он прибыл в Витебск, остановился в Рижской гостинице. Обедал у белорусского военного губернатора, герцога Александра Вюртембергского, брата императрицы Марии Федоровны, ужинал и ночевал у иезуитов. На следующий день обедал, провел вечер и ужинал у герцога и в 12 час. ночи выехал обратно. 3 июня в 3 часа дня он уже был в Полоцке. В Витебск он ездил, по его словам, только для того, чтобы представиться герцогу (M a i s t r e, Carnets, p. 196).

⁴ Родольф де Местр прибыл в Полоцк для свидания с отцом 2 июня из Опсы, где стоял в то время его полк, и выехал обратно 4-го (i b i d., p. 196).

⁵ Освящение Полоцкой иезуитской академии состоялось 10/22 июня в присутствии герцога Вюртембергского (M a i s t r e, Carnets, p. 196).

⁶ Орден иезуитов был запрещен буллой папы Климента XIV в 1773 г. под влиянием настояний европейских (в частности, французского) правительств.

⁷ S p a d a Антуан—французский эмигрант, с 1801 г. жил в России в качестве учителя в доме кн. Белосельского-Белозерского и перешел в русское подданство, в 1812 г.—почетный библиотекарь Публичной библиотеки, с 1814 г.—цензор.

V. ПИСЬМА ЖОЗЕФА ДЕ МЕСТРА К П. К. И Р. К. СУХТЕЛЕНАМ

В переписке Местра, особенно дипломатической, довольно часто встречается имя генерала Сухтелена¹. Но эти, обычно краткие, упоминания не дают почти никакого материала для суждения о характере их отношений. Письма Местра к П. К. Сухтелену, обнаруженные в архиве последнего, хранящемся в Публичной библиотеке Ленинграда, дают возможность кратко охарактеризовать это знакомство Местра.

Предки Петра Корнилиевича Сухтелена были шведами, переселившимися в XVI в. в Голландию. Здесь он родился в 1751 г. и начал свою службу в инженерных войсках. В 1783 г. он вступил на русскую службу в чине подполковника и участвовал

П. К. СУХТЕЛЕН

Миниатюра неизвестного художника

Русский музей, Ленинград

в шведской и турецкой кампаниях. В начале царствования Александра I, будучи уже генералом, Сухтелен занимал одновременно должности члена военной коллегии, генерал-квартирмейстера и инспектора инженерного департамента. В 1807 г., в качестве генерал-квартирмейстера русской армии, вступившей в Финляндию, он руководил осадой и взятием Свеаборга. По окончании шведской войны, в 1809 г., он был назначен посланником в Стокгольм. Во время походов 1813 г. Сухтелен был снова призван в ряды армии, но по окончании борьбы с Наполеоном вернулся к своему посту в Стокгольм и оставался на нем до самой смерти в 1836 г.² В 1822 г. ему было пожаловано графское достоинство.

Первые письма Местра к П. К. Сухтелену 1804—1806 гг. носят деловой характер. Они обращены к нему, как к инспектору инженерного департамента, и касаются группы пьемонтских офицеров, вступивших в русскую службу в 1804 г.

Из писем Местра, опубликованных в его «Correspondance générale», было уже известно, что в русской армии служило некоторое число сардинских офицеров, но подробности о них оставались невыясненными. Из писем Местра к Сухтелену мы узнаем, что все они были пьемонтцы и служили раньше в старой армии сардинского короля в артиллерийских и инженерных частях, пользовавшихся в свое время европейской репутацией. Во время кампании 1793 г. против Франции пьемонтская артиллерия была снабжена горными орудиями нового образца, дававшими сардинской армии неоспоримое материальное превосходство над французской.

С другой стороны, Туринская военная академия выпускала хорошо подготовленных и образованных офицеров генерального штаба. Вскоре после разгрома сардинского короля в 1796 г. Бонапарт потребовал включения сардинской армии в состав французской, действовавшей в Италии, чтобы получить в свое распоряжение хороших офицеров-специалистов и офицеров генерального штаба, достоинства которых ему были известны.

Как мы узнаем теперь из препровожденной Местром к ген. Сухтелену копии с полученной им от сардинского статс-секретаря, кавалера де Росси, депеши от 28 апреля 1804 г., Александр I, через своего посланника при сардинском дворе Лизакевича, просил короля о присылке к нему на службу нескольких офицеров его прежней армии. После опроса наиболее способных, знающих и опытных офицеров, которые по своим убеждениям и семейным делам могли отправиться в Россию, выбор остановился на пяти лицах: трех артиллеристах и двух инженерах, которые и выехали из Турина в Петербург, не договорившись предварительно о материальных условиях своего поступления на русскую службу. Местру было поручено позаботиться о них и оказать им всякое содействие. Этим хлопотам и посвящаются довольно многочисленные обращения Местра к Сухтелену за 1804 г., не увенчавшиеся, впрочем, особенным успехом, так как только через обер-гофмаршала графа Толстого Местру удалось исходатайствовать у Александра I 500 р. пособия для каждого из приехавших офицеров в возмещение их путевых расходов³.

В письмах за 1805 г. речь идет об откомандировании одного из этих офицеров — артиллериста капитана Манфреди в распоряжение морского министра адмирала Чичагова. В 1806 г. Местр снова хлопочет за двух вновь прибывших пьемонтских артиллерийских офицеров, поступивших на русскую службу в августе 1805 г., о возмещении им расходов по переезду. Особо стоит письмо Местра к Сухтелену от 7 сентября 1813 г., где он заступает за группу принявших русское подданство пьемонтских военнопленных, что, однако, не помешало столичной полиции придирааться к ним, обвиняя их в дезертирстве.

Все эти деловые письма имеют достаточно специальный интерес. Поэтому мы сочли правильным не печатать их здесь, а привести лишь их краткое содержание. Но ниже следующие четыре письма свидетельствуют о том, что между Местром и Сухтеленом существовало живое общение и на совсем иной почве.

По свидетельствам русского мемуариста, подтверждаемым и шведскими источниками, П. К. Сухтелен отличался большой ученостью и начитанностью: «...все математические науки, все отрасли литературы, философия, богословие равно были ему знакомы; в художествах был он верный и искусный судья». Библиотека его в Михайловском замке, где он жил, занимала весь тронный зал Павла I и вмещала в себе, на полках, «драгоценности, коим мог позавидовать всякий библиофил», а в громадных ящиках лежали «редкие рукописи, собрания эстампов и медалей»⁴. И Местр, страстно любивший книги, обильно черпал из этого источника для своих занятий и сам, в свою очередь, как это видно из публикуемых писем, содействовал обогащению замечательной библиотеки Сухтелена, перешедшей после его смерти вместе со всем собранием рукописей в Публичную библиотеку в Ленинграде.

Два публикуемых письма от 11/23 мая 1812 г. и от 5/17 января 1816 г. адресованы не к П. К. Сухтелену, а к его брату, Руфу Корнилиевичу. Последний вступил в русскую службу (в министерство иностранных дел) только около 1805 г. и был сразу причислен к посольству Головина, отправляемому в Китай. По возвращении Р. К. Сухтелен перешел на службу в Императорскую библиотеку, где занимался «описанием книг, напечатанных в XV столетии». С образованием в 1812 г. Публичной библиотеки Сухтелен перешел туда, но скоро уехал к брату в Стокгольм, откуда прислал просьбу об отставке¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр., *Blanc, Mémoires politiques et corresp. diplom. de J. de Maistre*, pp. 196 et 255; *Corresp. dipl. de J. de Maistre, 1811—1817, I*, pp. 60 et 77—78.

² См. биографию П. К. Сухтелена в «Рус. Биографич. Словаре», том «Суворов — Ткачев», стр. 211—212.

³ *Maistre, Oeuvres*, т. IX, р. 316. В архиве Сухтелена имеются препровожденная Местром депеша сардинского министра иностранных дел России от 28 апреля 1804 г. и письма Местра за 1804 г.: от 14/26 июля (с приложением специальной записки о пьемонтах), 29 июля (10 августа) и 13/25 августа.

⁴ «Записки Вигеля», изд. «Русского Архива», II, стр. 43—44, и «Русская Старина», 1903, № 8, стр. 472—473.

⁵ «Имп. Публичная библиотека за сто лет. 1814—1914», СПб. 1914, стр. 30. См. также «Записки Вигеля», II, стр. 113—114; IV, стр. 142—143.

МЕСТР—П. К. СУХТЕЛЕНУ

Среда, $\frac{21 \text{ февраля}^1}{4 \text{ марта}}$

Честь имею препроводить вам, генерал, знаменитую надпись из Розетты², которую дела до сих пор не позволили мне расшифровать, и египетскую урну из Велитри, быть может, самую прекрасную из вещей этого рода после стэлы культа Изиды³.

Посылаю вам также маленькую диссертацию о Фабрисе о финикийской медали (она изображена в конце 1-го тома)⁴. Это ворох разных вещей, из которого можно кое-что извлечь. Автор писал *currente calamo*⁵, и, что занятно,—умер, не написав заглавия к своему труду.

Прошу вас приобщить эту книгу к своей библиотеке, где она будет более к месту, чем в моей.

Имею честь уверить вас в моем уважении.

Граф де Местр

Адрес: Милостивому государю г-ну генералу Сухтелену,
кавалеру многих орденов и пр.
Михайловский дворец

Автограф.—Публичная библиотека, Ленинград. Собрание автографов № 316, картон 36.

¹ Установить год написания этого письма не удалось.

² Знаменитая надпись на гранитном камне, найденная французами в 1799 г. в Нижнем Египте, в Розетте, во время египетского похода Бонапарта. Надпись сделана на трех языках (иероглифы, вульгарно-египетский и греческий) и дала знаменитому французскому египтологу Шамполиону (1791—1832) ключ к иероглифам.

³ Древний памятник, найденный в 1525 г. в Риме. На стэле помещены изображения Изиды и ее мистерий и другие египетские религиозные церемонии.

⁴ Фабрис Габриэль (1725—1800)—французский археолог, доминиканец, в 1803 г. в Риме вышел его посмертный труд «*De phoeniciae litteraturae fontibus*» (2 тома).

⁵ *Currente calamo*—второпях.

МЕСТР—П. К. СУХТЕЛЕНУ

Пятница, 17-го¹

Не разделяя сегодняшнего скоромного режима генерала², я не буду иметь удовольствия обедать с ним; тем не менее, я не хочу, чтобы казалось, что

я забыл о двух надписях, которые он любезно прислал мне от имени г-на Лонэ. Имею честь препроводить, поэтому, прилагаемую при сем небольшую записку об этих надписях, составленную наспех и, как говорится, по памяти. Прошу принять уверение в моем глубоком уважении.

Местр

Автограф.—Публичная библиотека, Ленинград. Собрание автографов № 315, картон 36.

¹ Установить дату этого письма не удалось.

² Режим—пятница, постный день.

МЕСТР—Р. К. СУХТЕЛЕНУ

Полоцк, Белоруссия, 11/23 мая 1812 г.

Милостивый государь,

Собираясь покинуть Петербург, может быть, на два или на три месяца, я отложил несколько книг, принадлежащих моим друзьям, и распорядился вернуть их по принадлежности. Пиндар на греческом и на латинском языках¹, принадлежащий вашему брату, был в их числе; но по рассеянности, неизбежной при отъезде, мое приказание относительно этой книги не было выполнено. Не желая быть как бы виноватым перед вами, я ставлю себе в обязанность уведомить вас, что все произошло по рассеянности и что книга находится в полной сохранности. Это издание «Benedictus» in 4°.

Прошу вас передать мое почтение любезной библиотекарше, которая служит с таким рвением, хотя и без всякого вознаграждения. Не откажите также передать мой привет е. п. брату вашему, когда вы будете ему писать.

Имею честь быть с глубоким уважением, милостивый государь, ваш всенижайший и всепокорнейший слуга

Граф де Местр

Адрес: Милостивому государю

господину статскому советнику ван Сухтелену,

Михайловский дворец,

С.-Петербург.

Автограф.—Публичная библиотека, Ленинград. Собр. автографов № 316, картон 36.

¹ П и н д а р—знаменитый лирический поэт древней Греции (522—448 г. до н. э.)

МЕСТР—Р. К. СУХТЕЛЕНУ

С.-Петербург, Моховая, 54, 17/29 января 1816 г.¹

Милостивый государь,

Я припоминаю, что видел в библиотеке е. п. генерала вашего брата прекрасное издание истории Англии Юма² с рисунками; мне нужно было бы узнать число томов, место и дату издания, а также имя типографа; не будете ли вы так добры сообщить мне эти сведения? Я буду бесконечно вам благодарен.

Спешу воспользоваться случаем, милостивый государь, чтобы напомнить вам о себе и повторить уверения в отменном уважении, с которым честь имею быть вашим всенижайшим и всепокорнейшим слугою

Граф де Местр

Автограф.—Публичная библиотека, Ленинград. Собрание автографов № 315, картон 36.

¹ Это письмо написано в Стокгольм, где в это время жили оба брата Сухтелены.

² Ю м Дэвид (1711—1776)—английский философ, экономист и историк. Его «History of England» появилась в свет в период с 1754 по 1761 гг., всего вышло 4 тома.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ПИСЬМО ЖОЗЕФА ДЕ МЕСТРА К НЕИЗВЕСТНОМУ

Жозеф де Местр имел земли во Франции, так как его мать принадлежала к дворянской семье из Бюже. Эта область входила в состав владений герцога Савойского до 1601 г., когда, по Лионскому договору, она отошла к Франции. Тогда как дед Местра служил в магистратуре при Савойском сенате, один из братьев деда остался в Бюже после присоединения его к Франции. Он был приходским священником в Талисье и в 1777 г. завещал свое имущество Ж. де Местру.

Позднее, в годы революции (12 нивоза III года—10 января 1795 г.), земли Местра в Талисье и в соседних коммунах были проданы с аукциона, как имущество эмигранта. Бюже был тогда дистриктом департамента Эн.

Печатаемое ниже письмо Местра к неизвестному от 1786 г., хранящееся в числе рукописей Публичной библиотеки в Ленинграде, интересно прежде всего тем, что рисует перед нами Местра-феодала, землевладельца предреволюционной Франции, энергично отстаивающего свои права на освобождение от тех налогов, платежу которых формально были подвержены и дворяне, но от которых практически им обычно удавалось освободиться. Письмо выявляет одну из основных черт характера Местра. Он был, что называется, хозяином своего добра и ненавидел в деловых отношениях всякую неопределенность. Он всегда желал точно знать, сколько он должен, и питал отвращение к долгам, чем, несомненно, выделялся из дворянской среды той эпохи.

Шамбери, 22 августа [н. ст.] [17]86 г.

Я получил, сударь¹, с величайшим удовлетворением ваше длинное письмо от 17-го. Я очень огорчен, однако, что из-за меня вам пришлось потрудиться над этим *in folio*, но, зная вашу обязательность, я воздерживаюсь от извинений. Я сто раз слышал в Бюже о г-не Д ю г л а; но такое искаженное произношение фамилии обмануло меня настолько, что, когда он появился в прошении (*placet*) под английской фамилией Дугласа, я совсем не узнал его. Он просил у короля Сардинии орден св. Маврикия, и мне, в качестве землевладельца в Бюже, было поручено навести о нем справки. Мне ни в каком случае не хотелось бы дать неверные сведения, и я в восторге, что все то, что вы мне о нем сообщили, не может помешать его желаниям. Я прошу вас никому не рассказывать обо всем этом.

Мне нечего говорить вам, как я был восхищен счастливым исходом моего дела о *vingtièmes*. Я начал очень на это надеяться с тех пор, как, по полученным мною известиям из Парижа, узнал, что указы последовали. Не смогли ли бы вы мне сказать, почему мне возвращают *vingtièmes* и поголовную подать² только за 1785—1786 гг.? Я уплатил их с 1781 г. и просил о возмещении их полностью за все время; нет никакого основания удовлетворить мою просьбу относительно двух последних лет скорее, чем в отношении предыдущих. Король Франции так мало нуждается в сумме около трехсот ливров, которую дало бы мне полное возмещение, что я не имею ни малейшего желания уступить их ему без всякого основания. Госпожа д'Анжевиль³ советует мне писать прямо в Дижон⁴; но я не очень-то себе представляю, какое значение может иметь одно прошение, без поддержки на месте. Я хотел бы подписать расписки с оговоркой: без ущерба праву за прошлые годы; но, по зрелом размышлении, не хотел уклониться от лаконической формулы, которую вы предписали, и не указал даже Шамбери, что, на мой взгляд, было почти необходимо. Если бы вы смогли найти разгадку, почему мне ограничили возмещение, я был бы вам очень признателен за сообщение.

Что касается регистрации⁵, необходимой для получения обратно талии⁶, то поступайте, как найдете нужным. Мне кажется, что одного документа, по которому я освобождаюсь от *vingtièmes*, будет достаточно для судебного присутствия (*coûr d'élection*)⁷, если представить этот документ при регистрации; вы можете выбрать любой из оставленных мной. Я думаю, что достаточно представить какой-нибудь один;

представление остальных создало бы только путаницу в списках. Так как отзыву монарха о достоинстве подданного можно вполне доверять, то патент на первую должность, которую я получил в 1774 г.⁸, еще до того, как мой отец был возведен в графское достоинство⁹, думается мне, совершенно достаточен для этого, но, как я уже говорил вам, поступайте по своему усмотрению.

На необходимые расходы употребите деньги, которые поступят к вам для меня, но будьте добры сообщить мне, если их нехватит. Что же касается моих должников, то я сплю спокойно. Мои поверенные сделают то, что вы им скажете. Когда вы используете надлежащим образом документы, которые я вам передал, заделайте их, прошу вас, в пакет и, тщательно перевязав, отправьте к маркизу Иенну¹⁰, когда представится вполне верная оказия, приняв во внимание, что это оригиналы, которые мне очень нежелательно утратить.

Толстая мамаша Шане¹¹, которая время от времени заставляет меня есть скверные рагу, поручила мне наблюдение за делом одного из ее родственников, рассматриваемым в Савойском сенате¹². Будьте добры, передайте ей прилагаемую записку, которую доставил мне поверенный. Этот родственник ходатайствует о приведении в исполнение в Савоие приговора, вынесенного Лионским коммерческим судом. Предполагаемый должник отрицает долг; без выписки из баланса или свидетельства, о котором говорится в записке, сенат наверно вынесет частное определение (*interloquera*)¹³, и, таким образом, дело протезе полногрудой дамы отложится до тех же календ, о которых говорите вы¹⁴.

Не любезность, уверяю вас, заставляет меня сказать, как огорчен я тем, что в этом году не смогу побывать в Бюже¹⁵; мне, конечно, будет очень досадно не повидаться с вами. Вся моя семья шлет вам сто тысяч приветов; передайте от меня то же самое вашей семье и верьте, что я остаюсь на всю жизнь с чувством глубочайшего уважения и привязанности ваш всенижайший и всепокорнейший слуга

Местр

Автограф.—Публичная библиотека, Ленинград.

¹ Текст письма не позволяет установить личность адресата. Мы знаем, что Местр состоял в постоянной переписке со многими родственниками и друзьями из Бюже. В частности, он переписывался с заместителем баляи города Белле. См. F. Descotes, J. de Maistre avant la Révolution, 2 vol., Chambéry, 1890; и его же брошюру—Necker écrivain et financier, Chambéry, 1896.

² *Vingtièmes*—или пятипроцентный поземельный сбор-налог в дореволюционной Франции, введенный в 1749 г. при Людовике XV генеральным контролером финансов Machault d'Arnouville; *capitation*—поголовная подать, от которой формально были освобождены только бедняки.

³ *d'Angeville*—фамилия савойских землевладельцев, имевших также земли в Бюже. См. *Armorial de Savoie*, v. I.

⁴ Т. е. в Дижонский парламент, верховный суд, распространявший свою юрисдикцию на Бургундию, кроме Оксерры, Бресс, Бюже и Домб.

⁵ Регистрация сводилась к внесению в реестр приказа о возвращении взысканного налога.

⁶ *Taille*—талля, налог, которым облагалось как земельное имущество, так и личность плательщика. С XV века талля взималась только в пользу короля. Дворянство и духовенство были освобождены от этого налога, но не вполне.

⁷ *Cour d'élection*—суд, ведавший разбором претензий привилегированных, освобожденных от платежа талля. На решения этого присутствия апеллировали в *Cour des aides*, где рассматривались дела по всем налоговым жалобам. Балле был в Бургундии одним из четырех городов, где имела эта судебская инстанция.

⁸ В 1774 г. (6 декабря) Местр был назначен на должность *substitut suppléant* при Савойском сенате, т. е. сверхштатным помощником прокурора по налоговым делам.

⁹ Графский титул был пожалован отцу Местра 8 сентября 1778 г.

¹⁰ *Marquis d'Yenne*—один из наиболее богатых представителей савойского дворянства; см. F. Vermales, *Les classes rurales en Savoie en XVIII siècle*, P., 1910.

Paris le 24 août 80

J'ai tenu avec la plus grande satisfaction, Monsieur, votre longue lettre de 17
haut mon chagrin en de vous donner la peine de me faire ces réflexions, mais
votre Comté est obligé de me dépend les raisons. — J'avais cru pendant
cette fois au Bugey de St. Jacques, mais la proclamation m'a servi de base
pour que lorsqu'il a paru dans un Place sous le nom Anglois de Jacques
je ne l'ai plus pour reconnu, il a demandé au Roi de l'indulgence l'ordre de
Pellavice, Et comme nous au Bugey j'ai été chargé de prendre les
informations sur sa personne, je n'en ai pas vu pendant tout un an
donner de faux renseignements. Et je suis certain que rien de ce que vous
m'avez écrit ne peut contraindre les imitations, Je vous prie de ne jamais
parler de tout ceci. —

Je n'ai pas besoin de vous dire combien j'ai été charmé de l'honneur que
de mon affaire de 20 ans, je commençai à en bien espérer quand les ordonnances
ont été mises en regard avec celles qui furent rendues de Paris, mais ne
saviez-vous pourquoi dire, Monsieur, pourquoi on ne me fait sentir que
les 20 ans de la signature des années 1785-86? Je les ai payés depuis
1781, Et j'en ai demandé la restitution depuis ce moment; il n'y a
aucune raison de me les subjuger pour les deux dernières années plutôt
que pour les précédentes. Le Roi de France a si peu besoin de 3000 livres
que me prêter la restitution complète, que je n'ai même envie de les

Tout ce que je fais avec vous fait tout-à-fait complaisance, acquiesce-ment
je vous prie, auprès de la vôtre. Et voyez-moi pour la vôtre
les raisons, les plus vifs d'arriver. Et d'accablement.

Votre très-humble & très-
obéissant serviteur: *Chabot*

¹¹ Хозяйка гостиницы в Талисье.

¹² Местр был сделан сенатором только 13 июня 1788, см. F. Vermales, Joseph de Maistre émigré, I vol., Chambéry, 1927, p. 25.

¹³ Устаревший юридический термин, обозначающий предварительное решение, принимаемое судом до представления каких-либо дополнительных сведений. В данном случае это означало, что сенат отложит дело до проверки долгового обязательства.

¹⁴ Т. е. до бесконечности.

¹⁵ Так как Местр собирался жениться во время судебных вакансий 1786 г.

II. ПИСЬМО ГРАФА Д'АВАРЭ К ЖОЗЕФУ ДЕ МЕСТРУ

Публикуемое письмо, сообщенное редакции «Литературного Наследства» во французской копии г. Руэ де Журнелем, директором Bibliothèque Slave в Париже, дополняет известные до сих пор материалы о сношениях Местра с политическим центром французской эмиграции.

Граф д'Аварэ, состоявший при претенденте на французский престол, графе Прованском, был «фаворитом принца и наиболее влиятельным членом его совета»¹. Уже в 1794 г., когда гр. Прованский в качестве дяди «Людовика XVII» еще именовал себя регентом, граф д'Аварэ руководил политическими делами этого своеобразного двора. Он сохранил свое влияние и тогда, когда в 1795 г., после смерти своего племянника, гр. Прованский возвестил миру о своем вступлении на престол под именем Людовика XVIII.

Д'Аварэ был одним из самых непреклонных сторонников старого режима. Когда постепенно ряды эмиграции начали редеть, когда ее левые, буржуазные круги стали возвращаться в Париж и обнаруживали готовность к сближению с республикой, возникла необходимость сплотить ряды оставшихся, и в этих условиях особенно важно было использовать каждого талантливого единомышленника, что и пытался сделать д'Аварэ.

Выступление Местра с его «*Considérations sur la France*», направленное именно против этой отхлынувшей буржуазной части эмигрантов, произвело большое впечатление на дворянскую эмиграцию. Тогда и была сделана первая попытка со стороны ее политического центра завязать сношения с Местром. Они открылись письмом д'Аварэ от 30 июля 1797 г., на которое Местр отвечал 30 августа. В этом письме он просил передать Людовику XVIII, что нет человека, более его преданного интересам претендента, что он любит его, как любит симметрию, порядок, здоровье, и считает его счастьем необходимым для Европы. Он предлагал свои услуги главе эмиграции. Но ответное письмо д'Аварэ от 28 сентября, содержавшее в себе предложение денег от имени Людовика XVIII, было перехвачено французским главным штабом и опубликовано Директорией в качестве одного из доказательств существования роялистского заговора. Для Местра это имело последствием ряд неприятностей, так как он, до некоторой степени, скомпromетировал сардинское правительство, находившееся тогда в мире с Французской республикой. 12 ноября 1797 г. Местр писал д'Аварэ: «Я вызвал недовольство, большое недовольство, и получил этому горькое доказательство, так как большая милость, накануне получения которой я был, отменена». Наконец, в письме от 10 февраля 1798 г., Местр просил своего корреспондента быть возможно осторожнее. После этого переписка прекратилась².

Весной 1803 г., перед отъездом в Петербург, Местр встретился в Риме с д'Аварэ, который уверил его от имени своего короля, что последний считает Местра верным защитником дела королей и его собственного³.

В 1804 г. в Петербурге Местр поддерживал самые дружественные отношения с жившим там роялистским агентом гр. Блакасом, но непосредственных связей с эмигрантским центром не имел. Между тем, это был очень острый период для последнего. Расстрел 21 марта герцога Энгиенского, протест против этого России и провозглашение Наполеоном империи пробудили политическую активность этого центра. Он выступил с протестом против «узурпации Бонапарта». Позиция России внушала надежды. 25 июня в письме к Александру I из Варшавы Людовик XVIII извещал о своем намерении ехать через Россию в Швецию и созвать там совещание своих родственников для принятия манифеста к французскому народу⁴. В тот же день Людовик XVIII написал к Местру письмо⁵, а следующим днем, 26 июня, датировано печатаемое ныне письмо д'Аварэ.

Отмечая заслуги автора «*Considérations sur la France*» перед роялизмом и рассыпаясь в похвалах его талантам и знаниям, д'Аварэ просит его высказать свое мнение

о проекте манифеста, посылавшегося на отзыв Местру. Настаивая в манифесте на своих правах, Людовик XVIII обещал французам общую амнистию, сохранение должностей чиновникам и офицерам, наконец, сохранение собственности владельцам национальных имуществ, но о политическом строе будущей реставрированной монархии там не было ничего.

Местр, как гибкий и тонкий политик, не одобрил этого. В письме к д'Аварэ от 21 сентября (3 октября) он настаивал на том, что, прежде всего, пункт о национальных имуществ должен быть сформулирован яснее, потому что он может быть использован, как наиболее опасное оружие против короля, и потому что «ни один рассудительный человек не может в настоящий момент мечтать о возможности возвращения этих имуществ прежним владельцам». С другой стороны, полагая, что враги могут использовать сквозящее в манифесте решительное отрицание народного представительства, Местр предлагал сказать: «Ни один достойный человек не будет лишен своего положения; мы не произведем в административном строе, в организации или распределении должностей других изменений, кроме тех, которые мы признаем необходимыми совместно с нашим народом или в согласии с общественным мнением, к которому мы будем обращаться». Находя, что эта фраза достаточно ясна, чтобы быть понятой, как обещание, и достаточно неопределенна, чтобы связывать короля реальными обязательствами, Местр в своем письме успокоительно прибавил: «Впрочем, все эти формулы не имеют большого значения. Король всегда властен и в достаточной мере властен»⁶. В письме к самому Людовику Местр выражал свою скорбь по поводу того, что приходится идти на уступки в вопросе о национальных имуществх и «санкционировать такой разбой»⁷.

Сношения были установлены, и Местр стал «секретным агентом Людовика XVIII»⁸. Но дружба с д'Аварэ оказалась непрочной, и Местр вскоре пришел к отрицательным выводам относительно его политических способностей.

Тем не менее, переписка продолжалась, а когда после Тильзита Блакас покинул Петербург, последовал за Людовику XVIII в Англию и здесь заменил серьезно заблужденного д'Аварэ в заведывании политической корреспонденцией претендента, Местр стал поддерживать с ним деятельную переписку, проявляя себя всегда усердным агентом Бурбонов в России⁹.

ГРАФ Д'АВАРЭ—МЕСТРУ

Варшава, 26 июня [н. ст.] 1804 г.

Граф,

Уважение, основанное на полном согласии принципов, чувств и, скажу, преданности нашим государям, уже много лет тому назад подготовило и создало дружбу, которую я впоследствии мог принести, как дань вашим личным качествам. Вот к этой дружбе, обещанной вами и так хорошо оцененной мной, и обращается теперь король, мой повелитель в один из самых серьезных моментов своей несчастной судьбы, чтобы просить ваше усердие и ваш просвещенный ум автора «*Considérations sur la France*» поделиться своими идеями (употребляю точные выражения письма, которое король поручает мне послать вам). Вы должны уже знать, что король обратился ко всем монархам с протестом против открытой узурпации Корсиканца. Ваша душа, и ваш ум, должны подсказать вам, что он не остановится на этом и что в намерении е. в. было воспользоваться, по приезде в Россию, возможностью более свободно окружить себя просвещенными людьми и вескими авторитетами, чтобы затем обратиться с воззванием к своему народу¹⁰. Цель как письма короля, так и того, которое он поручает мне написать вам, доставляя этим удовольствие моему сердцу, заключается в том, чтобы осветить его труд вашими мыслями, соображениями и размышлениями по поводу этого великого и наиболее торжественного акта, какой только добродетель и честь могут противопоставить узурпации, преступлению и бесчестию. Откликнитесь, умоляю вас, граф, с полным доверием на ожидания государя, преисполненного к вам уважения, короля, представляющего миру зрелище, которое Платон считает достойным внимания богов,—брата, друга вашего монарха, дело которого одновременно и его собственное.

Вы передадите герцогу де Серра-Каприола¹¹ то, что вы сочтете нужным мне ответить, и если вы того пожелаете, все останется в абсолютной тайне между нами. Чем скорее вы ответите, тем лучше, но достаточно, если король получит через шесть недель просвещенные советы, которых он ждет от вашей преданности его делу и его особе...

Граф д'Аварэ

На подлиннике собственноручная пометка Местра:

Получено в Мурзинке, около Петербурга, в понедельник 27 июня (9 июля).

Подлинник хранится в семейном архиве графов Местр, во Франции.—Текст сообщил М. Rouët de Journal.

¹ E. D a u d e t, Histoire de l'émigration pendant la Révolution française, т. I, P., 1905, pp. 261—262.

² E. D a u d e t, Joseph de Maistre et Blacas, P., 1908, pp. 4—47. Письмо д'Аварэ от 28 сентября 1797 г. перепечатано в «Carnets», pp. 230—231.

³ I b i d., p. 48.

⁴ E. D a u d e t, Les Bourbons et la Russie pendant la Révolution française, s. a. Pièces justificatives, pp. 374—375.

⁵ Письмо Людовика XVIII—см. M a i s t r e, Oeuvres, t. XIV, p. 296. Местр ответил 28 июня (10 июля) 1804 г. (i b i d., p. 297). Он писал кратко, что «брат, друг, товарищ по оружию» его короля имеет все права располагать его услугами, но что возложенная на него задача чрезвычайно трудна, тем не менее, он постарается ее исполнить.

⁶ M a i s t r e, Oeuvres, IX, pp. 230—231.

⁷ I b i d., p. 268.

⁸ F. V e r m a l e, Joseph de Maistre émigré, chap. I.

⁹ Эта переписка напечатана в книге E. D a u d e t, Joseph de Maistre et Blacas, P., 1908.

¹⁰ Людовик XVIII первоначально хотел устроить в России свидание со своими родственниками для обсуждения своего воззвания к французскому народу и лишь вследствие протеста Александра I избрал Швецию. См. E. D a u d e t, Les Bourbons et la Russie, p. 269 et suiv.

¹¹ Неаполитанскому послу при русском дворе.